

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Август 2022 Том 21 № 3

Специальная тема номера:
**ПЕТРОВСКИЕ РЕФОРМЫ И НАРОДЫ РОССИИ:
к 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА I**

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 21 No 3 AUGUST 2022

Special Theme of the Issue:
**THE PETRINE REFORMS AND THE PEOPLES OF RUSSIA:
ON THE 350TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF PETER I**

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.22363/2312-8674-2022-21-3

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Directory of Open Access Journal (DOAJ), Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Electronic Journals Library Cyberleninka, EBSCOhost.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, рецензии и обзоры, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее, прежде всего, в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов нашей страны в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Подписано в печать 24.08.2022. Выход в свет 31.08.2022. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 12,25. Тираж 500 экз. Заказ № 823. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Minsk, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Michael David-Fox, *Georgetown University, Washington, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*

Jahangir Karami, *University of Tehran, Tehran, Iran*

Catriona Kelly, *University of Oxford, Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, South Bend, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Irena Vladimirska, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Editor K.V. Zenkin

Translation Editor E.A. Paymakova

Layout Designer Iu.A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Москва, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Москва, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Москва, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, Ричмонд, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, Вашингтон, США*

Карами Джахангир, *Тегеранский университет, Тегеран, Иран*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, Саут-Бенд, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, Юджин, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии Наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Редактор перевода Е.А. Паймакова

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

PETER THE GREAT'S REFORMS IN THE FATE OF THE RUSSIAN PEOPLES

Evgenii Anisimov. Eastward Motion of Peter the Great's Empire 312

Tatiana Chernikova. European Ideological Meanings in the Context of Peter the Great's Royal Will 322

Nikolai Slavnitsky. The Inclusion of the Eastern Baltic in the Russian Empire: Methods of Peter I to 'Increase the Fatherland' 335

THE PERSONALITY AND ACTIVITIES OF PETER THE GREAT IN HISTORICAL RESEARCHES AND SOURCES

Vardan Bagdasaryan, Sergey Resnianskiy. Image of Peter I in Modern Historiographical and Public Discourse 351

Aleksandr Petrov, Alexey Ermolaev. New View of Peter the Great's Instructions to Vitus Bering in 1725 in the Context of Struggle for Colonies in the North Pacific 363

Nataliya Eylbart. G.S. Treuer's 'Apology' of Tsar Ivan the Terrible as a Tool for Forming a Positive Image of the Russian Monarchy in Europe in the Petrine Era 376

Sergei Chirkin. Military Actions at Narva in 1700 According to the Memoirs of Swedish Warriors 384

ARTICLES

Nikolay Demyanenko. The History of the Bulgarian Prince Ferdinand of Coburg's Visits to Russia at the Late 19th Century in the Right Official Press 394

Pavel Litvinenko. Baptism of Adepts of Judaism in the Turkestan Krai in the Second Half of the 19th – Early 20th Century: Scope and Motivation 404

Olga Koval. Legal and Social Aspects of the Belarussian Economic Emigration to Canada in the 1920s–30s 417

Boris Iakemenko. Assigning Numbers in Nazi Concentration Camps as a Factor of Dehumanization: As Remembered by Soviet Prisoners 432

BOOK REVIEW

Andrey Minakov. "Review of *Gosudarstvennyi sovet v sisteme upravleniya Rossiiskoi imperii. Vtoraya polovina XIX v. [State Council in the management system of the Russian Empire. The second half of the 19th century]* by N.V. Chernikova. Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga Publ., 2021. 365 p. 439

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕТРОВСКИЕ РЕФОРМЫ В СУДЬБЕ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Евгений Анисимов. Движение империи Петра Великого на Восток 312

Татьяна Черникова. Европейские идейные смыслы в контексте царской воли Петра I 322

Николай Славнитский. Включение Восточной Прибалтики в Российскую империю: методы «приращения отечества» Петра I 335

ЛИЧНОСТЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРА

В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ИСТОЧНИКАХ

Вардан Багдасарян, Сергей Реснянский. Образ Петра I в современном историографическом и общественном дискурсе 351

Александр Петров, Алексей Ермолаев. Новый взгляд на инструкцию Петра I Витусу Берингу 1725 г. в контексте борьбы за колонии на севере Тихого океана 363

Наталья Эйльбарт. «Апология» царя Ивана Грозного Г.С. Тройера как инструмент формирования положительного образа российской монархии в Европе в петровскую эпоху 376

Сергей Чиркин. Российская армия в Битве под Нарвой 1700 г., отраженная в шведских воспоминаниях 384

СТАТЬИ

Николай Демьяненко. Освещение визитов болгарского князя Фердинанда Кобургского в Россию в конце XIX в. правой официальной печатью 394

Павел Литвиненко. Крещение адептов иудаизма в Туркестанском крае во второй половине в XIX – начале XX в.: масштабы и мотивация 404

Ольга Коваль. Нормативно-правовые и социальные аспекты белорусской экономической эмиграции в Канаду в 1920–1930-е гг. 417

Борис Якеменко. Присвоение номера в нацистских концентрационных лагерях как фактор расчеловечивания: по воспоминаниям советских узников 432

РЕЦЕНЗИЯ

Андрей Минаков. Рецензия на книгу: *Черникова Н.В.* Государственный совет в системе управления Российской империи. Вторая половина XIX в. М.: Научно-политическая книга, 2021. 365 с. 439

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-312-321>

Научная статья / Research article

Движение империи Петра Великого на Восток

Евгений Викторович Анисимов

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
✉ vbrevis@yandex.ru

Аннотация: Время Петра I примечательно не только реформами, преобразившими страну, но и появлением новых представлений о месте России как великой державы в мире. Имперские мечтания Петра выходили далеко за рамки установления русского господства на Балтике. Петр внимательно относился к теме отношений Запада и Востока. Тут важно учесть экономические соображения царя. Он был увлечен идеями меркантилизма и мечтал превратить Россию в транзитное пространство между Западом и Востоком. Это позволило бы обогатить страну. Он хотел создать единую транспортную систему (преимущественно водную), которая соединяла бы Балтику с Востоком. Кроме того, мифы о сказочном богатстве Востока распалали имперское воображение Петра. Это выразилось в посылке в Среднюю Азию и на Каспий экспедиций, перед которыми ставилась задача не только разведки, но и присоединения новых территорий. Наиболее ярко имперские мечтания Петра выразились во время Персидского похода. Целью похода было не только завоевание североиранских территорий, но и создание там базы для завоевательного похода в Индию. Планы Петра были обширны. Он намеревался создать в устье Куры новый, подобный Петербургу, город-порт и центр восточной торговли. Тем самым он намеревался перенести традиционные торговые пути между Востоком и Западом на пространство России. Однако смерть царя не позволила ему реализовать эти и другие грандиозные завоевательные планы.

Ключевые слова: Петр I, имперское воображение, экспедиции на Восток, Индия, Персидский поход, меркантилизм, завоевания

Для цитирования: Анисимов Е.В. Движение империи Петра Великого на Восток // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 312–321. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-312-321>

Eastward Motion of Peter the Great's Empire

Evgenii V. Anisimov

St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
National Research University "Higher School of Economics," St. Petersburg, Russia
✉ vbrevis@yandex.ru

Abstract: The time of Peter the Great is notable not only for the reforms that transformed the country, but also for the emergence of new ideas of the place of Russia as a great power in the world. Peter the Great's imperial dreams went far beyond the establishment of Russia's domination in the Baltic. He was mindful of the problem of the West-East relationship. It is important to take into account the tsar's economic considerations. He was fascinated by the ideas of mercantilism and dreamed of turning Russia into a transit space between the West and the East. It would allow enriching the country.

He wanted to create a unified transport system (mainly waterway) that would connect the Baltic and the East. In addition, the myths about the fabulous wealth of the East heated Peter the Great's imperial imagination. It manifested itself in sending expeditions to Central Asia and the Caspian Sea. Their purpose was not only to explore, but also to annex new territories. Peter the Great's imperial dreams were expressed most vividly during the Persian campaign, the aim of which was not only to conquer the northern part of Persia, but also to create a base there for an expansionist campaign to India. Peter the Great's plans were extensive. He intended to create a new city-port in the mouth of the Kura similar to St. Petersburg and a center of eastern trade. Thus, he planned to transfer the traditional trade routes between the East and the West to the territory of Russia. However, the tsar's death prevented him from realizing these and other grandiose plans of conquest.

Keywords: Peter I, imperial imagination, expeditions to the East, India, Persian campaign, mercantilism, conquests

For citation: Anisimov, E.V. "Eastward Motion of Peter the Great's Empire." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 3 (August 2022): 312–321. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-312-321>

Введение

Как известно, главной целью Петра Великого в Северной войне (1700–1721 гг.) был выход России к Балтийскому морю. Война эта была начата Петром под формальным предлогом возвращения «отчин и дедин» – приморских территорий, некогда принадлежавших Великому Новгороду, ставших частью Московской Руси, а затем в начале XVII в. отошедших к Швеции согласно заключенному в 1617 г. Столбовскому миру. Но не только стремление восстановить справедливость и вернуть некогда отобранные силой старинные приморские земли двигало Петром. Выход к морю был важен для царя как первый шаг в обустройстве надежной «коммуникации» между Западом и Востоком. Тема эта не нова в научной литературе применительно к истории Петровского периода, и она отразилась в литературе по конкретными ее аспектам, однако обобщающих исследований, которые бы коснулись феномена имперского воображения Петра применительно к Востоку, фактически нет. Данная статья преследует цель восполнить эту лакуну.

Идея транзита Запад – Восток

Сама идея использовать пространство России для установления транзита «Восток – Запад» существовала давно, как в сознании европейских купцов, искавших более безопасный (чем через Ближний Восток) путь к богатствам Индии и Китая, так и в сознании правителей России, хотевших перевести главные сухопутные торговые пути, связывающие Европу с Востоком, так называемый «Великий шелковый путь» севернее от его традиционного направления (через Ближний Восток) – на территорию России и сделать этот путь преимущественно водным – через систему рек Великоорусской равнины и соединяющих их каналов.

Для этого были предпосылки. Россия с древних времен становилась транзитной территорией между Западом и Востоком. Не раз отдельные западноевропейские посольства и путешественники, отправлявшиеся в Персию, проходили этим путем, причем от Москвы и до берегов Персии это был удобный водный путь по Москва-реке, Оке, Волге и Каспию. Но в целом путь от Москвы на Запад через Россию не был освоен и технологически обустроен, при том что Швеция, владея восточным побережьем Балтики, никогда не мешала выходу в море русских купцов как через устье Невы, так и через свои балтийские порты – Ригу, Ревель, Пернов. Дело в том, что водные пути через Великоорусскую равнину как наиболее удобные в условиях русского бездорожья не были соединены в единую водную транспортную систему. Вместе с тем путь из центра в Архангельск – единственный морской порт России – был довольно хорошо освоен как по воде, так и посуху, и он вполне удовлетворял экономические потребности тогдашней России, правители которой

не особенно искали торговых путей к Балтийскому морю. Требования же русских дипломатов вернуть России ее «отчины и дедины» на Балтике во время переговоров со шведами в течение всего XVII в. были продиктованы больше соображениями престижа, чем экономической необходимостью. Все изменилось с приходом к власти Петра в 1689 г.

Культ Пристаней

Царь резко изменил внешнюю политику России. С юных лет образцом для Петра была Голландия, чье богатство и благополучие было достигнуто за счет мореплавания и торговли. Поэтому царь был безмерно увлечен популярными в то время идеями меркантилизма, видел в развитии международной торговли средство обогащения России. Завоевав устье Невы, Петр начал строить не просто город и крепость Санкт-Петербург, а как тогда говорили, ПРИСТАНЬ. Это емкое понятие включало в себя торговый порт, гавань, перевалочный пункт, центр морской торговли, портовый город со всей, присущей ему инфраструктурой и населением. Эта Пристань для Петра была не только, как принято говорить, «воротами в Европу», но и «воротами на Восток», вглубь России. А там, на ее просторах, иностранные инженеры и тысячи согнанных отовсюду работных быстрыми темпами начали строить каналы и шлюзы, которым предстояло соединить русские реки, текущие, в основном, в меридиональном направлении, между собой и со всеми морями, к которым имела выход Россия. Вся эта система водных путей должна была, прежде всего, обеспечить связь Балтики с Черным морем и Каспием и, в конечном счете, с Востоком. Забегая вперед, отметим, что Петр мечтал когда-нибудь сесть на судно в Петербурге, а высадиться... на берегах Инда!

К этому времени Европа уже довольно много знала о странах и народах Востока. До появления научного знания о восточных цивилизациях оставалось лет 100–150, тем не менее, в Европе уже были накоплены обширные данные об экономике, географии, быте, языках стран Востока. Сведения об этом разными путями попадали в Россию, которая и сама, благодаря своим торговым связям с Китаем, Персией и Средней Азии, имела обширную практическую информацию об этих регионах. Кроме того, нужно учитывать голландский опыт Петра. В Голландии, в которой он бывал дважды и подолгу, царь многое узнал о Востоке. Он знакомился с коллекциями артефактов, доставленных из множества голландских факторий на Востоке (известно, что многие годы голландцы были единственными европейцами, допущенными в Японию). Петр сам бывал на кораблях Батавской эскадры, привозивших товары и редкости из Батавии (Индонезии). Он был знаком с исторической литературой о Востоке, разговаривал с людьми, побывавшими там. Среди них были путешественники, купцы, дипломаты. Можно утверждать, что у царя был искренний интерес к Востоку. Голландский путешественник и художник Корнелис де Бруин сообщал в своих записках, как Петр расспрашивал о его путешествии на Восток, рассматривал его зарисовки, просил рассказать о Египте, Ниле,

о городе Каире, его величине, как он построен, в каком состоянии находятся части, отделенные от древнего Каира, об Александрии и о многих других местах, присовокупив при этом, что ему неизвестно о том, что есть другая местность, называемая Александретта¹.

Важно отметить, что Петр как профессиональный военный и моряк отлично разбирался с картами, часто «путешествуя» по ним. Недаром именно карта Каспийского моря стала основанием для принятия Петра во французскую Академию наук.

¹ *Бруин К. де Путешествие в Московию // Россия XVIII века глазами иностранцев / сост. Ю.А. Лимонов. Л., 1989. С. 52.*

В поисках золота Востока

Конечно, сведения о Востоке в то время постепенно очищались от средневековых легенд о людях с песьими головами, о Горе Мудрецов и прочих мифов, плотной завесой окружавших таинственный Восток, но все же главный миф о невероятном его богатстве прочно гнездился в сознании людей начала XVIII в. Не миновал веры в него и русский царь. Неслучайно он оказался очарован в 1714 г. рассказами о таинственном чудесном городе золота Иркене или Яркенде. Эта вера Петра в возможности так просто обогатить казну, отощавшую за время тяжелой войны со шведами, стала причиной посылки в Хиву военной экспедиции князя А.Б. Черкасского (более известного как Бекович-Черкасский). В указе, подписанном Петром, ему предписывалось ехать в Хиву к правителю якобы

с поздравлением на ханство, а оттоль ехать ему в Бухары, сыскаф какое дело торговое, а дело настоящее – чтоб проведать про город Иркень, сколь далеко оной от Каспийского моря и нет ли каких рек оттоль (или хотя не от самого тово места, аднакож в близости) в Каспийское море².

Тогда же через Сибирь был отправлен отряд подполковника И.Д. Бухгольца, которому также поручалось найти и завладеть Иркеном. Другим, связанным с поисками Иркени, был миф о золотоносной Амударье. Мысль о сверкающем золотом дне Амударьи не давала покоя царю. Он верил рассказам авантюристов, вроде туркмена Хаджи Нефеса, который убедил царя, что коварные хивинцы, чтобы затруднить другим добывать со дна реки драгоценный металл, построили дамбу и отвели течение реки от Каспийского моря в сторону Арала. Петр полагал, что можно разрушить эту плотину, вернуть реку в старое русло и благодаря этому легко пройти к золотым месторождениям³.

Примечательно, что и перед Бекович-Черкасским, и перед И.Д. Бухгольцем ставилась задача не просто добраться до Иркени и вожделенных берегов Амударьи, а предписывалось по дороге возводить цепь крепостей – опорных пунктов российского господства (так, Бухгольцем был основан Омск)⁴. В этом проявлялись имперские мечты Петра о расширении пределов владений России на Востоке. Территориальная экспансия была обязательной частью плана продвижения на Восток. Так поступали все великие колониальные державы того времени, а Петр мыслил свою империю именно как империю мирового уровня, владевшую множеством восточных колоний. Но, как известно, карты порой играют скверную шутку с имперскими мечтателями – часто бывает «гладко только на бумаге...»: обе экспедиции закончились провалом, и только русский фольклор обогатился безнадежным выражением «Пропал как Бекович!»⁵.

На Индию через Персию

Неудачи в реализации среднеазиатского проекта не остановили Петра. В конце Северной войны, завершившейся победным для России Ништадским миром 1721 г., имперские мечты царя, вскоре ставшего императором, приняли новое направление. Достигнутое в ходе Северной войны военное могущество России в сочетании с резким ослаблением империи Сефевидов, изнемогавшей в это время под натиском

² Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее – Архив СПбИИ РАН). Ф. 272. Оп. 1. Д. 75. Л. 340.

³ Андреев А.А. Хивинское ханство в начале XVIII века. Трудности политического развития в условиях внешнего влияния // Петровское время в лицах: сб. статей. СПб., 2015. С. 23–24.

⁴ Евсеев Е.Н. Экспедиция И.Д. Бухгольца и основание Омской крепости // Города Сибири: (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С. 47–59.

⁵ Подр. см.: Безгин И.Г. Князя Бековича-Черкасского экспедиция в Хиву. СПб., 1891.

афганских племен⁶, привело Петра к мысли о завоевании Персии для того, чтобы оттуда двинуться прямо в Индию – великую цель всех европейских завоевателей. Собственно, прежние экспедиции Бековича и Бухгольца также имели в виду не только поиски золота, но разведку пути в Индию через Среднюю Азию. Так, с отрядом Бековича должен был ехать опытный картограф А.И. Кожин, которому прямо поручалось,

ехать ему водою Амударью рекою (или другими, кои в нее впадают), сколько возможно до Индии под образом купчины, а настоящее дело до Индии путь водяной искать⁷.

Самому же Бековичу, достигнувшему Бухары, предстояло отправить

надежного человека и тамошние языки знающего, чрез Персию в Индию, которому приказал о всех обстоятельствах земель, через которые проезжать имеет, прилежно выправляться и с подробностью все то записывать, а оттуда возвратиться в Бухарию через Китайское государство⁸.

Однако гибель отряда Бековича (точнее – его бесследное исчезновение) сделало для Петра запасной план завоевания прикаспийских провинций Персии и создания там базы для движения в Индию основным и безальтернативным. С 1718 г. начинается интенсивное изучение побережья Каспийского моря. Речь шла о «положении на карту» западного берега Каспия от устья Волги до Астрабада на южном берегу моря⁹. Морские экспедиции формально искали новые торговые пути, но по существу они имели отчетливо разведывательный характер и являлись частью общей «восточной программы» Петра, ориентированной на завоевание прилегавшей к берегам Каспия северной части Персии. Как писал участник одной из таких экспедиций на Каспий, Ф.И. Соймонов,

польза общих торгов служила только наружным видом сего предприятия, и назначенному в оную посылку офицеру предписано было в инструкции, чтоб они сие намерение везде распространяли, хотя другие словесные и тайные приказания до купчества не подлежали¹⁰.

Впрочем, уточним: Петр требовал, чтобы участники экспедиций не только фиксировали места предстоящей высадки войск на побережье, но и собирали информацию о торговых путях, товарах, вывозимых из этих мест – напомним: движение в Индию преследовало цель с помощью оружия сместить Великий шелковый путь в сторону России.

Петербург на Куре?

Персидский поход, начавшийся в 1722 г. под командованием самого императора, проходил с успехом. Слабые силы персов и правителей западного Прикаспия не оказывали сопротивления русским войскам. Наоборот, даже приходилось сдерживать себя, чтобы не раздражать своими завоеваниями османскую Турцию, также включившуюся в раздел ослабевшего персидского государства. Словом, за несколько месяцев весь западный берег Каспия, точнее – узкая полоса побережья моря оказалась под властью России и вскоре русская армия фактически без боя аннексировала северно-иранские провинции Гилян и Мазандаран. Россия даже сумела

⁶ Lockhart L. *The Fall of the Safavi Dynasty and the Afghan Occupation of Persia*. Cambridge, 1958.

⁷ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. М., 1788. Ч. 6. С. 267.

⁸ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). СПб., 1830. Т. V. № 2994. С. 198.

⁹ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Майкова Т.С., под ред. Преображенского А.А. М., 2004. Вып. 1. С. 477; Голиков И.И. Деяния Петра Великого. 1789. Ч. 7. С. 208–211.

¹⁰ Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря... СПб., 1763. С. 33.

зафиксировать новое приобретение в русско-персидском мирном договоре 1723 г. Правда, договор этот не был ратифицирован персидским шахом Тахмаспом II, который, впрочем, и сам к этому времени был нелегитимным правителем¹¹. Но для Петра это было неважно в свете открывшихся головокружительных возможностей начать завоевание Индии. Упомянутый выше Федор Соимонов записал разговор с царем, когда они стояли на берегу Каспийского моря. Соимонов, опытный мореплаватель и землепроходец, пытался донести до царя мысль, что задуманное им дело покорения восточных земель осуществить будет непросто из-за дальности расстояний и трудностей, которые ждут завоевателей на Востоке, но

Его величество и одного слова мне выговорить не позволил и скоро изволил мне сказать: «Был ты в Астрабадском заливе?». И как я донес «Был» – на то изволил же сказать: «Знаешь ли, что от Астрабата до Балха и до Водокшана (Бадахшана. – Е.А.) на верблюдах только 12 дней ходу? <...>. И тому пути никто помешать не может»¹².

Нет оснований сомневаться в достоверности изложенного Соимоновым. У Петра были грандиозные проекты по имперскому освоению Востока. О них нам известны лишь детали – не будем забывать, что Петр умер в январе 1725 г. и не успел вернуться с их реализацией. Но и те сведения, которыми мы располагаем, поражают присущими мышлению Петра масштабностью, радикальностью и известной долей имперского авантюризма. Так, в североиранских провинциях предполагалось не только построить новый город Екатеринополь – столицу новой российской колонии, но выселить местное мусульманское население, а взамен его переселить из Закавказья армян, а также русских из России, что, кстати, Петр начал делать в Дагестане, переселяя казаков во вновь построенную крепость Святой Крест. Но все-таки самой головокружительной идеей Петра стало намерение построить на присоединенных к России территориях, точнее – в устье Куры, новый город, так сказать Восточный Петербург. Как и на Балтике, император хотел основать тут ПРИСТАНЬ – город, порт, сделать это место центром всей, как он говорил, «восточной коммерции»¹³, главной базой русского владычества на Востоке (думаю, что название «Владивосток» могло появиться уже тогда). Петр упорно посылал одну экспедицию за другой в этот район Каспийского побережья, он не верил морякам и гидрографам, докладывавшим ему о невозможности построить порт и город в устье Куры. Зная, как возник из «топи блат» великий город Санкт-Петербург, не следует относиться к замыслам Петра как к неисполнимым фантазиям. Напомним, что устье Невы было тоже место, непригодное для города, но Петербург был-таки построен благодаря железной воле Петра и за счет огромных жертв русского народа. Проживи царь еще лет десять, может быть, чудо на Неве повторилось бы и на Куре – Петр никогда не жалел людей и денег во имя своих высоких целей. И тогда бы вся история России и Востока пошла иначе. Имея обширный опыт строительства Петербурга, понимая трудности исполнения своего плана, Петр решил идти путем великих колониальных держав, опиравшихся в освоении дальних колоний на мощные торговые компании и оборотистых дельцов. И такого дельца царь увидел в Европе. Он намеревался привлечь к делу разорившего своими авантюрами Францию финансового проходимца Джона Ло. Ему, через специально посланного агента, Петр предлагал основать Персидскую торговую компанию с огромными правами (по примеру Ост-Индских компаний Англии и Голландии). Ло наделялся обширными полно-

¹¹ Matthee, Rudolph P. The Politics of Trade in Safavid Iran: Silk for Silver 1600–1730. Cambridge, 1999. P. 175–230.

¹² Гольденберг Л.А. Федор Иванович Соимонов (1692–1780). М., 1966. С. 42–43.

¹³ Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. С. 88.

мочиями как в деле строительства нового города в устье Куры, так и в организации торговой инфраструктуры с тем, чтобы повернуть в сторону России пресловутый «Шелковый путь». Он обещал авантюристу необычайно выгодные условия, титулы и деньги из казны, но дело это вскоре расстроилось¹⁴.

Кто есть «азиатец»?

При этом надо отдать должное Петру – человеку умному, наблюдательному, в его постижении Востока. Поначалу он был во власти типично европоцентристского представления о Востоке как о пустынном «ничейном» пространстве, где живут «дикие азиатцы», не знающие всепобеждающего европейского «регулярства». Подобно своим европейским современникам он был убежден в безусловном превосходстве европейской цивилизации над восточной, что воплощалось во всепобеждающей силе регулярной армии. По убеждению европоцентристов, противник «азиатец» в масштабном военном столкновении с европейской армией слаб и с ним можно управиться, как писали в XX в. «ограниченным контингентом войск». Русский посол в Персии А.П. Волынский, посланный в соседнюю страну в 1715 г. фактически для разведки, пренебрежительно писал о персах:

...невеликих войск сия война требует, ибо Ваше величество уже изволите и сами видеть, что это не люди – скоты¹⁵.

Он безапелляционно утверждал, что успех гарантирован царю в силу «русского куража и смелости», а также благодаря «справной амуниции и довольному числу провианту». А.П. Волынский считал, что для завоевания Персии будет достаточно всего лишь десяти пехотных и четырех кавалерийских полков¹⁶. Как и многие завоеватели Востока, Петр не видел скрытых основ силы, могущества и традиций народов Востока. А между тем моральные, религиозные, ментальные основы жизни Востока жестко скрепляли весь этот, на взгляд европейца, хаотичный мир галдящих «мужиков в широких штанах», делая их опасными для европейцев противниками. Соприкоснувшись с миром Востока, Петр постепенно проникался особенностями менталитета восточных народов, видел их непохожесть на европейцев. Под Дербентом в 1723 г. произошел выразительный кровавый эпизод. О нем сохранилась запись в ведшимся во время похода дневнике – «Экстракте» о Персидском походе:

...зело удивительно сии варвары бились, во обществе (вместе. – Е.А.) нимало не держались, но побежали, а партикулярно десператно бились так, что покинув ружье, яко бы отдаваясь в полон, кинжалами резались, а один во фронт с саблею бросился, которого драгуны наши приняли на штыки¹⁷.

Свидетель происшедшего добавляет, что как только пленного начали пытать, он вырвал шпагу у офицера и побежал к палатке генерал-адмирала Ф.М. Апраксина, но часовые, стоявшие у входа, «приняли его на штыки», но «падая, он вырвал зубами из руки одного часового кусок мяса, после чего его убили...». Привыкшим к дисциплинированному европейскому строю русским военным неистовая самоотверженность «азиатцев» казалась странной, непонятной. В дальнейшем это состав-

¹⁴ Троцкий С.М. «Система» Джона Ло и ее русские последователи // Франко-русские экономические связи: сб. ст. М. – Париж, 1970. С. 117–119.

¹⁵ Курукин И.В. Персидский поход. С. 45.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания. СПб., 1872. Т. 2. С. 536.

вило одну из загадочных и огорчительных для европейцев, так и не постигших местных воинских правил и традиций, особенностей войны на Востоке. К пониманию этих правил Петр и его воины также не были готовы и стремились противопоставить им предельную жестокость в обращении с местным населением. Не понимали европейцы и особенностей ведения на Востоке переговоров и вообще ничего не знали о своеобразии отношений местных правителей и жителей к ним, христианам, казавшимся мусульманам «неверными», «нечистыми гяурами». В конечном счете задолго до Кавказских войн, уже тогда, во время Персидского похода, была сформулирована упомянутым А.П. Волынским жесткая доктрина с позиции силы, которой придерживались русские власти на протяжении столетий в отношении многих местных (особенно мусульманских) народов:

...здешние народы привлечь политикою к стороне вашей невозможно, ежели в руках оружия не будет, ибо, хотя и являются склонны (к компромиссам. – Е.А.), но только для одних денег, которых [народов], надобно бы так содержать, чтоб без причины их не озлоблять, а верить никому невозможно¹⁸.

Но важно отметить, что в рассказе о нападении пленного на часовых у палатки Апраксина упоминается, что Петр высоко оценил мужество этого человека:

Если б этот народ имел понятие о военном искусстве, тогда бы ни одна нация не могла взяться за оружие с ними¹⁹.

Столкнувшись с реальным Востоком, Петр понял также и ряд других истин. Он осознал, что на Востоке не текут реки, на дне которых блестит золото, что природа, климат Персии почти непереносимы для русского человека, что ему угрожают не только мазандаранские тигры, змеи, скорпионы и малярийные комары, но и жара, неведомые болезни, отсутствие питьевой воды, при том, что бурные воды Каспия не делают мореплавание по его просторам безопасным и легким. Не все оказалось так просто и с мечтой о переносе Великого шелкового пути в сторону России. Петр с удивлением узнал, что могущественная армянская Джульфинская община, державшая в своих руках персидскую шелковую торговлю, вовсе не собирается прокладывать новые пути через Россию, а даже наоборот – препятствует другим привлеченным Петром армянским купцам развивать это направление. Понять это можно: тысячелетиями налаженный торговый путь через Ближний Восток имел, при всех его трудностях и недостатках, свои колоссальные преимущества, ту обустроенность, которой не было на неосвоенных и малолюдных просторах России с ее бездорожьем, отсутствием транспортной инфраструктуры, холодным климатом и редкими городами. Доверять внезапно нагрянувшему к ним северному завоевателю, который, подобно множеству им подобных, пришел, завоевал, а потом исчез неведомо куда, умудренные тысячелетним опытом армянские купцы не могли, хотя получить от него преференции в торговле в собственно России они были не прочь – предпринимательские успехи нескольких поколений купцов Лазаревых, освоившихся в России, очевидны.

Мадагаскар и Берингов пролив

Понимая все эти проблемы, Петр не собирался отказываться от своей мечты украсить свою императорскую корону бриллиантами Индии. Он задумал еще два ошеломительных проекта поиска пути к вожделенной цели. В 1724 г. он приказал готовить секретную морскую экспедицию для завоевания Мадагаскара, где суще-

¹⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1993. Кн. 9. С. 362.

¹⁹ Цит. по: Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. С. 66–67.

ствовала республика морских разбойников, вытесненных к этому времени англичанами и французами из Карибского бассейна. Пираты, перебравшиеся на Индийский океан, основавшие своеобразную республику на Мадагаскаре, искали в Европе сюзерена, который мог бы создать им легальное прикрытие – европейские морские державы, оберегая свои торговые пути, упорно боролись с пиратами. И Петр решил стать для разбойников таким сюзереном, предложив пиратам российское подданство. Делалось это для того, чтобы основать колонию на Мадагаскаре и использовать ее как базу для морского похода в Индию. Примечательно, что грамоту к пиратскому «мадагаскарскому королю» император подписал так: «Вам приятель»²⁰. Если задуманная экспедиция адмирала Д.Я. Вильстера (из-за скверной организации ее в 1724 г.) не состоялась, то второй проект вполне удался: за несколько дней до смерти Петр подписал указ об отправке экспедиции капитана Витуса Беринга с заданием уточнить: «сошлась ли Америка с Азией», существует ли пролив между континентами. Это тоже не было праздным любопытством великого императора – он искал путь в Индию через Северный Ледовитый океан, что, в конечном счете, способствовало выдающимся географическим открытиям²¹.

Выводы

Словом, движение России на Восток было неизбежным и закономерным, как было неизбежно и закономерно движение России на Запад. И то и другое состоялось благодаря именно Петру Великому. Мир Востока оказался для России, в целом, чужд, но и в чем-то близок, как в силу геополитического положения России между Европой и Азией, так и с учетом особенностей менталитета и образа жизни русского народа, тесно соприкасавшегося в своем существовании с восточными народами. Решительно начатое Петром движение на Восток принесло имперской России бесчисленные кровавые конфликты, привело к колоссальной трате сил и средств для колониального движения на Восток. Но одновременно Россия, столкнувшись с Востоком, обогатилась не столько его бриллиантами, сколько не имевшими цены культурными ценностями народов Востока, навсегда связала с ними свою историю и в конечном счете свою судьбу.

Поступила в редакцию / Submitted: 09.05.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 19.06.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.06.2022

References

- Andreev, A.A. “Kihvinskoe khanstvo v nachale 18 veka. Trudnosti politicheskogo razvitiia v usloviiah vneshnego vlianiia.” In *Petrovskoe vremia v litsakh. 2015. Sbornik statei*, 19–28. St. Petersburg: Gosudarstvennyi Hermitage Publ., 2015 (in Russian).
- Bezgin, I.G. *Knyazya Bekovicha-Cherkasskogo ekspeditsiya v Khivu i posol'stva flota poruchika Kozhina i murzy Tevkeleva v Indiyu k Velikomu Mogolu. (1714–1717 gg.): Bibliogr. monografiya*. St. Petersburg: R. Golike Press, 1891 (in Russian).
- Bruin, K. de. “Puteshestvie v Moskoviyu.” In Iu.A. Limonov, ed. *Rossiia 18 veka glazami inostrantsev*. Leningrad: Lenizdat Publ., 1989 (in Russian).
- Evseev, E.N. “Ekspeditsiia I.D. Buchgoltsa i osnovanie Omskoi kreposti.” In *Goroda Sibiri (ekonomika, upravlenie i kul'tura gorodov Sibiri v dosovetskii period)*, 47–59. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie Publ., 1974 (in Russian).
- Goldenberg, L.A. *Fedor Ivanovich Soimonov (1692–1780)*. Moscow: Nauka Publ., 1966 (in Russian).

²⁰ *Конелев Д.Н.* Предыстория секретной экспедиции Петра на Мадагаскар. 1723–1724 гг. // *Вопросы истории*. 2016. № 3. С. 103–104; ПСЗ. Т. VII. № 4356. С. 157.

²¹ *Полевой Б.П.* Петр Первый, Николай Витсен и проблема «сошлась ли Америка с Азией» // *Страны и народы Востока*. М., 1975. Вып. 17. С. 15–32.

- Golikov, I.I. *Deiania Petra Velikogo. Mudrogo preobrazitelia Rossii, sobrannyye iz dostovernykh istochnikov i raspolozhennyye po godam*, vol. 6. Moscow: Nikolay Stepanov Press, 1838 (in Russian).
- Kopelev, D.N. “Predystoriia sekretnoi ekspeditsii Petra na Madagaskar. 1723–1724 gg.” *Voprosy istorii*, no. 3 (2016): 90–107 (in Russian).
- Kuruikin, I.V. *Persidskii pokhod Petra Velikogo. Nizovoi korpus na beregakh Kaspia (1722–1735)*. Moscow: Kvadriga Publ., 2010 (in Russian).
- Lockhart, L. *The Fall of the Safavi Dynasty and the Afghan Occupation of Persia*. Cambridge University Press, 1958.
- Mathee, Rudolph P. *The Politics of Trade in Safavid Iran: Silk for Silver 1600–1730*. Cambridge: University Press, 1999.
- Maykova, T.S., and Preobrazhenskiy, A.A., eds. *Gistoriya Sveyskoy voyny (Podennaya zapiska Petra Velikogo)*, issue 1. Moscow: Krug Publ., 2004 (in Russian).
- Polevoi, B.P. “Petr Pervyi, Nikolai Vitsen i problema ‘soshlas’ li Amerika s Aziey.” In *Strany i narody Vostoka*. Issue 17, bk. 3, 15–32. Moscow: Nauka Publ., 1975 (in Russian).
- Soimonov, F.I. *Opisanie Kaspiiskogo moria i chinyennykh na onom rossiiskikh zavoievanii*. St. Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1763 (in Russian).
- Soloviev, S.M. *Istoriia Rossii s drevneishich vremen. Sochineniia*, bk. 9. Moscow: Golos Publ., 1993 (in Russian).
- Troitskii, S.M. “ ‘Sistema’ Dzhona Lo i eyo russkie posledovateli.” *Franko-russkie ekonomicheskie sviazi. Sbornik statei*, 91–121. Moscow; Paris: Nauka Publ., 1970 (in Russian).
- Yarshater, Ehsan, ed. *Encyclopaedia Iranica*, vol. 2. London and New York: Routledge & Kegan Paul, 1987 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Евгений Викторович Анисимов, д-р истор. наук, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук; Россия, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7; профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский филиал; Россия, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза печатников, д. 16; vbrevi@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9093-586X>

Evgenii V. Anisimov, Dr. Habil. Hist., Chief Researcher, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences; 7, Petrozavodskaya Str., St. Petersburg, 197110 Russia; Professor, National Research University “Higher School of Economics,” St. Petersburg branch; 16, Soyuz Pechatnikov Str., St. Petersburg, 190008, Russia; vbrevi@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9093-586X>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-322-334>

Научная статья / Research article

Европейские идейные смыслы в контексте царской воли Петра I

Татьяна Васильевна Черникова

Московский государственный институт международных отношений (университет)

МИД России, Москва, Россия

✉ tchernikova1961@mail.ru

Аннотация: Дан анализ особенностей идейной европеизации России в контексте спора историков об итогах и значении преобразовательной деятельности Петра I. Автор анализирует соотношение «старого» и «нового» в области идейных предпосылок поворота Петровской России к Европе, а также роль царя Петра в отборе, трактовке и пропаганде заимствований из багажа западноевропейской общественно-политической мысли. Особое внимание уделено образу Петра как символа «новой России» в восприятии соотечественников и западноевропейцев. В качестве ярких примеров эпохи рассмотрена история взаимоотношений Петра с видным ученым Г.В. Лейбницем, ментальные подтексты в указах о бритье и ношении европейского платья, представления о «государстве», «государе» и «общем благе» в одном из важнейших законодательных актов эпохи – «Уставе Воинском» 1716 г. Автор солидаризуется с мнением С.Ф. Платонова, что петровские реформы являлись не революционным переворотом, а «видоизменением старого порядка», но, отмечает, что допустив развитие научного знания в России, Петр заложил предпосылку для начала в будущем интеллектуальной революции в сознании образованного русского общества.

Ключевые слова: европеизация России, патримониальная монархия, петровская модернизация, вестернизация, социокультурный раскол

Для цитирования: Черникова Т.В. Европейские идейные смыслы в контексте царской воли Петра I // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 322–334. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-322-334>

European Ideological Meanings in the Context of Peter the Great's Royal Will

Tatiana V. Chernikova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation (MGIMO University), Moscow, Russia

✉ tchernikova1961@mail.ru

Abstract: The article analyzes the peculiarities of Russia's ideology during the reign of Peter I. The author raises the question of Peter's revolutionary nature and examines the relationship between the “old” and “new” in the field of ideological prerequisites for the turn of Peter's Russia towards Europe. There is also considered the role of Tsar Peter I in the selection, interpretation and propaganda of borrowings from the Western European socio-political thought. Particular attention is paid to the image of Peter I as a symbol of the “new Russia” in the perception of compatriots and Western Europeans. As vivid examples of the era, there are analyzed the history of Peter's relationship with prominent scientist G.W. Leibniz, mental overtones in the decrees on barbering and wearing European clothes. The author agrees with the opinion of S.F. Platonov that Peter's reforms were “a modification

© Черникова Т.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

of the old order,” rather than a revolutionary change. However, it is noted that by allowing the development of scientific knowledge in Russia, Peter laid the foundation for the beginning of an intellectual revolution in the future in the minds of the educated Russian society.

Keywords: Europeanization of Russia, patrimonial monarchy, petrine modernization, westernization, sociocultural split

For citation: Chernikova, T.V. “European Ideological Meanings in the Context of Peter the Great’s Royal Will.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 3 (August 2022): 322–334. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-322-334>

Введение

В отечественной и зарубежной историографии царствование Петра I (1682–1725) заслуженно воспринимается как первая страница российской истории Нового времени, поэтому ученые и публицисты стремились, в первую очередь, сконцентрировать свое внимание на новшествах времени. Не углубляясь в нюансы публицистики, отметим лишь, что русская общественно-политическая мысль XVIII–XXI вв. в отношении Петра всегда «грешила» неким манихейством: либо прославляя Петра как первого модернизатора России, либо ругала его за презрение к русской самобытности. Единственное, где сходились во мнении все публицисты, как, кстати, и все историки, так это в признании внешнеполитических успехов петровской эпохи, в результате которой Россия постепенно была всеми признана великой европейской державой.

Итоги внутренних реформ вызвали у историков великое множество мнений, которые условно можно объединить в три группы: 1) апологетику; 2) взгляд на преобразования как очень сложное переплетение «старого» и «нового»; 3) и, наконец, в целом критическое отношение к внутренним преобразованиям 1690-х – 1725 гг.

Работая над «Историей Петра», А.С. Пушкин не раз называл царя революционером, сравнивал его и с Робеспьером, и с Наполеоном как символами Французской революции. А вот современник великого поэта М.М. Сперанский полагал:

Петр Великий во внешних формах правления ничего решительного не установил в пользу политической свободы, но находил при этом позитивную стратегическую перспективу: «но он отверг ей двери тем самым, что открыл вход наукам и торговле»¹.

В контексте революционных потрясений начала XX в. философ Н.А. Бердяев назвал Петра I «большевиком на троне» и поэт М.А. Волошин с этим согласился:

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет к ее грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опрichь указа, казни и застенка.

(«Россия», 1924)

Один из крупнейших историков первой трети XX в. С.Ф. Платонов в своем анализе итогов петровских реформ пришел к выводу, что иллюзия «революционности» петровских реформ проистекала из-за того, что

в обществе не было того сознания исторической традиции, какое жило в гениальном Петре. Близорукие московские люди объясняли себе и внешние предприятия, и внутренние нововведения государя его личными капризами, взглядами и привычками. Частные нововведения они противопоставляли частным же обычаям старины и выносили убеждение, что Петр безжалостно

¹ Сперанский М.М. Проекты и замыслы. М. – Л., 1961. С. 157.

рушил их старину <...> Казалось, что Петр перевернул вверх дном всю старую жизнь, не оставляя камня на камне от старого порядка. Видоизменение старого порядка они считали за его уничтожение².

Пожалуй, «видоизменение старого порядка» есть самая точная передача сути преобразований Петра. В нашей статье мы рассмотрим то новое, что видоизменяло старый порядок, и то, что изначально было связано со старым порядком в идеологической политике Петра I.

Самобытные истоки и вестернизации в идеологии Петровской России

Петр I стал первым российским монархом, который взял на вооружение идею «общественного блага» и целый ряд других идей, принципиально значимых для европейского Просвещения. Однако логику официальной петровской пропаганды невозможно правильно понимать, если не затронуть ее самобытные истоки, уходящие в XV–XVII вв.

От «старомосковских времен» сохранялась идея величия Русского государства, сформулированная в политической мифологии доктрины «Москва – Третий Рим». Но Образ Рима, а не Византии здесь выявил уже привязку Московии конца XV–XVI вв. к Европе, где Рим был символом идеальной вселенской империи. Параллельно московская патримониальная монархия создала традицию отвечать на вызовы Запада освоением разных, включая идейные и культурные, новшеств этого Запада, уже вступившего в процесс модернизации.

Теоретическим открытием Смутного времени стала смутная догадка, что «государь» и «государство» – это не одно и то же. И «государство», наверное, важнее «государя», который может быть не только «природным» (наследственным), но и выбранным с согласия «всей земли». Государство стало пониматься широко: и по-старомосковски как «вотчина» монарха, и как объединение всех русских земель, и как «Отечество» всех россиян. Этот идейный опыт дополнился в первой половине XVII в. практикой Земских соборов и возвращением к принципу самодержавия с середины XVII в.

В петровской идеологии мысль о государственном величии России, ее имперскости, подобной римской, получают дальнейшее развитие, но одной из главных задач станет достижение признания России одной из ведущих европейских держав, причем как в самой России, так и за ее пределами.

Этой цели, в частности, должен был служить вояж Петра в Европу вместе с Великим посольством и волонтерами, отправившимися за новыми знаниями. Явление царя в Европу потрясло русских нарушением «старины», а на Западе оставило противоречивое впечатление, но скорее позитивное, ибо Петр декларировал признание таких европейских ценностей, как науки и «общее благо». В царском манифесте «О вызове иностранцев в Россию» 1702 г. сообщалось, что с момента вступления Петра по Божьей воле на российский престол все его

старания и намерения <...> клонились к тому, как бы сим государством управлять таким образом, чтобы все наши подданные, попечением нашим о всеобщем благе, более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние³.

Создание образа Петра как просвещенного монарха, а не экзотического монарха-курьеза, зафиксированного первоначально в ряде западноевропейских запи-

² Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 2011. С. 450.

³ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). СПб., 1830. Т. IV. № 1910. С. 192.

сок и в картинках, где мало похожий на себя Петр столярничает или позирует в костюме корабельного плотника, становится актуальной задачей русской дипломатии. Работа по «европеизации» образа царя началась уже в ходе Великого посольства. Был привлечен язык искусства, совершен заказ нескольких парадных портретов Петра в типичном для западноевропейских монархов облачении. Писали портреты первостепенные художники, среди которых были, например, голландец П. ван дер Верф и немец Г. Кнеллер. Последний являлся придворным художником английского короля Вильгельма III, был необычайно популярен в Англии, создал портреты И. Ньютона и Д. Локка, а также многих британских аристократов. Ранее (в 1682 г.) Кнеллер и испанский художник Х.К. де Миранда создали портреты московского посла П.И. Потемкина в русской «экзотической» для западного зрителя одежде. Первые парадные портреты Петра формировали другой – европейский образ русского государя. Этот образ присутствовал и на более поздних многочисленных изображениях царя кисти известных европейских мастеров – саксонца И.Г. Таннауэра, официального придворного живописца Петра I, чеха Я. Купецкого, нидерландца Я. Хоубракена, француза Б. ле Кофра, придворного живописца датского короля, французов Ж.-М. Наттье и Л. Каравакка. С этих картин тиражировали гравюры в Европе и в России.

Вслед за царскими появились европейские барочные изображения других русских государственных деятелей. Российский зритель приучался к новому зрительному ряду.

Попутно поощрялось личное общение с западноевропейцами на службе и в рамках досуга, что в отличие от прежних русских монархов всячески поощрял царь, в частности, через такое новшество, как ассамблеи, обязательные для приглашенных.

Число «немцев» – выходцев из разных западноевропейских стран постоянно росло. Немецкая слобода появилась в Санкт-Петербурге. Впрочем, теперь иностранцы могли селиться, где захотят: как в столицах, так и в любом русском городе. Только сам Петр привез в 1698 г. в Россию 700 военных, ремесленников и других специалистов. Нанятые в Англии царем выпускники Эбердинского университета Фергансон, Гвин и Грайс приехали в Россию в 1699 г., а в 1701 г. они приняли участие в организации Навигацкой школы⁴. Из именитых художников в России трудился гравер-голландец Адриан Шхонебек, который был мастером не только портретов и батальных сцен, но также являлся хорошим картографом.

Что касается итогов службы в России иностранных специалистов, то главным из них стал выход на службу их русских учеников, носителей не только профессиональных навыков, но и умственного склада, присущего людям Нового времени. Среди художников здесь следует отметить граверов братьев Алексея и Ивана Федоровичей Зубовых и Петра Леонтича Бунина, а также портретиста Ивана Никитовича Никитина. Все их выучил упомянутый выше Адриан Шхонебек.

К 1716–1717 г., когда появилась знаменитая миниатюра на эмали российского мастера Григория Мусикийского с изображением всей царской семьи, естественно в европейских костюмах, к этому времени вряд ли кто-то из местных жителей или иностранцев мог подумать, что Петр и его домочадцы могут выглядеть по-другому. Глаз и вкус российской элиты прежде других выучился считать эти образы «своими».

Через личную дипломатию Петра и личные знакомства его сподвижником с видными западноевропейскими интеллектуалами ширилось позитивное восприятие России в Европе. В начале XVIII в. озаботились наличием на русской службе

⁴ Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С. 108.

«немцев-пиарщиков». Первым таким агентом стал выпускник Страсбургского университета барон Гюйссен. В его обязанности входило приглашение военных на русскую службу, перевод на западноевропейские языки царских манифестов, заказ европейским ученым сочинений с добрыми отзывами о России, ее монархе и министрах. На Западе появилось немало почитателей России, старавшихся донести до российского населения достижения западной мысли.

Добровольным, если можно так выразиться, любителем России был бургомистр Амстердама и ученый Николас Витсен. Его симпатия к России опиралась на объективный опыт взаимовыгодной торговли, которую со второй половины XVI в. вела Республика Соединенных провинций с Московским царством, а также на успешную историю посольств Нидерландов в Россию. В миссии 1664–1665 гг. участвовал сам Витсен, который в 1692 г. выпустил первое в Европе серьезное научное исследование о сибирских землях «Noord en Oost Tartarye» («Северная и Восточная Тартария»). Книга была снабжена картами и зарисовками видов сибирских городов и облика их туземных обитателей. Этот труд стал известен в Европе и в России. Один экземпляр хранится в РНБ Петербурга, что показательно, ведь почти весь первый тираж погиб в ходе кораблекрушения судна, его перевозившего. Но внимание царя Петра к Витсену привлек не его труд о Тартарии, а то, что он был знаток кораблестроения. В 1692 г. Петр поспешил отправить с сыном Лефортом дружественное послание Витсену. С приездом Петра в Голландию в 1697 г. Витсен стал помогать ему в освоении основ кораблестроения, учил голландскому языку, сопровождал в поездках в Гаагу и Утрехт, познакомил с известным собирателем древностей Я. Де Вильде и профессором медицины Рюйшем. От лица Амстердама Витсен передал России корабль, который Петр назвал «Амстердам». Как глава «прорусской амстердамской партии», противостоявшей «прошведской партии» в Гааге, Витсен удержал Нидерланды от поддержки Швеции в Северной войне. Посол России в Голландии А.А. Матвеев при негласной поддержке Витсена сумел даже наладить секретную поставку в Россию голландского оружия и отказался принимать деньги за эту услугу.

Показательна для формирования идеологического фона петровской эпохи также история развития личных взаимоотношений русского царя и великого немецкого ученого и мыслителя Готфрида Вильгельма Лейбница, изученная в конце XIX в. В.И. Герье⁵.

Лейбниц служил дипломатом, библиотекарем и историографом первого брауншвейгского курфюрста Эрнеста Августа, а с 1698 г. его сына и преемника Георга-Людвига (с 1714 г. первого английского короля ганноверской династии Георга I). Впервые Лейбниц увидел Петра в Ганновере в замке Коппенбрюк в 1697 г. Петр произвел на него противоречивое, но скорее благоприятное впечатление, чему отчасти способствовало изменение в позитивную сторону взгляда Лейбница на саму Россию из-за присоединения ее к Священной лиге. Ранее, когда в 1669 г. заговорили о кандидатуре царя Алексея Михайловича или его сына на трон Речи Посполитой, Лейбниц заявлял:

Москва на польском престоле будет второй Турцией, избрав московского царя, Польша откроет дорогу варварству, которое подавит европейскую цивилизацию⁶.

⁵ Герье В.И. 1) Лейбниц и его век. СПб., 1868; 2) Герье В.И. Лейбниц и его век. Т. 2. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871; 3) Лейбниц и его век. СПб., 2008; Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / издал В. Герье. СПб., 1873.

⁶ Филиппов М.М. Готфрид Лейбниц. Его жизнь и деятельность: научная, общественная, философская. М., 1893. С. 85.

В 1697 г. Лейбниц уже писал ученому нумизмату Морелю:

Вы даже подумать не можете, насколько я разъярен тем, что недостаточно пользуются пребыванием Московского царя и теми благими намерениями, которые он высказывает. Завоевать разум ... человека, такого, как Царь или китайский монарх, и обратить его истинному благу... это дороже сотни выигранных сражений, ибо от воли таких людей зависят миллионы других⁷.

Однако жестокость казни стрельцов в 1698 г. и разгром русских под Нарвой в 1700 г. заставил Лейбница связать свои поиски просвещенного государя с Карлом XII. В посвященном ему стихе Лейбниц пожелал, чтобы границы Швеции раздвинулись от Москвы до Амура.

Но Карл XII, занятый лишь войной, быстро потерял притягательность для Лейбница. Его корреспондент барон Иоганн Кристоф фон Урбих (в 1691–1703 гг. – министр венского двора, а в 1707–1712 гг. – российский посол в Вене), способствовал восстановлению симпатии Лейбница к Петру I. В 1708 г. он через фон Урбиха отправил Петру записку о необходимости распространения в России наук и образования⁸. Петру импонировало, что в самодержцье ученый видел единственную силу, способную сформулировать для его подданных «общее благо». О пользе диктата монарха, если речь идет об «общем благе», заявляли многие просветители. Х. Вольф, к примеру, писал:

монарха тираном делает не отстранение сословий от участия в решении политических вопросов, а то, что правитель действует вопреки общему благу и своей главной целью ставит личные интересы⁹.

После Полтавы в Европе заговорили о том, что рост могущества России делает ее опасной не менее «турка». На это Лейбниц возражал. Отмечая, что Бог возложил на Петра миссию привести к цивилизации его обширное царство, и он этому только рад. После встречи с Петром в 1711 г. в Торгау на свадьбе царевича Алексея и сестры супруги императора Карла VI принцессы Софьи-Христины Вольфенбюттельской Лейбниц сопровождает Петра в 1712 г. в Теплиц и Дрезден. Заочно Лейбниц поступает на русскую службу с чином тайного советника и жалованием в 2000 гульденов (1000 талеров). Судя по архиву Лейбница, он составил для России 12 проектов, пять из которых точно дошли до царя, так как попали в российские архивы. Еще один был точно отправлен в Россию¹⁰.

Лейбниц советовал Петру организовать научные экспедиции в Сибирь, а также морскую экспедицию на поиски пролива, который, по предположению Лейбница, может отделять Америку от Северной Азии. О путешествии Семена Дежнева в Европе тогда не знали, а в России, судя по всему, успели забыть.

В 1716 г. Лейбниц советует Петру вместо приказов учредить коллегии. С 1717 г. Петр начнет такую реформу, но без создания научной коллегии, о которой писал Лейбниц. В.И. Герье настаивал, что Петр и до совета Лейбница стал интересоваться коллегиями и изучал шведский опыт.

⁷ Цит. по: *Корнетов Г.Б.* Проекты Г.В. Лейбница по распространению в России образования // Историко-педагогический журнал. 2016. № 4. С. 113.

⁸ О содержании записки можно судить по сохранившемуся ее черновику, опубликованному В.И. Герье на языке оригинала (немецком): 1) Сборнике писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., 1873. С. 95–99; и в переводе на русский: 2) Лейбниц и его век. СПб., 2008. С. 648–650; Перевод Герье на русский приведен также в статье: *Корнетов Г.Б.* Проекты Г.В. Лейбница по распространению в России образования и науки (к 300-летию со дня смерти великого немецкого мыслителя и просветителя). Историко-педагогический журнал. № 4. 2016. С. 116–119.

⁹ Цит. по: *Акишин М.О.* «Общее благо» и государев указ в эпоху Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3 (21). С. 97.

¹⁰ Сборнике писем и мемориалов Лейбница... С. 21.

Много проектов Лейбница так и остались без внимания. В частности, проект строительства канала между Волгой и Доном и план церковной унии. В работе «Размышление о просвещенных особах и благих намерениях» протестант Лейбниц писал, что общество, управляемое разумом, может возникнуть только во Всемирной Универсальной Христианской монархии¹¹, а на первых этапах – в объединении всей Европы в Христианскую «республику», для чего необходимо преодолеть Схизму. Лейбниц разработал теорию относительного суверенитета, отличную от Бодена, Пуфендорфа и Гобса. От монархов Европы он требовал компромиссного взаимоограничения своих суверенитетов.

Законы внутри одного государства не принимаются по произволу абсолютного правителя. Каждый закон должен быть согласован с принципом, общим для всех людей, а этот принцип заложен в естественном праве¹².

На Россию и Восток Лейбниц смотрел, по характеристике В.И. Герье,

глазами человека, который желал бы перенести туда благоденствия цивилизации, освободить народы, погибающие под гнетом варварского деспотизма, вызвать их к политической жизни и ввести в общую семью народов, трудящихся для цивилизации¹³.

Главный для распространения цивилизации в России, по оценке самого Лейбница, проект, переданный царю через вице-канцлера П.П. Шафирову в 1716 г., начнет осуществляться после смерти Лейбница (5 (16) ноября или 3 (14) декабря 1716) и Петра (скончался 28 января (8 февраля) 1725). Речь идет об открытии Санкт-Петербургской Академии наук и художеств. Правда, структура этой Академии была далека от планов Лейбница. 22 января 1724 г. Петр подписал свой указ об основании Академии, 28 января указ был объявлен в Сенате с приложением «Проекта учреждения Академии с назначением на содержание оной доходов». Бюджет был много меньше предполагаемого проектом Лейбница. Реально Академия во главе с лейб-медиком Л. Блюментростом открылась по указу Екатерины I от 23 февраля 1725 г. Первые ее видные служители, имевшие или впоследствии снискавшие мировую научную славу, являлись «протеже» Лейбница¹⁴. После Берлинской академии Санкт-Петербургская была второй из осуществленных академических проектов, за которые ратовал Лейбниц.

Свой вклад в утверждение мифа об «отрожденной» через гений Петра «новой России» внесли студенты академического университета. Среди таких в 1730-е гг. окажется и М.В. Ломоносов, русский ученый мирового уровня и известный почитатель Петра. Посильный вклад в образ «новой России» внесут и выпускники Навигацкой школы, гимназии Глюка (открыта в 1703 г.), Лекарской школы (открыта в

¹¹ Клепикова Л.В. Взаимодействие государственной власти и ученых обществ в научно-образовательных проектах Г.В. Лейбница // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 54.

¹² Башкина О. Г.В. Лейбниц о разделении суверенитета // *Russian sociological review*. 2015. Vol. 14. № 3. С. 101.

¹³ Герье В.И. Лейбниц и его век. СПб., 2008. С. 134.

¹⁴ К примеру, друг Лейбница швейцарец Иоганн Бернулли, глава европейских математиков после смерти Ньютона, преподавал в Университете Гронингена в Нидерландах, являлся также иностранным членом Парижской Академии с 1699 г., Берлинской Академии – с 1701 г., Лондонского Королевского общества – с 1712 г. В 1725 г. его избрали почетным членом Петербургской Академии. В Санкт-Петербургской Академии по рекомендации Лейбница и Вольфа трудились его сыновья Николай и Даниил Бернулли. С легкой руки Д. Бернулли в российскую Академию прибыл в 1727 г. его друг и ученик его отца Леонард Эйлер, также крупнейший ученый XVIII в. В Академии работали математик Христиан Гольдбах, физик Георг Бюльфингер, астроном и географ Жозев Делиль и др.

1707 г.), Инженерной школы (открыта в 1712 г.), Морской академии (открыта в 1715 г.) и 42 цифирных школ.

Мифология «отрожденной» через Петра «новой России» будет создаваться на Триумфах, публичных празднований военных «викторий». Кроме солдат и военачальников, участниками Триумфов стали студенты Славяно-Греко-Латинской духовной академии, разыгрывавшие целые аллегорические спектакли с отсылками к античным и библейским образам. Эти образы наполняли панегирики Петру Феофану Прокоповича, Стефана Яворского и других иерархов-«латынщиков» (выпускников Киево-Могилянской академии), оттеснивших на задний план «грекофилов». Триумфы как подражание римским праздникам были возрождены на Западе Европы еще в эпоху Ренессанса. Петр завел этот обычай в России после взятия в 1696 г. Азова. А далее каждая военная победа русского оружия отмечалась Триумфом. Триумфы внесли свой вклад в подготовку населения к принятию царем в 1721 г. присущих древнеримским триумфаторам титулов – Император, Отец Отечества, Великий.

Ганноверский резидент при русском дворе в 1714–1719 гг. Фридрих Христиан Вебер приводит вдохновенную речь царя Петра по случаю спуска на воду очередного корабля, которая тронула даже ностальгирующих по старорусским временам бояр.

Кому из вас, братцы мои, хоть бы во сне снилось, лет 30-ть тому назад, – так начал свою речь Петр, – что мы с вами здесь, у Остзейского моря, будем плотничать, и в одеждах Немцев, в завоеванной у них же нашими трудами и мужеством стране, воздвигнем город, в котором вы живете; что мы доживем до того, что увидим таких храбрых и победоносных солдат и матросов Русской крови, таких сынов, побывавших в чужих странах и возвратившихся домой столь смысленными; что увидим у нас такое множество иноземных художников и ремесленников, доживем до того, что меня и вас станут так уважать чужестранные государи? Историки полагают колыбель всех знаний в Греции, откуда они были изгнаны, перешли в Италию, а потом распространились было и по всем Европейским землям; но невежеством наших предков были приостановлены и не проникли далее Польши. Теперь очередь приходит до нас, если только вы поддержите меня в моих важных предприятиях, будете слушаться без всяких отговорок и привыкнете свободно распознавать и изучать добро и зло. Покамест советую вам помнить Латинскую поговорку: *ora et labora* (молись и трудись) и твердо надеяться, что может быть еще на нашем веку вы пристыдите другие образованные страны и вознесете на высшую степень славу Русского имени¹⁵.

Европеизация облика русских в контексте царской воли

В России первоисточником многих важнейших законодательных установлений была компиляция из зарубежных документов, из которых проникала в русские умы их идейная подоплека. Хотя Петр, лично просматривавший важнейшие акты, откидывал то, что считал непригодным. Так, царь мог часами беседовать с Лейбницем о важности «общего блага», но, когда тот высказал мысль, что реформы должны согласовываться с «духом народа», не считал необходимым принять это.

С другими европейскими народами, – утверждал Петр, – можно достигать цели человеколюбивыми методами, а с русскими не так: если б не употреблял строгости, то уже давно не владел бы русским государством и не сделал бы его таким, какое оно теперь. Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей¹⁶.

В духе старомосковских монархов-вотчинников Петр оставлял за собой не только выбор форм и методов реформ, но и выбор «духа народа», полагая, что он

¹⁵ Вебер Ф.-Х. Преображенная Россия. Записки Вебера // Русский архив / пер. П.П. Барсова. 1872. № 6. С. 1074–1076.

¹⁶ Волков А.А., Миннибаев Б.И. Социальные преобразования Петра I // Вопросы исторической науки: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, май 2013 г.). Челябинск, 2013. С. 41.

формируется государевым указом и привычкой его исполнения. Ни в одном из наиболее значимых законодательных актов Петровского царствования (Воинском уставе, Генеральном регламенте, Табели о рангах, указе о подушной подати) мы не найдем ни одного упоминания об «общем благе» и даже о первостепенности «государства», «первым слугой» которого так любил позиционировать себя Петр в разговорах. В идеологических преамбулах, обязательной составной части всех значимых государственных актов первой четверти XVIII в., нашлось место только для обоснования божественной природы царской власти и необходимости подчинения ей.

Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответ дать не должен; но силу и власть имеет, свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять («Воинский устав», Гл. 3, арт. 20)¹⁷.

Парадоксально на первый взгляд, но все известные из истории регламенты и уставы, творчески списанные со шведских, голландских, немецких образцов, меняли форму государственных учреждений, делали их более эффективными и внешне похожими на административные органы западноевропейского абсолютизма, однако не меняли сути русского вотчинного самодержавия. Все действия Петра и особенно его социальная политика демонстрирует, что царь оставался верховным собственником всей земли и ресурсов и мог вольно «закрепощать сословия» на «благо государства».

«Закрепощение дворянства» выразилось в превращении его по-старомосковски бессрочной службы в постоянное нахождение в регулярной армии или статских учреждениях. При этом отменялось старомосковское наделение поместьями шляхетских новиков, а указ о «Единонаследии» 1714 г., оставив за шляхетством их вотчины и розданный к этому году поместный фонд, отменил прежнее право вотчинников распоряжаться своим землевладением. По воле царя нельзя было ни продавать, ни закладывать, ни обменивать, ни даже дробить имения между наследниками. Новая система частного землевладения, утвержденная указом 1714 г., была далека от права частной собственности в западноевропейском понимании. В результате большая часть молодых дворян лишилась надежды на наделение имением, служила вечно за жалование.

Купечество, оставаясь тяглым сословием, стало рассматриваться царем как одновременно и служилое сословие. В итоге к середине 1710-х гг., по выражению самого царя, «храмина русского купечества рассыпалась», т.е. разорилась, купцы успели по первой городской реформе почти десять лет выполнять обязанности бесплатных ответственных сборщиков налогов для Казны, одновременно в рамках кумпанств строить на свои средства корабли для государства и выступать в течение всей первой четверти XVIII в. торговыми агентами государства по продаже за рубеж объявленных царем «заповедных» товаров, к числу которых были отнесены практически все выгодные экспортные товары. Структура городского населения перекраивалась несколько раз, безо всякого совета и с торговым, и с посадским людом об их понимании «общего блага».

Все крестьянство введением подушного оклада в 1724 г. погружалось в крепостное состояние. До 1724 г. категория лично свободного черносошного крестьянства сокращалась в рамках старомосковской практики XV–XVII вв., когда одним росчерком пера государя-вотчинника селяне черных, т.е. государственных земель превращались из черносошных во владельческих крестьян, а с 1649 г. полностью крепостных. Эта практика сохранилась и при Петре, но с 1724 г. бывшие черносошные кроме подушного налога в 73 коп. стали платить оброк государству в 40 коп.,

¹⁷ ПСЗ РИ. Т. 5. № 3006.

приравненный к оброку, получаемому помещиками с их крепостных, что свидетельствовало о крепостном состоянии этих селян, зафиксированном и в их переименовании в государственных крестьян. Волей царя крепостное право двинулось и в область промышленности, создав невиданный в мире феномен крепостной мануфактуры. В крепостные подвиды крестьянства были записаны гулящие люди и даже поповичи, которые не имели церковной службы на момент переписи 1718 г.

Старомосковский дух господствует даже в запрете вернувшегося из Европы в 1698 г. царя подданным называться холопами и писать имена в оскорбительной форме («Ивашка», «Федька» и т. д.). Как же именовать? Царь решил: «рабы»! Это была неслучайная почти калька с церковно-религиозной формулы «раб божий», подчеркивающая статус государя как божественного учреждения. Перед лицом такого величия сами современники Петра продолжали подписывать свое имя в униженной форме. К примеру, русский немец и протестант Вейде свое письмо к царю 1698 г. подписал:

Аз пребываю Ваш Пресветлого и Державнейшего Государя подданнейший раб Адамко Вейде¹⁸.

Впоследствии только Екатерина II заменит именование «раб» на «верный подданный». Именно на ее правление придется «золотой век российского дворянства», сутью которого станет сворачивание вотчинного уклада в угоду «сплаву просвещения и рабства».

Начало «сплаву просвещения и рабства» положила патромониальная монархия Петра I. В духе методов вотчинного уклада следует рассматривать и первый петровский «манифест европейства России». Речь идет о повальном переодевании служилых людей и горожан в «немецкое» платье и бритье бород. Первый указ «О ношении немецкого платья, о бритьи бород и усов, о хождении раскольников в указанном для них одеянии» относился к августу 1698 г. Этот указ не был включен М.М. Сперанским в Полное собрание законов Российской империи и знаем мы о нем из сообщений «Дневника» секретаря австрийского посольства И.Г. Корба. 16 (26) августа 1698 г., пишет Корб, в Преображенском Петр в ходе встречи с боярами собственноручно ножницами отрезал бороды всем кроме М.А. Черкасского и Т.Н. Стрешнева, а 1 сентября уже в доме победителя стрельцов генералиссимуса А.С. Шеина в роли брадобрея выступил царский шут, подбадриваемый Петром¹⁹.

С 1698 по 1705 гг. известно множество случаев, когда государь самолично резал бороды или отдавал личные распоряжения о жестоком истязании бородачей или любителей старого платья. Так, 22 февраля 1699 г., по сообщению Корба, царь искромсал ножницами рукава некоторым офицерам, решив, что они слишком широки для «европейского» костюма²⁰.

Второй указ о ношении одежды новых образцов появился 4 января 1700 г. Указы от 30 декабря 1701 г. и от 22 декабря 1704 г. уже грозили штрафами за игнорирование европейского платья. Новый указ «О бритьи бород и усов всякого чина людям, кроме попов и дьяконов, о взятии пошлины с тех, которые сего исполнить не захотят, и о выдаче заплатившим пошлину знаков», изданный 16 января 1705 г., установил огромные платежи (от 50 до 300 руб.) за право носить бороды. В 1713–1714 гг. указы о платьях и бородах еще раз повторили. 6 апреля 1722 г. вышел новый указ, заменивший прежние бородачные взносы единым пятидесятирублевым. Одновременно за рамки «нормальных» подданных были выведены старообрядцы. «Раскольщикам» было приказано ходить только в старой русской одежде определенно-

¹⁸ Цит. по: Гусаров А.Ю. Памятники воинской славы Петербурга. СПб., 2010. С. 95.

¹⁹ Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) СПб., 1906. С. 79, 81.

²⁰ Там же. С. 126.

го царем вида: мужчинам – в зипуне со стоячим, обязательно красным, воротником, ферези и однорядке, женщинам полагалось иметь двурогий головной убор. До 1725 г. вышло еще пять указов о брадобритии и европейском платье, хотя в шляхестской среде уже в силу обязательного регулярного мундира не осталось «диссидентов».

Надо сказать, что лучшим умам Западной Европы XVIII в. война Петра с бородами и старорусским платьем тоже казалась борьбой за цивилизованность. Вольтер в своей «Истории Петра», написанной по просьбе Екатерины II, выразил полное ей одобрение, правда, с весьма шутивным и чисто французским замечанием насчет роли русских дам, выпущенных Петром из прежнего азиатского заточения в теремах, и которым больше нравилось целовать бритые и благородные лица²¹.

В чем причина поразительной настойчивости Петра? Понятно, что бороны и костюмы не могли принципиально мешать ни военным, ни государственным начинаниям царя. Тем более, что имелся безболезненный опыт царя Федора Алексеевича в передевании придворных и столичного дворянства в польское платье, а офицеров и солдат полков нового строя – в регулярную форму.

Повторение указов к концу царствования Петра явно стало не столько отражением реальных нарушений указаний о платье и бороде. Это был своеобразный ритуал, отражавший внешний признак новой российской идентичности, утвердить которую таким оскорбительным образом царю было принципиально важно. В чем заключался второй подтекст регулярного и с точки зрения здравого смысла избыточного насилия?

Немаловажно вспомнить, что война с бородами и русским платьем началась на фоне многодневной беспрецедентно массовой казни участников стрелецкого бунта 1698 г., сопровождаемого изгнанием из Москвы семей московских стрельцов с запретом кому-либо предоставлять им кров. Зарубежные поклонники Петра, тот же Витсен и Лейбниц, судя по их переписке, оценили все это как признак «варварства».

Почему же столь внимательный к мнению «немцев» Петр игнорировал их впечатление? «Я царствую не над людьми, а над собаками и неразумными скотами»²², – говорил Петр имперскому послу Гвариенту. Патриарха Адриана, явившегося в застенки с иконой и просьбой о милости, Петр прогнал. На опальную царевну Софью не выбили показания, но ее все равно постригли в монахини в октябре 1698 г. С сентября по октябрь того же года в разных местах Москвы было казнено около тысячи стрельцов старше 20 лет²³. Датский резидент Г. Грунд писал, что эти казни вселили ужас в бояр, что царь

навел этим страх на своих подданных, которые с тех пор должны были склоняться перед ним и с величайшей покорностью выполнять его приказы²⁴.

²¹ Вольтер. Анекдоты о царе Петре Великом // Историографический сборник. Саратов, 2001. Вып. 19. С. 150.

²² Цит. по: Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть. СПб., 2008. С. 209.

²³ В отличие от Устрялова С.М. Соловьев доверял сообщениям австрийских дипломатов Гвариента и Корба, что царь в Преображенском лично обезглавил 5 человек и велел также выступить в роли палачей Меншикову, Шереметеву, Ромодановскому и Голицыну. 600 юных стрельцов били кнутом и клеймив отправили в ссылки. Стрелецких жен и детей обрекли фактически на смерть. Из «Дневника» П. Гордона следует, что кому-либо было запрещено давать им приют и пропитание. Несколько сот стрельцов казнили в феврале 1699 г. и, как установили по архивным источникам Соловьев и Устрялов, отдельные следствия и казни продолжались до 1707 г., когда был казнён стрелец Артемий Маслов, читавший письмо к стрельцам, якобы написанное Софьей. Хотя восстали 4 из 13 московских стрелецких полков вскоре расформировали и разослали по разным городам, приписав к посадским людям вместе с семьями, стрельцов из всех 9 оставшихся московских полков, а также еще 7 полков провинциальных. Только в пограничных городах у засечных черт до 1700 г. оставались стрелецкие гарнизоны.

²⁴ Грунд Г. Доклад о России в 1705–1710 годах. М., 1992. С. 126.

Аналогичным образом высказался и прусский посол И.Г. Фоккеродт:

С этой казни... Петр пользовался самой полной самодержавной властью в духовных и светских делах... и подлинно заставил своих дворян почувствовать иго рабства: ...всех без исключения дворян принуждал к военной службе под страхом тяжкого наказания²⁵.

Понять психологический перелом в настроении общества, совершенный столь быстро, невозможно не вспомнив о такой чисто русской ментальной категории, как «воля». «Воля» – антипод западному пониманию «свободы».

Свобода, – писал Монтескье, – состоит совсем не в том, чтобы делать то, что хочется. В государстве, т. е. в обществе, где есть законы ...свобода есть право делать все, что дозволено законами²⁶.

Русская «воля» противостояла закону, традиции, давлению власти, общины, семьи и даже самой «матушки природы». «Воля» требовала поступать по-своему. «Волей» дышало разбойное движение и жизнь казаков Запорожья и Дона. «Воля» прорывалась в народном бунте, а у служилого класса – в произволе. «Воля» отрицала поучения попа. Она была подсознательной тайной каждого и почиталась в России стихийно бессознательно, но повсеместно. Отсюда даже у А.С. Пушкина Стенька Разин – «самое поэтичное лицо русской истории».

Государя, умевшего продемонстрировать свою «волю», сломившего все прочие «воли», народный менталитет удостаивает почитанием. Отсюда феномен преклонения в русской исторической памяти перед Иваном Грозным. В 1722 г. Петр говорил жениху своей старшей дочери Анны герцогу Голштинскому Карлу Фридриху:

Сей государь есть мой предшественник и образец; я всегда представлял его себе образцом моего правления в гражданских и воинских делах, но не успел еще в том столь далеко, как он. Глупцы только, коим не известны обстоятельства его времени, свойства его народа и великие его заслуги, называют его мучителем²⁷.

Чрезмерная расправа со стрельцами, их женами и детьми в 1698 г., как и длившиеся все петровское царствование война с бородами, старой одеждой и старообрядцами, все это было не более и не менее как стремление к триумфу царской воли. И в историческую память своего народа, судя по его фольклору, не только прошлому, но и современному, царь Петр вошел как «во всем Первый» и Великий. Даже в сказаниях ненавидящих Петра старообрядцев его образ вырастает до величины антипода Бога – Антихриста. Но в этом не было никакого признания революционности Петра, только дань подсознательной ментальной традиции.

Выводы

Погоня за европейскими новшествами, осознание необходимости наук и построенного на их основе образования – с одной стороны, и консервация внутренних представлений, вытекающих из патримонильных устоев (вотчинного уклада) и ментальных особенностей народа – с другой, составили противоречивую константу идеологии петровской России, где фигура Петра в силу масштабов личности первого

²⁵ Фоккеродт И.Г. Россия при Петре Великом / Неистовый реформатор. М., 2000. С. 33–34.

²⁶ Монтескье Г. О духе законов. Книга 11. Глава 3. Что такое свобода. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/О_духе_законов_\(Монтескье;_Горнфельд\)](https://ru.wikisource.org/wiki/О_духе_законов_(Монтескье;_Горнфельд)).

²⁷ Штелин Я.Я. Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом: Изображающая истинное свойство сего премудраго государя и отца отечества Собранные в течение сорока лет действительным статским советником Яковом Штелином / Пер. с нем. яз. Т.П. Кириак. СПб., 1786. С. 232.

русского императора играла роль центральной оси, которая в дальнейшем превратится в символ нарастающего внутреннего хронического социокультурного раскола России, не позволявшего завершить процесс ее модернизации вплоть до начала XX в.

Поступила в редакцию / Submitted: 12.04.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 02.07.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 14.07.2022

References

- Akishin, M.O. “‘Obshchee blago’ i gosudarev ukaz v epokhu Petra Velikogo.” *Leningradskii yuridicheskii zhurnal* 21, no. 3 (2010): 95–117 (in Russian).
- Bashkina, O. “G.V. Leibniz o razdelenii suvereniteta.” *Russian Sociological Review* 14, no. 3 (2015): 93–105 (in Russian).
- Bushkovich, P. *Petr Velikii. Bor'ba za vlast'*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2008 (in Russian).
- Filippov, M.M. *Gotrid Leibniz. Ego zhizn' i deyatel'nost': nauchnaya, obshchestvennaya, filosofskaya*. Moscow: F.F. Pavlenkov Publ., 1893 (in Russian).
- Fokkerodt, I.G. “Rossiya pri Petre Velikom.” In *Neistovyi reformator*, 33–34. Moscow: Fond Sergeia Dubova Publ., 2000 (in Russian).
- Ger'e, V.I. *Leibniz i ego vek*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2008 (in Russian).
- Ger'e, V.I. *Leibniz i ego vek*. St. Petersburg: Pechatnaya V. Golovina Press, 1868–1871 (in Russian).
- Klepikova, L.V. “Vzaimodeistvie gosudarstvennoi vlasti i uchenykh obshchestv v nauchno-obrazovatel'nykh proektakh G.V. Leibniza.” *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 2 (2012): 53–57 (in Russian).
- Klyuchevskii, V.O. *Kurs russkoi istorii. Sochineniia v devyati tomakh*, vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1989 (in Russian).
- Korb, I.G. *Dnevnik puteshestviia v Moskoviyu (1698 i 1699 gg.)*. St. Petersburg: A.S. Suvorin Press, 1906 (in Russian).
- Kornetov, G.B. “Proekty G.V. Leibniza po rasprostraneniyu v Rossii obrazovaniia.” *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*, no. 4 (2016): 99–131 (in Russian).
- Pavlenko, N.I. *Pyotr Velikii*. Moscow: Mysl' Publ., 1990 (in Russian).
- Platonov S.F. *Lektsii po russkoi istorii*. St. Petersburg: S.V. Dorofeev Publ., 2011 (in Russian).
- Shtelin, Ya.Ya. *Lyubopytniia i dostopamyatniia skazaniia o imperatore Petre Velikom: Izobrazhayushchiia istinnoe svoistvo sego premudrago gosudaria i otssa otechestva, Sobramniia v techenie soroka let deystvitel'nyim statskim sovetnikom Yakovom Shtelinom* (St. Petersburg: Tip. B.L. Geka, 1786 (in Russian).
- Speranskii, M.M. *Proekty i zamysly*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1961 (in Russian).
- Veber, F.-H. “Preobrazhennaia Rossiia. Zapiski Vebera.” *Russkii arkhiv*, no. 6 (1872), http://history.scps.ru/lib/rus_archive_1872-06.htm (in Russian).
- Volkov, A.A., and Minnibaev, B.I. “Sotsial'nye preobrazovaniia Petra I.” *Voprosy istoricheskoi nauki: materialy II Mezhdunarodnoi nauchoi konferentsii (g. Chelyabinsk, mai 2013 g.)*, 41–43. Chelyabinsk: Dva komsomol'tsa Publ., 2013 (in Russian).
- Volter. “Anekdoty o care Petre Velikom.” *Istoriograficheskii sbornik*, no. 19 (2001): 184–199 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Татьяна Васильевна Черникова, д-р истор. наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76; tchernikova1961@mail.ru

Tatiana V. Chernikova, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of World and Domestic History, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University); 76, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119454, Russia; tchernikova1961@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-335-350>

Научная статья / Research article

Включение Восточной Прибалтики в Российскую империю: методы «приращения отечества» Петра I

Николай Равильевич Славнитский

Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Петропавловская крепость,
Санкт-Петербург, Россия

✉ slavnitski@bk.ru

Аннотация: Рассматривается вопрос о том, как в годы Северной войны проходило включение территории Прибалтики в состав Российской империи. Этот процесс оказался очень непростым, причем сразу в нескольких аспектах – военном, дипломатическом и управленческом. В первые годы войны Петр I вообще не рассматривал Прибалтику как территорию, которая может стать частью России, и российские войска производили там опустошения, а в преддверии наступления шведов в 1708 г. были разорены уже занятые города. После победы под Полтавой в 1710 г. ситуация изменилась, была занята вся Прибалтика, и российское руководство стало налаживать отношения с местным населением. На этой территории были сохранены элементы местного самоуправления, лютеранское вероисповедание, а в Риге, Ревеле и Пернове оставались небольшие гарнизоны с артиллерийским вооружением, которые находились в ведении местных властей. В то же время за включение Прибалтики в состав России пришлось вести дипломатическую борьбу. С одной стороны, Швеция не хотела вообще оставлять эти территории. С другой стороны, еще перед началом Северной войны между Петром I и саксонским курфюрстом Августом II (который также являлся королем Речи Посполитой) была достигнута договоренность о том, что территория Прибалтики будет отдана ему. Но по мере успехов российских войск Петр I стал постепенно добиваться того, чтобы прибалтийские земли были переданы России. Дипломатам в течение десятилетия пришлось лавировать, и в конце концов они смогли добиться успеха – по итогам Ништадтского мирного договора 1721 г. территория Прибалтики (как и Ингерманландии) была включена в состав Российской империи не только фактически, но и юридически. После этого потребовалось еще несколько лет на то, чтобы урегулировать ситуацию, связанную с земельными владениями.

Ключевые слова: Пётр Великий, XVIII век, история дипломатии, Нарва, Дерпт, выход к морю, пространственный фактор

Для цитирования: Славнитский Н.Р. Включение Восточной Прибалтики в Российскую империю: методы приращения отечества» Петра I // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 335–350. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-335-350>

The Inclusion of the Eastern Baltic in the Russian Empire: Methods of Peter I to 'Increase the Fatherland'

Nikolai R. Slavnitsky

State Museum of the History of Saint Petersburg, Peter and Paul Fortress,
St. Petersburg, Russia

✉ eslavnitski@bk.ru

Abstract: The article examines the issue of how the Baltic territory was included in the Russian Empire during the Great Northern War. This process turned out to be very difficult in several aspects – military, diplomatic and managerial. In the first years of the war, Peter I did not at all consider the Bal-

tic as a territory that could become part of Russia; the Russian troops devastated the territory; and ahead of the Swedish offensive in 1708, the occupied cities were ruined. After the victory at Poltava, in 1710, the situation changed; the entire Baltic region was occupied, and the Russian leadership began to establish relations with the local population. On this territory, the elements of local self-government were preserved, freedom of religion was proclaimed; in Riga, Revel and Pernau there were small garrisons with artillery weapons, which were under the jurisdiction of the local authorities. At the same time, a diplomatic struggle was waged for the inclusion of the Baltic in Russia. On the one hand, Sweden did not want to leave these territories at all. On the other hand, before the beginning of the Great Northern War, Peter I and Saxon Elector August II (who was also the king of Poland) reached an agreement that the territory of the Baltic States would be given to him. But as the Russian troops succeeded, Peter I began to gradually strive for the Baltic lands' transferring to Russia. For a decade, diplomats had to maneuver, and in the end, they were able to achieve success – following the results of the Treaty of Nystad of 1721, the territory of the Baltic States (as well as Ingria) was included in the Russian Empire not only de facto, but also de jure. After that, it took several more years to resolve the situation related to landed estates.

Keywords: Peter the Great, the 18th century, history of diplomacy, Narva, Dorpat, access to the sea, spatial factor

For citation: Slavnitsky, N.R. “The Inclusion of the Eastern Baltic in the Russian Empire: Methods of Peter I to ‘Increase the Fatherland’.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 3 (August 2022): 335–350. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-335-350>

Введение

Основной целью Северной войны 1700–1721 гг. для России являлось возвращение территории Ингрии. Но обстоятельства сложились так, что российские войска с самого начала вели боевые действия на территории Прибалтики. Надо сказать, что борьба за эти территории (до конца XIX в. они назывались «Остзейскими») велась между ведущими державами региона с древних времен. В XVI столетии наиболее масштабным столкновением стала Ливонская война (1558–1583), а в XVII в. – война 1655–1660 гг., получившая название «Первая Северная война». Результат того конфликта не устроил ни одну из стран, принимавших участие в ней, что и предопределило новую войну, начавшуюся в 1700 г. Рассматриваемая война часто называется Второй Северной войной или Великой Северной войной, поскольку ее итог кардинально изменил ситуацию в Балтийском регионе.

В составе Российской империи по итогам войны оказались Лифляндия (города Нарва и Дерпт), Курляндия (Рига) и Эстляндия (Ревель, Пернов). Процесс включения этих областей получился непростым, на протяжении 20 лет пришлось вести не только военную, но и дипломатическую борьбу. В первом десятилетии менялась и военная обстановка и отношение Петра I к населению Прибалтики. В предлагаемой статье мы постараемся осветить все эти аспекты.

Дипломатические перипетии 1710-х гг., связанные с включением прибалтийских земель в состав России, изучены лучше всего. Этому вопросу посвящены работы Т.К. Крыловой¹, рассмотревшей ход переговоров, состоявшихся в 1713 г., С.А. Фейгиной² и Л.А. Никифорова³, которые подробно проработали ход переговоров в ходе Аландского (1718 г.) и Ништадского (1721 г.) конгрессов. Кроме того, следует отметить и работу В.А. Артамонова⁴, в которой рассмотрена борьба политического руководства и дипломатов России и Речи Посполитой за территорию

¹ Крылова Т.К. Гузумские переговоры о северном мире и капитуляция второй шведской армии Стенбока в мае 1713 г. // Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. М., 1959. С. 186–208.

² Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959.

³ Никифоров Л.А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадский мир. М., 1959.

⁴ Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1711). М., 1990.

Прибалтики. Что же касается управления этими территориями, то данные моменты освещены в статье А.А. Стерликовой⁵. Таким образом, наиболее подробно в отечественной историографии изучена дипломатическая борьба за присоединение Прибалтики в 1710-е гг. В то же время исследования, в котором рассматривались бы все аспекты в комплексе, до настоящего времени не было. К тому же практически не изученными остаются планы российского руководства в первом десятилетии XVIII столетия.

Цель данной статьи – определение планов Петра I и его окружения относительно присоединения Остзейских земель (Прибалтики) в ходе Северной войны. В рамках ее решения ставятся задачи проанализировать этот процесс в комплексе боевых операций и дипломатических отношений.

Основной источниковой базой работы является переписка Петра I. Эти документы опубликованы в соответствующих томах издания «Писем и бумаг императора Петра Великого», в которых содержатся инструкции дипломатам и губернаторам, управлявшим прибалтийскими территориями, а также донесения к царю. Кроме того, автором привлечены и неопубликованные документальные материалы, сохранившиеся в архивах нескольких ведомств. В фонде походной канцелярии А.Д. Меншикова (Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН) выявлены донесения комендантов и обер-комендантов к Александру Даниловичу, а в фонде канцелярии Ф.М. Апраксина (Российский государственный архив военно-морского флота) – аналогичные донесения к Федору Матвеевичу, а также документы, связанные с земельными владениями в Прибалтике после Северной войны.

Первый период Северной войны – до сражения под Полтавой

Практически сразу после формального объявления войны российские полки двинулись осаждать Нарву. Как известно, операция оказалась неудачной – взять укрепления не смогли, к тому же шведская армия нанесла поражение, которое можно назвать сокрушительным. После этого Петру I на время пришлось отказаться от наступательных операций и сосредоточиться на обороне.

При этом боевые действия на территории Прибалтики проходили и в следующем году. 3 июня 1701 г. главнокомандующим над войсками в Новгороде и Пскове был назначен Б.П. Шереметев, который получил указание охранять указанные города и «осуществлять поиск над неприятелем» (то есть стараться наносить урон небольшим отрядам) в Лифляндии⁶. В то же время А.И. Репнин вместе со вверенными ему полками был отправлен в Курляндию для помощи саксонским войскам. Каких-либо серьезных действий они там не вели – этот корпус соединился с саксонскими войсками 25 июня под Ригой⁷. Однако 8 июля саксонские части были разбиты шведами под предводительством короля Карла XII (войска российской армии в этом сражении не принимали участия), и после этого А.И. Репнин стал отступать к Динабургу и 15 августа прибыл в Псков⁸. Таким образом, первое появление российских войск в Прибалтике оказалось мимолетным, однако Б.П. Шереметев наладил разведку и всю осень пристально следил за шведами.

Как только Борис Петрович получил сведения, что неприятель стягивает силы к Дерпту и Эрестферу, он выступил из Пскова и в последних числах декабря одержал первую победу над корпусом, которым командовал шведский генерал В.А. Шлипп

⁵ Стерликова А.А. Становление российской империи и особенности русского империализма на примере вхождения Прибалтики в состав России // Империи и империализм нового и новейшего времени: Сборник статей. СПб., 2009. С. 233–236.

⁶ Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 59.

⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. С. 717.

⁸ Там же. С. 718.

пенбах⁹. Аналогичным образом он действовал и в следующем году, в результате чего нанес шведам еще одно поражение при Гуммельсгофе. Эти сражения подробно изучены в отечественной историографии¹⁰, их мы подробно рассматривать не будем, однако считаем необходимым остановиться на одном важном моменте.

Параллельно с Б.П. Шереметевым действовал П.М. Апраксин, который осуществлял «поиски» на территории Ингрии. 10 августа 1702 г. он послал царю донесение, в котором сообщил:

По твоему государеву указу военным походом в неприятельской стороне уезд Ореховский и ниже города Орешка по реке Неве до реки Тосны и до самые Ижорские земли с твоими государевыми ратными людьми прошел и неприятельские их жилища, многие мызы великие и всякое селение развоевали и разорили без остатку. И сего августа в 10-й день пришли на реку Тосну, которая имеет устье свое от реки Невы четыре версты, от Орешка двадцать, а не дошед Канец за тридцать верст¹¹.

Там его части столкнулись со шведскими отрядами, которых удалось вытеснить с мызы Ижорской, где Петр Матвеевич сам и остановился¹².

Фельдмаршалу царь 5 августа сообщил, что получены «подлинные вести» о движении шведского короля к Варшаве («и уже о своем прибытии писал явно к Варшавским жителям, и универсалы разослал, что он идет выбирать иного короля; войска с ним 8000 человек, да из Померании будут 6 полков»), а также о том, что «война у Голанцов и прочих с французом зачалась». Из этого Петр I сделал вывод (оказавшийся верным), что Карл XII увяз в Польше и что у российского командования окончательно развязаны руки, поэтому предлагал Борису Петровичу «итить на генерала» (В.А. Шлиппенбаха) и «землю их как возможно далее к Колывани (Ревелю) разорить». Другим вариантом было «добывание Юрьева Ливонского» (то есть взятие Дерпта)¹³. Борис Петрович еще 18 июля разбил шведский корпус В.А. Шлиппенбаха при Гуммельсгофе.

17 августа царь написал два письма, одно к П.М. Апраксину, второе к Б.П. Шереметеву. И если Борису Петровичу было прямо указано заниматься разорением земель, то Петр Матвеевич получил «нагоняй» за разорение. Хотя там имелась оговорка:

А что по дороге разорено и выжжено, то не зело приятно нам, ибо словесно вам говорено, чтоб не трогать, а разорять или брать лучше города, неже деревни, которые ни малого супротивления не имеют, а только своим беспокойством...¹⁴

Из этих документов видно, что население Прибалтики в то время рассматривалось как чужое, тогда как Ингрию Петр I уже воспринимал как российскую территорию.

Осенью 1702 г. в Лифляндии наступило некоторое затишье – Б.П. Шереметев с частью вверенных ему войск отправился к Нотебургу, в следующем году основные боевые действия также развернулись в Ингрии.

Летом 1704 г. российские войска (во многом благодаря энергии самого Петра I) взяли штурмом укрепления Дерпта и Нарвы. Кроме того, сразу после капитуляции

⁹ Балашова Ю.П. Из истории Северной войны («Генеральный поход» русских войск в Прибалтику в 1702 г.) // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Т. 127. М., 1963. Вып. 7. С. 36.

¹⁰ Палли Х.Э. Между двумя боями за Нарву. Эстония в первые годы Северной войны (1701–1704). Таллинн, 1966; Артамонов В.А. Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской победы. М., 2009; Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: Пролог основания Санкт-Петербурга. СПб., 2011.

¹¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1889. Т. 2. С. 387.

¹² Там же. С. 387, 391.

¹³ Там же. С. 74.

¹⁴ Там же. С. 78.

нарвского гарнизона сдался и гарнизон Ивангорода. Обе ливонские крепости сильно пострадали в ходе артиллерийских обстрелов, и их сразу стали приводить в порядок. 14 сентября К.А. Нарышкин сообщил А.Д. Меншикову из Дерпта, что «болворок начали с напольной стороны окладывать дерном, а от реки на прибавочном месте подрубают»¹⁵. Однако время уже было позднее, да и работники разбежались, поэтому многого сделать не успели¹⁶. К.А. Нарышкин был назначен оберкомендантом в Нарву, при этом в его ведении находился Псков.

Кроме него за починку нарвских укреплений отвечали сразу несколько человек. В частности, А. Щукин 1 сентября 1704 г. доложил А.Д. Меншикову, что «брешт разобран и к починке то место готово, также и где стена отвалилась... дерном ведут». Но к каменным работам в то время еще не приступили¹⁷. П.М. Апраксин в то же время следил за приведением в порядок одного из рavelинов, но и там ограничились в то время лишь земляными работами¹⁸. Что касается брешей, то и они долгое время оставались незаделанными, в частности, в апреле 1706 г. У.А. Сенявин доносил А.Д. Меншикову, что государь «изволил смотреть брешта и ворот и погребов, а брешт, которой ныне по приказу вашего сиятельства велено делать изволил приказать обождать»¹⁹. Это означает, что в укреплениях Нарвы в то время еще оставались проломы, сделанные летом 1704 г.

Отметим любопытный момент, касающийся оснащения Нарвы артиллерией. Первая ведомость орудиям была составлена в 1704 г., и это был единственный случай, когда артиллерия разделена по крепостям (Нарва и Ивангород)²⁰. Во всех последующих составлялась одна ведомость на обе крепости, следовательно, они воспринимались как единое фортификационное укрепление.

Все донесения К.А. Нарышкина, касавшиеся управления «новозавоеванной территорией», составлялись на имя генерал-губернатора Ингрии А.Д. Меншикова. Таким образом, Ливония в административном отношении в тот момент стала частью Ингерманландии.

В начале 1707 г., когда появилась возможность вступить в переговоры со шведами, Петр I составил записку, в которой изложил свои взгляды на значение прибалтийских областей:

надлежит трудитца, чтоб при миротворении больше Дерпта не уступить, а ежели того невозможно, хотя просто шведы Петербурга и Нарвы не уступят, то хотя бы за деньги. Буде же Нарвы ни за что не уступят, то хотя бы на несколько лет; по самой же нужде хотя бы оную и уступить (аднакож сего без отписки не чинить). А о Петербурге всеми мерами искать удержат за что-нибудь, а о отдаче оногo ниже в мысли не иметь²¹.

Таким образом, царь готов был уступить шведам Дерпт, но ни за что не хотел отказаться от Ингрии; а за Нарву предполагал побороться; однако заключение мира было, по его мнению, в тот момент важнее приобретения Нарвы. Этот проект остался на бумаге, так как Карл XII не захотел вести переговоры. Здесь необходимо подчеркнуть – в тот момент Ливония воспринималась Петром I и его окружением не как территория, временно занятая российскими войсками.

¹⁵ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее – Архив СПб ИИ РАН). Ф. 83. Оп. 1. Д. 146. Л. 1 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Д. 407. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 456. Л. 1; Д. 460. Л. 1.

¹⁹ Там же. Д. 1043. Л. 1.

²⁰ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – Архив ВИМАИВИВС). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 333–336.

²¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т. 5. С. 61.

В 1708 г. шведский король решил вести наступление на Россию. Петр I и его сподвижники рассматривали несколько вариантов действий Карла XII и допускали, что основной удар неприятеля будет нанесен по территории Ингрии. В этом случае основные силы короля могли подержать корпус Г.Ю. Любеккера из Финляндии и корпус А.Л. Левенгаупта, находившийся в Риге. Соответственно, против А.Л. Левенгаупта должен был действовать корпус под командованием Р.Х. Боура, который в начале 1708 г. выдвинулся в Лифляндию²². В целом за оборону северо-запада отвечал Ф.М. Апраксин.

В начале февраля Федор Матвеевич получил от Петра I инструкцию, которой предписывалось: засечь все дороги от Пскова до Смоленска (кроме псковской, луцкой и смоленской, однако люди для зарубания должны были быть готовы), выслать нарвских жителей на Вологду;

из Дерпта артиллерию и прочее все вывезти во Псков, крепость подорвать и разорить, а жителей выслать вместе с нарвскими на Вологду;

в Петербурге все наскоро укрепить;

сказать под смертною казнию, чтоб все жители всех уездов свозили пожитки, провиант и фураж в крепости, а именно: в Смоленск, на Луки, во Псков, в Новгород, в Нарву, понеже под нужной час будут все жечь...²³

Два момента в этой инструкции касались населения Лифляндии. Жителей Нарвы и Дерпта предполагалось выселить в Вологду, а укрепления Дерпта взорвать.

Причины выселения жителей Нарвы, по мнению А.В. Петрова (с которым вполне можно согласиться), состояли или в желании сделать этот город русским, или в боязни измены со стороны покоренных граждан, скорее всего и то, и другое вместе (это же относится и к жителям Дерпта). При этом жителям разрешалось взять с собой или продать все движимое имущество, а если это сделать не удастся, оставить в надежном месте²⁴.

Причины, по которым следовало разрушить Дерпт, в указе не объясняются, поэтому мы можем лишь высказать предположение. Во-первых, во время осады российскими войсками летом 1704 г. крепость была сильно повреждена, и привести ее в порядок не успели. Во-вторых, Дерпт находился слишком далеко от Санкт-Петербурга и Нарвы – основного места дислокации корпуса Ф.М. Апраксина. Поэтому оборона Дерпта могла вызвать много сложностей, а оставлять неприятелю крепость, пусть и не слишком хорошо укрепленную, конечно же, не следовало: в этом случае шведы могли легко занять ее и превратить в базу для своих наступательных действий.

Здесь придется еще раз отметить, что в тот момент жителей Лифляндии Петр I не воспринимал как своих поданных, соответственно, им были приняты в отношении них предельно жесткие решения.

Отметим также, что обер-комендант К.А. Нарышкин получил от царя указание о выселении дерптских жителей еще 25 января (то есть примерно за неделю до того, как Ф.М. Апраксин была составлена упомянутая выше инструкция Ф.М. Апраксину)²⁵, а распоряжение подготовиться к разрушению укреплений было дано еще

²² Письма и бумаги императора Петра Великого. Пг., 1918. Т. 7. Вып. 1. С. 66.

²³ Там же. С. 55–56; *Мышлаевский А.З.* Северная война. Летняя кампания 1708 г. СПб., 1901. С. 33.

²⁴ *Петров А.В.* Город Нарва, его прошлое и достопримечательности в связи с упрочением русского господства на Балтийском побережье. СПб., 1901. С. 314–315.

²⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 1. С. 37.

раньше – в июле 1707 г.²⁶ Соответственно, К.А. Нарышкин и Ф.М. Апраксин действовали быстро: уже 12 февраля указ о выселении был объявлен магистрату и жителям Дерпта (причем стал для них полной неожиданностью)²⁷, а 17 февраля К.А. Нарышкин доложил, что дерптских жителей он выслал на Вологду²⁸. Это же подтвердил и Ф.М. Апраксин, отметив, что выселение прошло «с великим трудом за подводами». Здесь же он сообщил, что

мины в готовности и исправить в две недели возможно, толко артиллерии довольно и невозможно сим путем всею исправитца²⁹.

Из города было выселено на берега реки Вологды 806 жителей Дерпта, кроме того, 657 «чухонцев» (то есть коренных жителей, скорее всего, эстов) выпустили «кто куда хочет идти»³⁰. Затем адмирал поехал в Нарву, где 1 марта объявил нарвским жителям указ о выселении и дал 8 дней срока, чтобы собраться³¹.

Разрушение укреплений Дерпта было произведено не так быстро. Во-первых, вывезти артиллерию и припасы быстро не удалось, и было решено дожидаться весны, когда это можно было сделать водным путем³². Весной этот процесс тоже затянулся (об этом свидетельствует то, что 21 мая Петр I приказывал К.А. Нарышкину поторопиться с вывозом артиллерии во Псков³³, то есть орудия в то время еще находились в Дерпте). К тому же Р.Х. Боур использовал эту крепость в качестве опорного пункта для наблюдения за корпусом А.Л. Левенгаупта и диверсий против его войск. Поэтому окончательно укрепления были разрушены лишь в середине июля 1708 г.³⁴, когда А.Л. Левенгаупт двинулся на соединение к королю Карлу XII, а Р.Х. Боур получил распоряжение двигаться за ним³⁵. В принципе, в то время уже было ясно, что основные боевые действия развернутся в других регионах, тем не менее дело с разрушением решили довести до конца. Это также свидетельствует о том, что на включение в состав России территории Лифляндии особенно не рассчитывали и предполагали, что захваченные города придется или вернуть Швеции, или передать Саксонии, поэтому укрепления спокойно разрушили.

Жителей Нарвы поселили в Москве, Казани, Новгороде, Астрахани и Вологде, где оказалось около 1700 чел. из Нарвы и около 700 семейств из Дерпта. В самой Нарве осталось около 300 чел. В 1714 г. вынужденным переселенцам было разрешено вернуться в Нарву³⁶. Тогда же домой вернулись и дерптские жители, причем они практически построили новый город³⁷. Большая же часть нарвских и дерптских жителей, по свидетельству Ф.Х. Вебера, не захотела покидать вновь приобретенные места и земли и добровольно осталась в тех местах, куда они были высланы³⁸.

²⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 6. СПб., 1912. С. 13.

²⁷ Гротман И.Г. Выселение жителей Дерпта в 1708 г. // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2. С. 478.

²⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 1. С. 316.

²⁹ Мышлаевский А.З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг.: Документы Гос. архива. СПб., 1894. С. 2; ПБИПВ. Т. VII. Вып. 1. С. 360.

³⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 1. С. 362; И.Г. Гротман, однако, отмечал, что лиц не немецкого происхождения, отпущенных из Дерпта, было 447 человек. См. об этом: Гротман И.Г. Выселение жителей Дерпта... С. 485.

³¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 1. С. 361.

³² Там же. С. 116.

³³ Там же. С. 178.

³⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1951. Т. 8. Вып. 2. С. 455, 475.

³⁵ Там же. М., 1948. Т. 8. Вып. 1. С. 26.

³⁶ Петров А.В. Город Нарва... С. 319.

³⁷ Арбузов Л.А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912. С. 234.

³⁸ Вебер Ф.Х. Преображенная Россия // Русский архив. 1872. Вып. 6. Стб. 1108.

После победы под Полтавой

Победа под Полтавой, одержанная войсками Петра I 27 июня 1709 г., стала переломом в Северной войне. И вместе с тем с этого момента стала меняться и судьба жителей Прибалтики. Уже осенью 1709 г. армия под командованием Б.П. Шереметева двинулась к Риге. Тогда же снова стали зондировать почву для заключения мира.

В наказе Б.И. Куракину для переговоров с англичанами, датном 23 октября 1709 г., Петр I предписывал в случае, если английские министры будут намекать, «что им то противно, чтоб царскому величеству Ригу добывать и так все Лифлянды себе присовокупить; и ему объявлять, что царское величество иногда такого намерения не имеет, чтоб все Лифлянды себе завоевать, но наивяще то чинит, дабы тем способом принудить короля шведского к доброму миру». Кроме того, Б.И. Куракин должен был подчеркнуть, что Лифляндия обещана им польскому королю³⁹.

По мнению В.А. Артамонова, у Петра I уже с 1709 г. зародилась мысль удержать Лифляндию в составе России. Этот год показал, что шведский военный потенциал разбит в основном российской армией, саксонцы в 1709–1710 гг. не могли воевать в Прибалтике. Исследователь совершенно верно отмечает, что способ ведения войны русскими в этих шведских провинциях в тот период отличался от военных действий 1702–1705 гг. Если до Полтавского сражения стремились к их максимальному разорению, то после 1709 г. пытались завоевать расположение немецкого дворянства⁴⁰.

Действительно, подход к населению городов, взятых российскими войсками в 1710 г., был уже совершенно иным. 4 июля 1710 г., когда капитулировал рижский гарнизон, был заключен договор с магистратом Риги, подписанный фельдмаршалом Б.П. Шереметевым и утвержденный позднее Петром Великим⁴¹. В соответствии с ним в Риге сохранялось лютеранское вероисповедание, за городом сохранялись все прежние доходы и привилегии (это пошло еще с польских королей, затем было подтверждено шведскими монархами). Кроме того, в ведении магистрата оставался гарнизон цитадели (замка), который тоже при прежних монархах комплектовался из числа городских жителей вместе с артиллерией. Основную крепость занял российский гарнизон.

В тот же день Б.П. Шереметевым был заключен договор с «шляхетством и земством княжества Лифлянского»⁴². В этом договоре также оговаривалось сохранение вероисповедания, всех прав и привилегий местного дворянства, а также всех немецких школ. Фельдмаршал согласился и с тем, чтобы во всех органах местного управления оставались «заслуженные персоны немецкой нации». Шведским подданным при этом разрешалось покинуть территорию Прибалтики, и на них все указанные привилегии не распространялись. Был и еще один пункт:

шляхетные маестности впредь никому, кроме лифляндских шляхтичей, покупать не вольно будет, и которые уже противно сему проданы, шляхтичам же выкупать⁴³.

По сути дела, на занимаемой российскими войсками территории устанавливалось местное самоуправление.

³⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. М. – Л., 1951. Т. 9. Вып. 1. С. 436.

⁴⁰ Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1711). М., 1990. С. 119.

⁴¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (далее – ПСЗ-1). Т. 4. № 2278. С. 515–519.

⁴² ПСЗ-1. Т. 4. № 2279. С. 519–526.

⁴³ Там же. С. 521.

12 августа того же года генерал-поручик Р.Х. Боур подписал договор с комендантом Пернова⁴⁴, где также подтверждались права и привилегии жителей этого города. Через три дня (15 августа) он доложил А.Д. Меншикову, что «лифляндскую шляхту», которая была в Пернове, он распустил «в маестности, дабы от многолюдства в Пернове поветрия не было», при этом взял у них письма, чтобы «они были под державою царского величества»⁴⁵.

На следующий день, 16 августа, Петр I подписал «универсал княжеству Эстляндскому и городу Ревелю», в котором заявлял, что по причине упорства шведского короля, не желавшего заключать мир, он вынужден послать войска к Ревелю, но обещал при этом полную безопасность жителям Эстляндии (при условии, что они не будут покидать свои дома). Там же оговаривалось, что в случае успеха российского оружия

мы намерены оставить без всякого нововведения во всей земле и городах поныне исповедуемую евангелическую религию, все их древние привилегии, вольности, права и преимущества, которые, как всему миру известно, в шведское правление всегда нарушаемы были...⁴⁶

Далее, 30 сентября, царем была подписана грамота к лифляндскому дворянству, которой подтверждались все привилегии, предоставленные ему по статуту Сигизмунда-Августа в 1561 г., правда, с оговоркой «если оные при нынешнем правительстве и временах можно употребить»⁴⁷.

С магистратом Ревеля после ухода оттуда шведского гарнизона тоже был заключен договор⁴⁸, схожий с тем, что был оформлен при капитуляции Риги: также гарантировалось сохранение «евангелического вероисповедания», местного самоуправления, в том числе и при сборе пошлин, неотягощение постоями и т. д. В этот договор был внесен и пункт, в котором магистрат просил назначить в Ревель губернатора, хорошо знающего немецкий язык, и разрешил бы содержать немецкую канцелярию. Р.Х. Боур ответил на это, что он надеется, что царь позволит не только назначить губернатора из немцев, но и в канцелярии будут работать представители местного населения, так как в Эстляндии и Ревеле преобладают немецкие жители. Так же, как и в Риге, в распоряжении магистрата оставалась городская артиллерия.

Помимо этого, 29 сентября был заключен и договор с «шляхетством и земством герцогства Эстляндского», по которому также подтверждались все прежние права и привилегии⁴⁹. Отметим в первую очередь формулировку:

Понеже благородное шляхетство и земство по самым крайним и неотвратимым причинам принуждены были решиться принять его царского величества <...> высокое покровительство и оному покориться...⁵⁰

То есть представители местного дворянства и других сословий не скрывали, что подчинение – вынужденное, при этом они указывали, что надеются на сохранение всех прав, коими пользовались ранее. Кроме того, подчеркивалось,

чтобы в верхних, так и в нижних судах никаких иных судей, кроме существовавших поныне, а в канцелярии и других местах иного языка, кроме доселе употребляемого немецкого, введено не было⁵¹.

⁴⁴ ПСЗ-1. Т. 4. № 2286. С. 531–543.

⁴⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3773. Л. 2.

⁴⁶ ПСЗ-1. Т. 4. № 2287. С. 543–545.

⁴⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1956. Т. 10. С. 354–355.

⁴⁸ ПСЗ-1. Т. 4. № 2297. С. 552–567.

⁴⁹ Там же. № 2299. С. 567–575.

⁵⁰ Там же. С. 567.

⁵¹ Там же.

Здесь также оговаривалось, что жители Нарвы имеют право пользоваться теми же привилегиями и являются подсудными ревельским органам.

Наконец, 30 сентября жалованной грамотой городу Риге подтверждались все права и привилегии, указанные в договоре, который был подписан Б.П. Шереметевым⁵², а 12 октября были утверждены (с небольшими поправками) договорные пункты с лифляндским шляхетством и земством⁵³.

Таким образом, Петр I в 1710 г. полностью изменил свое отношение к населению прибалтийских областей. Более того, за прибалтийским дворянством и горожанами сохранились привилегии, каких у остальных поданных российского царя в тот момент не было.

Первое время генерал-губернатором Риги (соответственно и всей Прибалтики) являлся А.И. Репнин, однако в начале 1711 г. губернатором был назначен А.Д. Меншиков, основное руководство в тот момент осуществляли рижский обер-комендант Я.В. Полонский и ревельский комендант В.Н. Зотов. Александр Данилович в то время находился в действующей армии, однако и Я.В. Полонский, и В.Н. Зотов регулярно присылали ему донесения о состоянии дел во вверенных им областях. Обер-комендант Риги, главным образом, сообщал о гарнизоне⁵⁴, В.Н. Зотов в то время основное внимание уделял обеспечению безопасности Ревеля с моря (где регулярно появлялись шведские военные корабли)⁵⁵.

Однако Ревель очень быстро стал одной из баз Балтийского флота, и уже в 1712 г. В.Н. Зотов оказался в фактическом подчинении адмирала Ф.М. Апраксина. Донесения Василий Никитич стал отправлять именно Федору Матвеевичу⁵⁶. Более того, в сентябре 1712 г. и Я.В. Полонский направлял письма именно Ф.М. Апраксину⁵⁷. Такое изменение, скорее всего, было связано с занятостью А.Д. Меншикова, поэтому его функции неформально были переложены на Ф.М. Апраксина. При этом Петр I нередко направлял распоряжения, касавшиеся организации обороны Риги, напрямую Я.В. Полонскому⁵⁸.

В 1713 г., после кончины Я.В. Полонского, губернатором в Ригу (вместо обер-коменданта) был назначен П.А. Голицын⁵⁹. Это отнюдь не означало учреждения новой губернии, но появление в Риге человека в должности губернатора могло означать своеобразное повышение «статуса» прибалтийских земель. Ф.М. Апраксин в то время полностью сосредоточился на боевых действиях в Финляндии и правлении той областью.

Таким образом, в первые годы после того, как войска Петра I заняли территорию Прибалтики, управление «новозавоеванной» территорией было несколько хаотичным – по сути дела, Петр I просто поручал это дело тем людям, которые, по его мнению, могли лучше всего справиться с управлением. И лишь с 1713 г. управление становится упорядоченным. Более того, в том году была образована Рижская губерния, в состав которой была включена Смоленская⁶⁰. При этом Ревель и Дерпт не были включены в состав губернии, «понеже и преж сего они к Риге не были подчинены»⁶¹.

⁵² ПСЗ-1. Т. 4. № 2302. С. 577.

⁵³ Там же. № 2304. С. 578–580.

⁵⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4528. Л. 1; Там же. Д. 4531. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Д. 4418. Л. 2; Там же. Д. 4521. Л. 2; Там же. Д. 4495. Л. 1.

⁵⁶ Материалы для истории русского флота (далее – МИРФ). СПб., 1865. Ч. I. С. 352.

⁵⁷ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 44. Л. 126–127.

⁵⁸ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1876. Т. 1. С. 301–304.

⁵⁹ Там же. С. 305.

⁶⁰ ПСЗ-1. Т. 5. № 2703. С. 49.

⁶¹ Там же. № 2723. С. 62.

Соответственно 15 ноября Петр I в письме П.А. Голицыну указал на то, что «о состоянии Смоленской губернии надобно вам взять всякое ведение...»⁶². Письма и распоряжения царя в те годы позволяют выявить основные сферы ответственности рижского губернатора. Много внимания уделено торговым делам, сбору налогов, а также зерна и другого провианта. И можно утверждать, что с 1713–1714 гг. Лифляндия стала восприниматься как полноправный регион России, пусть и с некоторыми особенностями.

Однако за включение занятых областей еще предстояло бороться дипломатам. В том же 1710 г. был заключен новый союзный договор с саксонским курфюрстом Августом II, который согласился на присоединение к России не только Ингрии, но и Эстляндии с Ревелем. Лифляндия по условиям договора должна была быть передана Августу II как саксонскому курфюрсту в наследственное владение⁶³. Этот договор был подтвержден в мае 1711 г. в Ярославле⁶⁴, однако передать крепости Петр I собирался только после окончания войны⁶⁵.

Все эти условия Петр I изложил также в письме А.А. Матвееву в середине января 1711 г. в виде инструкции для переговоров с морскими державами, предложившими свое посредничество при заключении мира⁶⁶.

В тот период российская сторона стремилась, в первую очередь, доказать военную целесообразность временного удержания Лифляндии, по возможности не раздражая союзника, учитывая уже объявленную войну с Турцией. Еще в ходе переговоров с польским посольством М. Воловича в феврале 1711 г. почти каждый обсуждаемый вопрос сводили к совместным военным действиям на юге. Г.И. Головкин и П.П. Шафиров заверяли польскую сторону в том, что Рига (как и Эльблонг) взята не для присоединения к России, и при этом ссылались на уже упоминавшуюся нами декларацию, адресованную морским державам. Вместе с тем они много времени потратили на доказательства целесообразности оставления российского гарнизона в Риге на время Северной войны. Отказ от немедленной передачи города мотивировался слабостью вооруженных сил Речи Посполитой, а предложение об образовании смешанного гарнизона было отклонено как неудобное для командования. Кроме того, российские дипломаты искусно использовали соперничество между польской и саксонской дипломатиями, каждая из которых добивалась Лифляндии для себя⁶⁷.

В частности, саксонской стороне Лифляндия была обещана лишь в том случае, если Август II получит разрешение от польской республики на уступку этой области для себя как для саксонского курфюрста. В случае благоприятной реакции Речи Посполитой предполагалось разрешить лифляндцам присягнуть Августу II, но за это российская сторона требовала позволения использовать Восточную Прибалтику как базу до конца Северной войны и пользования оттуда «малыми доходами» на содержание армии. По справедливому замечанию В.А. Артамонова, это было важным промежуточным звеном в решении лифляндского вопроса⁶⁸.

В феврале – марте 1713 г. под стенами крепости Тонингена – крепости в Голштинии, осажденной союзными войсками, было начато обсуждение условий общего мирного договора, в результате чего был составлен «Гузумский проект северного мира», названный так по месту составления – городу Гузуму, расположенному близ

⁶² Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 1. С. 308.

⁶³ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 256.

⁶⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 11. Вып. 1. С. 255.

⁶⁵ Там же. С. 248.

⁶⁶ Там же. С. 38–39.

⁶⁷ Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1711). М., 1990. С. 56–58.

⁶⁸ Там же. С. 63.

Тонингена. Т.К. Крылова выделяют три редакции этого проекта: польско-саксонскую (составленную генералом Я.-Г. Флеммингом), русскую и русско-ганноверскую⁶⁹.

Основным пунктом разногласий снова был вопрос о Лифляндии и Риге. Я.-Г. Флемминг предложил следующий вариант: России предназначались Ингрия, Эстляндия и Выборг; Августу II и Польше – Лифляндия, с оговоркой, что до конца войны в ней остаются российские гарнизоны⁷⁰. В составленной Петром I в середине февраля 1713 г. инструкции А.Д. Меншикову, который должен был вести предполагавшиеся переговоры со шведскими дипломатами, говорилось, что от Швеции надо требовать Ингрию (с Нарвой), Карелию (с Выборгом) и Эстляндию, а также часть Финляндии и 5 миллионов ефимков. По поводу Лифляндии,

ежели получить невозможно, чтоб при его царском величестве осталась, то надлежит договариватца, что она королю польскому отдана и в вечное владение уступлена будет, кроме Дерптского округа, который при его царском величестве остатца имеет⁷¹.

Представители морских держав не возражали против такого варианта: Лифляндия с Ригой остаются у польского короля и Речи Посполитой, а все остальные территории, занятые русскими войсками, переходят к России (письмо Б.И. Куракина 5 мая 1713 г.)⁷².

Но осложнившаяся международная обстановка (и в первую очередь возобновление русско-турецкой войны) мало способствовала выполнению российских намерений относительно Риги и, наоборот, настоятельно требовала сохранения единства внутри Северного союза. Поэтому Петр I во время своего пребывания в Гузуме высказывался за то, чтобы принять «флеммингов проект» за основание мира и уступить Ригу Августу II⁷³. Кроме того, в феврале 1713 г. он разрешил полякам ввести в Ригу несколько полков, однако находиться там они должны были вместе с российскими гарнизонами⁷⁴ (хотя поляков не слишком устраивали обещания, они не прочь были получить Ригу в тот момент свободной от российских войск)⁷⁵. В начале 1714 г. на территорию Курляндии вступили два саксонских полка, в связи с чем Петр I рекомендовал губернатору «иметь добрую осторожность, дабы вам незапно чего не учинили»⁷⁶.

Параллельно с этим российская дипломатия через Б.И. Куракина, находившегося в Утрехте (где проходил мирный конгресс по случаю окончания войны за испанское наследство), с начала марта 1713 г. стала зондировать почву на предмет объявления Риги вольным городом. Б.И. Куракину было приказано выведать мнение об этом у голландских и английских министров⁷⁷. 10 января 1715 г. Петр I приказал Б.И. Куракину сообщить английскому двору следующий проект мира со Швецией: Ингрия, Карелия, города Нарва и Выборг, а также Эстляндия с Ревелем переходят к России. Лифляндию с Ригой пока предусматривалось передать Речи Посполитой⁷⁸. Однако при этом Б.И. Куракину предписывалось конфиденциально

⁶⁹ Крылова Т.К. Гузумские переговоры о северном мире и капитуляция второй шведской армии Стенбока в мае 1713 г. // Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. М., 1959. С. 195–196.

⁷⁰ Там же. С. 197–198.

⁷¹ МИРФ. Ч. IV. С. 70–71; Письма и бумаги Императора Петра Великого. М., 1992. Т. 13. Вып. 1. С. 78–79.

⁷² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13. Вып. 1. С. 283.

⁷³ Крылова Т.К. Гузумские переговоры о северном мире... С. 198.

⁷⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13. Вып. 1. С. 59–60.

⁷⁵ Там же. С. 256.

⁷⁶ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Вып. 1. С. 311.

⁷⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13. Вып. 1. С. 105.

⁷⁸ Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 83.

сообщить английским министрам следующее: защищая Польшу, России пришлось вступить в войну с Турцией, в которой она не получила поддержки, вследствие чего потеряла Азов, Таганрог, Каменный Затон, Самару, Новобогородицкое и другие города; за это Россия должна получить компенсацию. Если бы выяснилось сочувственное отношение английских министров к такой постановке вопроса о Лифляндии, Б.И. Куракин должен был прощупать почву относительно сохранения ее Россией и привести также такой довод, что передача Лифляндии Польше, которая легко может снова потерять ее, не соответствует интересам морских держав – Англии и Голландии, так как их торговля терпела бы при этом утеснение⁷⁹.

Надо сказать, что вопрос о передаче Лифляндии Польше теперь уже не стоял так остро ввиду ослабления Речи Посполитой. Но отношения России с морскими державами, в первую очередь с Англией, в тот момент стали ухудшаться, так как англичанам не нравилось усиление морского могущества России, поэтому много внимания дипломатам пришлось уделять именно переговорам с морскими державами.

12 мая 1718 г. началась работа Аландского конгресса, на котором участники переговоров изложили свои позиции: Россия хотела получить все завоеванное, Швеция не желала ничего отдавать. В августе 1718 г. Петр I согласился пойти на небольшие уступки шведам и уступить им Кексгольм⁸⁰. Кроме того, в 1719 г. А.И. Остерман получил разрешение на Аландском конгрессе предложить некоторую сумму денег за уступку Лифляндии и в крайнем случае даже согласиться на то, чтобы Лифляндия была уступлена России лишь временно – сроком на 20–30 лет⁸¹.

В нашу задачу не входит детальное описание Аландского конгресса и международной обстановки того времени. Отметим лишь то, что заключить мирный договор тогда не удалось, более того, в августе 1719 г. сформировался англо-шведский союз, предусматривавший и давление Англии на противников Швеции⁸²; а в феврале 1720 г. – союзный договор о военной взаимопомощи⁸³. После этого при английском посредничестве из войны были выведены все союзники России (кроме Речи Посполитой, которую практически никто в расчет не принимал). В результате этого Швеция лишилась всех своих германских владений, но ей было обещано возвращение Лифляндии и Эстляндии⁸⁴. Таким образом, России теперь приходилось бороться за прибалтийские области со Швецией и Англией.

Английское правительство настаивало на возвращении Швеции Ревеля и заявляло, что в противоположном случае окажет Швеции помощь. Однако идти на решительный разрыв отношений и войну с Россией англичане не решились, а появление англо-шведской эскадры в Балтийском море летом 1720 г. не принесло никаких результатов, переговоры между Россией и Швецией в 1721 г. проходили без посредников.

Заключение Ништадского мира и послевоенное урегулирование вопросов с земельными владениями

На Ништадском конгрессе шведы практически сразу признали переход Лифляндии к России. Основным камнем преткновения стал вопрос о Выборге⁸⁵. В итоге Россия по условиям мира получила все, на что рассчитывала в тот момент: Ингрию,

⁷⁹ МИРФ. СПб., 1868. Ч. 4. С. 81–82; *Фейгина С.А.* Аландский конгресс... С. 84–85.

⁸⁰ МИРФ. Ч. 4. С. 163–164.

⁸¹ *Никифоров Л.А.* Русско-английский отношения при Петре I. М., 1950. С. 203.

⁸² *Фейгина С.А.* Аландский конгресс. С. 474.

⁸³ *Никифоров Л.А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадский мир. М., 1959. С. 179.

⁸⁴ Там же. С. 128.

⁸⁵ Там же. С. 408.

Карелию с Выборгом и Кексгольмом, Лифляндию с Нарвой, Дерптом и Ригой и Эстляндию, а также остров Эзель. Таким образом, осенью 1721 г. территория Прибалтики уже официально вошла в состав Российской империи.

По условиям Ништадского мирного договора, все «маетности» (то есть земельные владения) Лифляндии и Эстляндии следовало вернуть их прежним владельцам. Последние обязывались принести присягу на верность России. Те из них, которые не пожелали бы принести такую присягу, должны были в определенный срок (один – два года) продать свои владения либо царю, либо кому-нибудь из его подданных⁸⁶.

Практически сразу после заключения мира, уже в октябре 1721 г., в Лифляндии, а затем и в Эстляндии были учреждены так называемые «реституционные комиссии», подчиненные сенату. В 1723 г. было предписано, чтобы они

маетности прямым владельцам, которые кому по правам и по доказательным документам бесспорно принадлежат, возвращали и во владение отдавали, не ожидая на такие бесспорные дела конфирмации Сената, а о которых маетностях произойдут какие споры, о них, учиня сентенции, для апробации присылать в сенат⁸⁷.

Это все привело к тому, что российскими подданными стали многие прибалтийские дворяне, и в дальнейшем их потомки «верой и правдой» служили российскому престолу.

В то же время процесс этот проходил отнюдь не безболезненно. К примеру, в 1725 г. Густав Дуглас обратился с прошением, в котором отмечал, что «по силе Ништадского мира» все его мызы, которыми он владел в Эстляндии «чрез его императорского величества милосердие», он должен был вернуть прежним владельцам. Сам наследственной земли в Эстляндии не имел, потому просил другие мызы («публичные, принадлежащие его императорскому величеству») отдать ему в аренду⁸⁸.

Примерно в то же время в прошении на имя генерал-губернатора Ф.М. Апраксина представители эстляндского дворянства апеллировали к императорскому универсалу от 29 сентября 1710 г., в котором было «постановлено, что токмо в Эстляндии рожденному и живущему рыцарству императорские публичные коронные маетности в обыкновенную аренду быть могут». Некоторым из таких, по их словам, отказывали в аренде⁸⁹. Причины этого из челобитной не понятны, но, судя по всему, мызы в аренду получали те, кто, по мнению местных дворян, не был их достоин.

Из приведенных документов видно, что в период с 1710 по 1721 г. кто-то получал поместья на территории Прибалтики за выслугу. Это была вполне обычная практика для того времени. Петр I (и другие будущие монархи) регулярно жаловал земли в награду за службу. Однако в Прибалтике сложилась несколько своеобразная ситуация, вынудившая тех, кто получил земли, после заключения Ништадского мира вернуть их. В то же время образовались «публичные» земли, а также «коронные» земли. Скорее всего, это были земельные участки, владельцы которых не захотели становиться подданными Российской империи и предпочли продать свои прежние владения в казну.

⁸⁶ Никифоров Л.А. Внешняя политика России... С. 435–436.

⁸⁷ Из истории крестьянского сословия в Прибалтийском крае // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1876. Т. II. С. 533.

⁸⁸ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 240. Л. 6.

⁸⁹ Там же. Л. 2.

Выводы

В первые годы Северной войны Лифляндия по условиям договора Петра I с саксонским курфюрстом и польским королем Августом II воспринималась российским царем как вражеская территория. Войска под командованием Б.П. Шереметева в то время ограничивались небольшими набегами и «поисками, в ходе которых занимались опустошением земель, и Петр I этому не препятствовал (и даже разрешал это). В 1704 г. российскими войсками были заняты Нарва и Дерпт, куда были введены российские гарнизоны, но при этом в восприятии царя никаких изменений не произошло – зондируя в следующие годы заключение мира со Швецией, он готов был уступить Дерпт, а при необходимости и Нарву. В 1708 г., когда ожидали вторжения короля Карла XII в Россию, занятая территория была разорена, укрепления Дерпта разрушены, а жители выселены оттуда.

Ситуация стала меняться после победы под Полтавой. В 1710 г. были заняты Рига, Ревель и Пернов, и с представителями этих городов были заключены договоры, которыми жителям гарантировалось сохранение лютеранского вероисповедания, местного самоуправления и другие льготы. То есть восприятие Петра I полностью поменялось. В то же время и дипломаты стали добиваться включения Прибалтики в состав России. Это им удалось довести до конца, и после заключения Ништадского мирного договора прибалтийские земли стали неотъемлемой частью Российской империи.

Поступила в редакцию / Submitted: 19.10.2020

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 25.12.2020

Принята к публикации / Accepted for publication: 05.06.1022

References

- Arbuzov, L.A. *Ocherk istorii Lifylandii, Estlyandii i Kurlyandii*. St. Peterburg: Tip. M.M. Stasyulevicha Press, 1912 (in Russian).
- Artamonov, V.A. *Rossiya i Rech' Pospolitaya posle Poltavskoj pobedy (1709–1711)*. Moscow: Nauka Publ., 1990 (in Russian).
- Balashova, Yu.P. “Iz istorii Severnoi voiny (‘General'nyi pokhod’ russkikh voisk v Pribaltiku v 1702 g.)” *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta im. N. K. Krupskoi* 127, no. 7 (1963): 31–58 (in Russian).
- Feigina, S.A. *Alandskii kongress. Vneshniaia politika Rossii v kontse Severnoi voiny*. Moscow: AN SSSR Publ., 1959 (in Russian).
- Grotian, I.G. “Vyselenie zhitelei Derpta v 1708 g.” In *Sbornik materialov i statei po istorii Pribaltiiskogo kraya*, vol. 2, 478–490. Riga: Tip. A.I. Lipinskago Press, 1879: (in Russian).
- Krylova, T.K. “Guzumskie peregovory o severnom mire i kapitulyatsiya vtoroi shvedskoi armii Stenboka v mae 1713 g.” In *Poltavskaiia pobeda. Iz istorii mezhdunarodnykh otnoshenii nakanune i posle Poltavy*, 186–208. Moscow: Akademiya Nauk SSSR Publ., 1959 (in Russian).
- Molchanov, N.N. *Diplomatiya Petra Velikogo*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1991 (in Russian).
- Myshlaevskii, A.Z. *Severnaya voina na Ingermanlandskom i Finlyandskom teatrakh v 1708–1714 gg.: Dokumenty Gos. Arhiva*. St. Peterburg: Izdanie voenno-uchenogo komiteta Glavnogo shtaba Publ., 1894 (in Russian).
- Myshlaevskii, A.Z. *Severnaya voina. Letniaia kampaniia 1708 g.* St. Peterburg: Berezhlivost Publ., 1901 (in Russian).
- Nikiforov, L.A. *Russko-angliiskie otnosheniia pri Petre I*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1950 (in Russian).
- Nikiforov, L.A. *Vneshniaia politika Rossii v poslednie gody Severnoi voiny: Nishtadskii mir*. Moscow: AN SSSR Publ., 1959 (in Russian).
- Palli, Kh.E. *Mezhdru dvumia boiami za Narvu: Estoniia v pervye gody Severnoi voiny (1701–1704)*. Tallinn: [S.n.], 1966 (in Russian).

- Petrov, A.V. *Gorod Narva, ego proshloe i dostoprimechatel'nosti v svyazi s uprocheniem russkogo gospodstva na Baltiiskom poberezh'e*. St. Peterburg: Tip. Min. Vnut. Del Press, 1901 (in Russian).
- Sterlikova, A.A. "Stanovlenie rossiiskoi imperii i osobennosti russkogo imperializma na primere vkhozhdeniia Pribaltiki v sostav Rossii." In *Imperii i imperializm novogo i noveishego vremeni: Sbornik statei*, 233–236. St. Peterburg: Istoricheskii fakul'tet SPB GU, 2009 (in Russian).
- Veber, F.Kh. "Preobrazhennaia Rossiia." *Russkii arhiv*. no. 6 (1872): 1060–1168 (in Russian).
- Zaozerskii, A.I. *Fel'dmarshal B.P. Sheremetev*. Moscow: Nauka Publ., 1989 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Николай Равильевич Славнитский, канд. истор. наук, главный научный сотрудник, Государственный музей истории Санкт-Петербурга; 197046, Россия, Санкт-Петербург, Петропавловская крепость, 3; slavnitski@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1590-9423>

Nikolai R. Slavnitsky, PhD in History, Chief Researcher, State Museum of the History of Saint Petersburg; 3, Petropavlovskaya krepost', St. Petersburg, 197046, Russia; slavnitski@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1590-9423>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-351-362>

Научная статья / Research article

Образ Петра I в современном историографическом и общественном дискурсе

Вардан Эрнестович Багдасарян ^a , Сергей Иванович Реснянский ^{a,b}

^a Московский государственный областной университет, Москва, Россия

^b Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

 s-r44@yandex.ru

Аннотация: Актуальность темы исследования определяется запросом на переосмысление личности и политической деятельности Петра I с позиций новых методологических подходов в исторической науке. Цель исследования заключалась в реконструкции дискурсивного пространства вокруг фигуры Петра I, проведении классификационного анализа выдвигаемых по отношению к ней научных и историко-публицистических подходов. При проведении исследования методологически авторы опирались на сочетание теории дискурса с традиционными методами историографии. На основании изучения современной научной и публицистической исторической литературы описаны восемь историографических моделей осмысления деятельности Петра I в соотношении с различными методологическими подходами в исторической науке. Авторы на основании полученных результатов делают вывод о начале нового историографического этапа в изучении петровского времени, проявляемого в изменении ключевых дихотомий общественной дискуссии о Петре I. Делается прогноз о смене устоявшихся в обществе подходов к восприятию Петра I, происходящей под влиянием историографического дискурса и актуальных политических трансформаций.

Ключевые слова: Петр I, историография, дискурс, историографическая модель, петровские преобразования, модернизация, европеизация, реформы, Россия, Европа

Для цитирования: Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Образ Петра I в современном историографическом и общественном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 351–362. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-351-362>

Image of Peter I in Modern Historiographical and Public Discourse

Vardan E. Bagdasaryan ^a , Sergey I. Resnianskiy ^{a,b}

^a Moscow Region State University, Moscow, Russia

^b Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

 s-r44@yandex.ru

Abstract: The relevance of the subject of the research is determined by the request for rethinking the personality and political activity of Peter the Great from the standpoint of new methodological approaches in the development of historical science. The purpose of the study is to reconstruct the discursive space around the figure of Peter I and to conduct the classification analysis of the scientific and historical-journalistic approaches put forward in relation to it. When conducting the research, the authors relied on the combination of the theory of discourse and traditional methods of historiography. Based on the study of modern scientific and journalistic literature, there were described 8 historiographical models of understanding the activities of Peter I in relation to various methodologies of history. On the basis of

the results obtained, the authors conclude that there has begun a new historiographical stage in the study of Peter the Great's time manifested in the change in the key dichotomies of the public discussion on Peter I. The forecast is made about the shift in the approaches to perceiving Peter I established in society under the influence of historiographical discourse and current political transformations.

Keywords: Peter I, historiography, discourse, historiographical model, Peter the Great's transformations, modernization, Europeanization, reforms, Russia, Europe

For citation: Bagdasaryan, V.E., and Resnianskiy, S.I. "Image of Peter I in Modern Historiographical and Public Discourse." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 3 (August 2022): 351–362. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-351-362>

Введение

Петр I относится к ряду реперных фигур российского исторического нарратива. Его именем определяется соответствующая историческая эпоха – петровская, и сама история России делится на допетровское и послепетровское время. Сравнимое с петровскими реформами рубежное значение занимает в историческом сознании только Октябрьская революция, разделившая российское прошлое на дореволюционный и послереволюционный/советский периоды. От той семантики, которой наделяются реперные фигуры исторического процесса, зависит осмысление общей направленности хода истории. И расхождение во взглядах на Петра, а через него и на все российское прошлое, обнаруживается задолго до дискуссии между славянофилами и западниками. На полюсах общественного восприятия сложились два петровских образа: Петра Великого, полубога – в дворянской репрезентации¹, и антихриста, немца на русском престоле – в старообрядческой рефлексии². В настоящее время Петр I по-прежнему может рассматриваться как фигура, через отношение к которой реконструируются общественно-политические позиции различных общественных групп.

Цель исследования – проведение реконструкции, позволяющей соотнести взгляды на Петра I с общим видением исторического процесса (философией истории) и ценностно-смысловыми ориентирами (идеологией). При этом ставится задача двухуровневого изучения петровского образа – в рамках историографии (историческая наука) и массового общественного восприятия (историческое сознание)³. Сферы исторической науки и исторического сознания не имеют между собой жестких границ, соединяясь в рамках того, что сегодня принято обозначать понятием «исторический дискурс»⁴. Предмет исследования определяет, соответственно, и применяемую методологию, состоящую в сочетании теории дискурса с классическими методами историографии и исторической социологии.

Дополнительным фактором актуализации исследования современного восприятия образа Петра являются исторические параллели особенностей реализации петровской политики с государственным курсом современной России. Петр, которого классифицируют как западника, проводил при этом политику сильной руки внутри страны и имперской геополитики – во вне. Такое сочетание вызывает определенные ассоциации с современным этапом в истории российской государственной политики. Признание успешности петровской политики в XVIII в. означало бы

¹ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. М., 1837–1843.

² Семевский М.И. Самуил Выморков, проповедник явления Антихриста в 1722–1725 гг. // Семевский М.И. Слово и дело. 1700–1725. СПб., 1884. С. 125–184

³ Бровцева Н.Л. Историческое сознание как предмет исторического познания: дис. ... канд. философ. наук. Киров, 2003.

⁴ Гизатова Г.К., Иванова О.Г. Исторический дискурс и национальные нарративы // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманит. науки. 2019. Т. 161. Кн. 5–6. С. 166–173; Линченко А.А. Морально-исторический дискурс как фактор достижения социального согласия // Социодинамика. 2019. № 12. С. 29–39.

в логике этих параллелей и признание соответствующих потенциалов у современной модели российской государственности, и, напротив, отрицание успехов Петра – сомнение в том, что на инициализационной западной платформе они для России в принципе возможны.

Дискуссионные разломы историографического дискурса

Рассмотрение петровского правления в системе аргументаций *pro et contra* стало со временем принципом его исторической презентации. Вместо цельности интерпретаций стал все чаще избираться диалогический подход, раскрывающий амбивалентность как самой фигуры Петра, так и проводимых им реформ. Показательна в этом отношении книга Е.В. Анисимова «Петр Первый: благо или зло для России», исходно построенная как диалог между апологетом и критиком петровской политики. Автор приводит в ней аргументы с позиции обвинителя (обвиняет Петра, прежде всего, исходя из ценностей гуманизма, демократии и экономики рынка), а затем опровергает себя же с позиции, условно определяемой как консервативная (оправдывает Петра, отталкиваясь от приоритетности задач отражения внешних угроз). Условная развилка внутреннего диалога задавалась перенесенным еще в перестроечный СССР дискурсом о феномене тоталитарного общества. В соответствии с ним Петр рассматривался как фигура, задававшая вектор в направлении грядущего тоталитаризма (автократия, полицейское государство, усиление крепостного права). Противники такого взгляда выступали с позиций классического или старого западничества, доказывая прогрессивные последствия петровских деяний. Таким образом, можно констатировать произошедшую смену основной дискуссионной дихотомии западники – славянофилы новым дискуссионным разломом в отношении фигуры Петра⁵.

Но спор между классическим – антипатриархальным (секулярным) и модернизированным – антитоталитарным западничеством не исчерпывал дискуссионного пространства. Наряду с ним могут быть выделены и другие дискуссионные разломы, как, например, дискуссия между патриотами-противниками и патриотами-сторонниками Петра. Первые акцентировали внимание на произошедшем разрыве петровской элиты с национальной традицией, вторые – на петровском имперостроительстве, борьбе с внешними врагами. Их различия в оценках Петра I представляли собой тот случай, когда разногласия цивилизационных противников и геополитических сторонников приводили к расхождению исторических оценок.

Возникли парадоксальные альянсы между последователями линии славянофилов и новых западников в критике петровской политики, проявленные, в частности, в публичных дискуссиях. В свою очередь, патриоты – сторонники империи оказались столь же парадоксально близки в оценке Петра с частью либерального западничества. Переформатирование дискуссионного пространства вокруг петровских реформ позволяет ставить вопрос о присутствии в широком дискурсе новых моделей интерпретаций исторического образа Петра I.

Историографическое моделирование

Модель № 1: «Теория политического реализма»

Наиболее укорененной в современной историографии оценкой деятельности Петра I является ее трактовка в соответствии с теорией политического реализма. Сложившиеся представления можно охарактеризовать как нерелевантный политический реализм, поскольку выдвигаемые оценки даются без соответствующего тео-

⁵ Анисимов Е.В. Петр Первый: благо или зло для России. М., 2019.

ретико-методологического обоснования. Главной ценностью, согласно позиции политического реализма, является ценность государственного суверенитета. Каждое государство ведет с другими борьбу за доминирование, вступает в войны, заключает союзы, преследуя интегральную цель – усиление своего влияния и власти в мире⁶.

Россия ко времени вступления на престол Петра I экономически отставала от стран Европы, имела в сравнении с ними более низкий образовательный потенциал населения, ее управленческая система, с характерной московской волокитой, отличалась низким уровнем функциональности. Реформы были нужны Петру I для того, чтобы эффективно бороться с внешними противниками, другими государствами – напрямую со Швецией и Османской империей, опосредованно – с Британской империей. Главным успехом правления Петра считалась победа в Северной войне и ее следствие – выход к Балтийскому морю. Высокой оценки в свете рассмотрения истории с позиции реал-политик заслуживают также петровские проекты – персидские походы, инициирование колониальной экспедиции на Мадагаскар, исследование возможности прокладывания северного морского пути вокруг Евразии. Все они были направлены на подрыв британского могущества и непосредственно создавали угрозу владычеству Великобритании в Индии⁷.

Все реформы были подчинены функционально реформе военной, а военная, в свою очередь, направлена на обеспечение российского государственного могущества⁸. Переход к подушному обложению был нужен для обеспечения финансирования армии и флота, введение Табели о рангах – для военизации гражданской службы, управленческие реформы – для повышения мобилизационных возможностей государства в условиях войны⁹. Даже церковные преобразования рассматривались с точки зрения внешнего соперничества, предполагавшего развитие науки и техники, связываемого в свою очередь с секулярной культурой¹⁰.

Модель № 2: «Теория модернизации»

Реформы Петра I, в соответствии с теорией модернизации, представляли собой вступление России в модернизационную фазу развития. В рамках петровской европеизации произошел перенос на российскую почву институций и культурных элементов европейской жизни¹¹. Россия при Петре прошла путь, на который у европейских стран было затрачено более века. Не имела она и подготовительного этапа модернизации в виде культуры Ренессанса. Россия при Петре совершила скачок из традиционного общества в ранний модерн, тогда как в Европе такой переход шел эволюционно. Задачи форсированной модернизации определили специфику авторитарного стиля петровской революции сверху. Такой стиль не являлся чем-то

⁶ Дробот Г.А. Реализм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 4. С. 182–203; Игнаткин О.Б. Идеи политического реализма в современных международных отношениях // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2013. № 21 (122). С. 74–82.

⁷ Копелев Д.Н. «Мадагаскарский король» и секретная экспедиция Петра Великого 1723–1724 годов // Век Просвещения. Вып. 5: География эпохи Просвещения: между воображением и реальностью. 2015. С. 168–185; Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2019.

⁸ Волкова И.В. Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 35–50.

⁹ Кротов П.А. Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996; Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга. СПб., 2011.

¹⁰ Павленко Н.И. Петр I. М., 2007; Дробина М.Г. Правовое положение русской Православной Церкви в период проведения церковной реформы Петра I: дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2005.

¹¹ Черникова Т.В. Парадоксы петровской европеизации // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 3–22.

специфическим для России и в целом был характерен для стран догоняющего типа развития (второго и третьего эшелона капитализма)¹².

Впрочем, не все исследователи петровских преобразований признают факт петровской модернизационной политики. Существует распространенное мнение о том, что Петр, напротив, усилив крепостнические компоненты, заложил на долгое время препятствия для модернизации России, связываемой в этой версии теории с демократией, свободой личности, рыночной экономикой. Существует также точка зрения о частичной петровской модернизации, ограничиваемой кругом элиты. Несмотря на европеизацию дворянства, большинство российского населения продолжало существовать в парадигме традиционного общества¹³.

Сложилось таким образом три версии в оценке петровской политики с точки зрения теории модернизации. Согласно первой – имела место догоняющая модель авторитарной модернизации, согласно второй – проводился антимодернизационный курс, в соответствии с третьей – была создана эклектичная система, сочетающая модернизационные анклавы с народной культурой домодерна.

Модель № 3: «Историческая колея России»

В последние годы приобрела достаточную популярность метафора «исторической колеи», положенная в основание соответствующей концепции. Согласно ей сделанный когда-то в прошлом выбор пути той или иной страны определяет модель ее будущего развития. Выйти из колеи крайне сложно, и чем глубже колея, тем меньше шансов изменения заданного исторического вектора развития¹⁴.

Существует точка зрения, представленная в том числе в зарубежной историографии о том, что «русская колея» была заложена еще до Петра, на стадии формирования российского централизованного государства. Во время петровского правления она была существенно углублена, что устанавливало инвариантность дальнейшего развития страны¹⁵. Петр I, сообразно с концепцией «исторической колеи», уничтожил потенциал для появления демократических институций и тем самым лишил Россию перспектив альтернативного развития. Прослеживалась линия исторической связи между Петром, с одной стороны, Лениным и Сталиным, с другой¹⁶. Приобрела популярность фраза, когда-то использованная Максимилианом Волошиным, о Петре как первом большевике на троне¹⁷.

Модель № 4: «Теория цивилизаций»

Определение президентом В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию 2012 г. России как государства-цивилизации обозначило на уровне властного дискурса запрос на разработку цивилизационной версии российской истории¹⁸. Цивилизационный подход в отличие от модернизационного предполагает выявление

¹² Каменский А.Б. Российская империя в XVIII в.: традиции и модернизация. М., 1999; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. СПб., 2019.

¹³ Анисимов Е.В. Держава и топор: царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 2019; Водарский Я.Е. Петр I // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 59–78; Нефедов С.А. Петр I: блеск и нищета модернизации. Историческая психология и социология истории. 2011. № 1. С. 47–73.

¹⁴ Ильин В.И. Структура исторической колеи России: проблемы методологии // Мир России. № 26 (4). С. 30–50.

¹⁵ Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

¹⁶ Саркисян И.И. Доктрина модернизации: Россия от Петра I до «сталинской революции» // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2014. № 3. С. 169–178.

¹⁷ Евдокимов А. Первый большевик. Почему Петр I виноват в гибели империи и Николая II. URL: <https://life.ru/p/986304> (дата обращения: 28.01.2022).

¹⁸ Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 28.01.2022).

ценностных констант соответствующей цивилизации, которые по своему происхождению связываются с заложенной в ядре цивилизации цивилизационно-образующей религией, в российском случае – с православием¹⁹.

Петр I в версии цивилизационного подхода оказывался одним из основных антигероев в истории России, а петровская европеизация была направлена против ценностей и традиций русской цивилизации²⁰. Особое внимание в контексте цивилизационной теории обращается на церковные реформы Петра и его разрыв с православными социокультурными традициями, а сам император подозревается в симпатиях к протестантизму и в выстраивании новой синодальной системы управления церковью по протестантскому образцу²¹.

Модель № 5: «Теория элит»

В проекции теории элит история развивается в контексте борьбы различных элитаристских, антиэлитаристских и контрэлитаристских группировок в борьбе за власть. Применительно к периоду политического транзита после смерти Федора Алексеевича традиционно внимание акцентируется на противоборстве групп Милославских и Нарышкиных²². Не все, впрочем, исследователи согласны с такой диспозицией борьбы, ими указывается, что ведущую роль в стрелецких мятежах играли совершенно другие персоналии²³.

В качестве альтернативного петровскому сценарию развития России историками зачастую рассматриваются потенциалы властной команды царевны Софьи. Традиционная версия, художественно оформленная Алексеем Толстым о консолидировавшейся вокруг Софьи старомосковской группировке, может быть признана устаревшей. Напротив, получила развитие точка зрения, согласно которой Василием Голицыным подготавливался пакет более широких реформ (включая отмену крепостного права), идущих гораздо дальше петровского реформирования²⁴. Консервативные силы во главе с патриархом Иоакимом в раскладе политической борьбы поддержали именно Петра, связывая с ним, а не с Софьей, приверженность традициям. Высказывается также мнение о двух сталкивающихся версиях западничества: голицынского – шляхетско-католического и петровского – протестантского. Победа петровской версии означала ставку на практическую сторону европеизации. Рецидивы же линии Софьи – Голицына дали о себе знать чуть позже – в создании двора, дворцовой роскоши и расточительстве²⁵.

¹⁹ *Шемякина О.Д.* Цивилизационный подход к истории России как факт историографии и метод познания. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 2011.

²⁰ *Гобозов И.А.* Философско-историческое осмысление реформ Петра I и их последствий // *Философия и общество*. 2019. № 2 (91). С. 40–61.

²¹ *Реснянский С.И.* 1) Церковно-государственная реформа Петра I. Протестантская модель или византийское преемство. М., 2009; 2) Синодальный протестантизм Петра I и «Поморские ответы» старообрядцев. Русь-Россия: Выбор веры. История и современность. Сб. материалов VII межрегиональной научно-практической конференции «Духовные основы русской культуры». М., 2011. С. 34–42.

²² История России в современной зарубежной науке / ред. В. М. Шевырин. М., 2010. Часть 1. С. 128–129; *Соколова Е.С.* Самодержавный идеал в надсословных стратегиях Милославских и Нарышкиных: к вопросу о репрезентативной сущности некоторых нормотворческих инициатив конца XVII в. // *Genesis: исторические исследования*. 2017. № 2. С. 55–84.

²³ *Седов П.В.* 1) Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. 2-е изд., испр. СПб., 2008; 2) Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2008; *Hughes L.* *Sophia, Regent of Russia 1657–1704*. New Haven, CT, London, 1991.

²⁴ *Богданов А.П.* Гравюра как источник по истории политической борьбы в России в период регентства Софьи Алексеевны (вопросы происхождения) // *Материалы XV Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»*. Серия «История». Новосибирск, 1977. С. 39–48; *Наумов В.П.* Царевна Софья. М., 2015.

²⁵ *Лавров А.С.* Василий Васильевич Голицын // *Вопросы истории*. 1998. № 5. С. 61–72.; *Седов П.В.* *Опись гардероба боярина князя Василия Васильевича Голицына // Россия XV–XVIII столетий: сбор-*

Очевидной характеристикой петровского правления явилась определенная демократизация элит, включение механизмов социального продвижения по службе. В результате был нанесен удар по прежним позициям родовой аристократии, окончательно стерты границы между боярством и дворянством. На высшие позиции государственной власти оказались подняты представители провинциального дворянства и лица худародного происхождения²⁶. Массово приглашались на службу европейцы, что позже будет восприниматься в качестве угрозы утраты властью национальной идентичности. В церковной иерархии командные позиции заняли представители малороссийского духовенства²⁷. Посредством системы Табели о рангах был создан механизм преодоления сословных ограничителей элитобразования²⁸.

Модель № 7: «Теория мир-систем»

На основе методологических разработок Ф. Броделя и И. Валлерстайна самостоятельное место в историографии заняла теория мир-систем²⁹. Мир-системный анализ корреспондировал в конкретных разработках с геополитическим, марксистским и цивилизационным подходами. В соответствии с ним, начиная с великих географических открытий, развития капитализма и формирования колониальных империй складывается единая мировая система, в которую встраиваются находившиеся ранее в сравнительно изолированном положении отдельные мир-системы (они же – цивилизации). Такое вхождение представляло собой объективный процесс исторического развития. До Петра Россия развивалась как особая мир-система. Петровская политика с точки зрения мир-системного анализа представляла собой ее вхождение в формируемую мировую систему. Культурные заимствования Петра являлись маркером включения в мировую систему и имели значение, прежде всего, с точки зрения символической политики производимой системной интеграции. Однако внутри единой мир-системы позиции центра, полупериферии и периферии не были еще окончательно распределены. Внешняя политика Петра, которая определялась борьбой за положение России внутри мировой системы, оказалась достаточно успешной³⁰.

Модель № 7: «Интеллектуальная история»

Направление интеллектуальной истории ставит в фокус рассмотрения исторического процесса концепты, которыми руководствуются субъекты стратегического действия. В такой постановке проблемы применительно к петровскому времени центральным оказывается вопрос о том, существовал ли некий концептуаль-

ник научных статей. Юбилейное издание (70-летию со дня рождения профессора Р. Г. Скрынникова посвящается). Волгоград, 2001. С. 267–282.

²⁶ Павленко Н.И., Дроздова О.Ю., Колкина И.Н. Соратники Петра. М., 2001.

²⁷ Фефелова О.А. «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь» К.В. Харламповича и история Русской православной церкви в Сибири в XVIII веке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 11 (113). С. 69–73.

²⁸ Потапов А.Ф. Табель о рангах Петра I в истории России // Историч., философ., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1–2. С. 153–157.

²⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. М., 2007. Т. 3; Валлерстайн И. Мир-системный анализ // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций. Новосибирск, 1998. Вып. 1. С. 105–123; Фурсов А.И. Школа мир-системного анализа (основные положения концепции И. Валлерстайна) // Восток. 1992. № 1. С. 19–38.

³⁰ Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30–42; Дерлугьян Г. Эволюция Российского государства в мир-системной перспективе, 1000–2010 гг. н.э. // Русские чтения. Вып. 1. М., 2006. С. 38–57; Казарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М., 2009; Хакимов Г.А. Российская модернизация в свете мир-системных концепций // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3. С. 57–63.

ный замысел в деятельности Петра I. Положительный ответ на него сталкивается с идущей от П.Н. Милокова и сохраняющей достаточно широкое распространение позицией о «реформах без реформатора», ситуативном реагировании царя на актуальные вызовы, без целевого видения осуществляемых преобразований. Контекст развития европейской мысли в соотнесении с политикой Петра I позволяет предположить факт влияния на него идей меркантилизма, камерализма, теории общего блага, всеобщности рациональной государственной регламентации³¹.

Другой стороной реконструкции воззрений Петра является предположение о его симпатиях реформационной (протестантской) церкви³². Обращается внимание на то, что заимствования в его политике реформ шли преимущественно не из католической Европы, а из стран протестантского культурного ареала. Ведется полемика о церковной реформе Петра, в рамках которой дискутируется вопрос о том, было ли новое синодальное устройство канонично для православной традиции³³ или оно явилось результатом заимствования протестантской модели организации религиозной жизни³⁴. В приверженности протестантизму подозревается ведущий апологет петровской церковной реформы Феофан Прокопович, тогда как местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский – в близости к католикам³⁵. Впрочем, изгнание в 1719 г. из России Ордена иезуитов, деятельность которого получила распространение в период регентства Софьи, явно указывает на антикатолические взгляды Петра³⁶. В кошунствах Всешутейшего собора видится отдельными исследователями не антирелигиозное действо, а конкретная пародия на папство³⁷.

Третьей версией в отношении замысла Петра, наряду с версиями о влиянии на реформы европейских общественных наук и протестантской религиозности, является предположение о развитии им национальной идеологической рефлексии. В Московской Руси получило распространение положение, что «четвертому Риму» не бывать. На нем выстраивались, в частности, позиции старообрядческой оппозиционности. Ответом на кризис хилиастических воззрений Московской Руси явился петровский тезис о принципиальной возможности модернизации христианского царства. Петербург в этом понимании мыслился как «четвертый Рим» – столица обновленной Римской империи. Позиционирование Петра как «нового Константина» соотносится также с версией о замысле христианского империостроительства.

Модель № 8: «История повседневности»

История повседневности в противоположность макроисторическим обобщениям сфокусирована на микроисторических аспектах человеческого существования. Несмотря на преднамеренный уход от метанарратива, она на уровне бытия отдельного человека, семей или локалитетов позволяет выявить, прежде всего, социо-

³¹ *Неруцкова О.Е.* Отечественная историография государственно-правовых отношений в России XVIII века.: дис. ... канд. истор. наук. М., 2003.

³² *Острецов В.М.* Масонство, культура и русская история. Историко-политические очерки. М., 1998. С. 28–85.

³³ *Бабкин М.А.* Церковные полномочия православных императоров Византии и России // Вестник архивиста. М., 2013. № 4. С. 130–139.

³⁴ *Михаил (Чепель)*, иеромонах. Некоторые аспекты влияния церковной реформы Петра I на жизнь российского общества. URL: <https://pravoslavie.ru/77634.html> (дата доступа: 28.02.2022).

³⁵ *Тихомиров Ф.А.* Идея абсолютизма Бога и протестантский схоластицизм в богословии Феофана Прокоповича // Христианское чтение. 1884. № 9–10. С. 315–326; *Корзо М.А.* О протестантских влияниях действительных и мнимых: православные катехизисы от Стефана Зизания до Феофана Прокоповича // Вивлююника: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2017. Vol. 5. С. 5–17.

³⁶ *Андреев А.Р.* История ордена иезуитов. Иезуиты в Российской империи. XVI – начало XIX века. М., 1998.

³⁷ *Бердников Л.И.* Всешутейший собор. Смеховая культура царской России. М., 2019.

культурные трансформации. Их изучение стало предметом разработок по отношению к разным периодам истории России. Не стала исключением и эпоха петровского правления.

Проводимые в рамках данного подхода исследования демонстрировали прежде всего появление нового типа личности – человека секулярного. Петровский этап секуляризации оказывался преемственен тенденциям обмирщения сознания и бытия человека в XVII столетии. Однако при Петре скорость соответствующих процессов существенно возросла. При этом важна подтверждаемая и в рамках других моделей констатация того, что формирование человека секулярной культуры ограничивалось нишей дворянского сословия и не затрагивало народ³⁸.

Выводы

Безусловно, описываемые походы к осмыслению исторического значения фигуры Петра I не представляют собой «чистые модели». Часто в трудах историков они сочетаются друг с другом либо используются их отдельные элементы, что нередко приводит к внутренним противоречиям в предлагаемых интерпретациях. Но сами «чистые модели» могут использоваться в качестве лоции по петровской историографии.

Проведенный анализ позволяет зафиксировать переход к новому историографическому этапу осмысления личности и политики Петра I. Прежнее пространство дискурса оказалось трансформировано в результате смены ключевых дихотомий. Сложившиеся «чистые модели» осмысления петровских трансформаций должны вероятно в перспективе привести к изменениям восприятия Петра I в рамках исторического сознания российского социума.

Изменения исторического сознания происходят с определенной задержкой по отношению к сменам историографических и шире – дискурсивных парадигм. В настоящее время как на уровне властных представлений, преломляемых в государственной исторической политике, так и массового общественного мнения, доминирует взгляд на Петра I как гениального преобразователя, выведшего Россию в число передовых держав мира, а также как блестящего полководца. Такое представление является синтезом семантик прежней советской интерпретации (романа А.Н. Толстого и фильма В.М. Петрова с одноименным названием «Петр Первый») и теории модернизации (образ Петра в качестве предтечи всех последующих российских реформаторов). Но смена векторов развития России на современном этапе предположительно актуализирует запрос на новое переосмысление петровской эпохи в соответствии с трансформирующейся системой ценностей и идей российского общества.

Имея в виду палитру исторического дискурса, смена оценок деятельности Петра I не исключена и в логике превращения героя в антигероя. Но доминанция той или иной системы оценок будет определяться совокупностью факторов, включая государственную историческую политику, общественные запросы на ассоциативные образы прошлого и актуальные вызовы.

Поступила в редакцию / Submitted: 10.02.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 15.04.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 05.06.2022

³⁸ Седов П.В. 1) «В соборе и у владыки был в венгерском платье» (перемены в одежде новгородцев в конце XVII – начале XVIII в.) // Новгородика-2012. У истоков российской государственности. Материалы IV международной научной конференции. Великий Новгород, 2013. Ч. 1. С. 285–293; 2) Перемены в одежде правящих верхов России в конце XVII в. // Место России в Евразии. Будапешт, 2001. С. 172–181.

References

- Andreyev, A.R. *Istoriia ordena iezuitov. Iezuity v Rossiiskoi imperii. XVI – nachalo XIX veka*. Moscow: Russkaia panorama Publ., 1998 (in Russian).
- Anisimov, Ye.A. *Petr Pervyi: blago ili zlo dlia Rossii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019 (in Russian).
- Anisimov, Ye.V. *Derzhava i topor: tsarskaia vlast', politicheskii sysk i russkoe obshchestvo v XVIII veke*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019 (in Russian).
- Babkin, M.A. “Church Authorities of Russian and Byzantium Orthodox Emperors.” *Vestnik Arkhivista – Herald of an Archivist*, no. 4 (2013): 130–139 (in Russian).
- Berdnikov, L.I. *Vseshuteyshii sobor. Smekhovaia kul'tura tsarskoi Rossii*. Moscow: AST Publ., 2019 (in Russian).
- Bogdanov, A.P. “Gravyura kak istochnik po istorii politicheskoi bor'by v Rossii v period regentstva Sof'i Alekseevny (voprosy proiskhozhdeniia).” In *Materialy XV Vsesoyuznoi nauchnoi studentcheskoi konferentsii «Student i nauchno-tekhnicheskii progress». Serii «Istoriia»*, 39–48. Novosibirsk: [S.n.], 1977 (in Russian).
- Brodell, F. *Vremia mira*. Vol. 3 of *Material'naia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv*. Moscow: Ves' mir Publ., 2007 (in Russian).
- Brovtsseva, N.L. “Istoricheskoe soznanie kak predmet istoricheskogo poznaniia.” PhD diss., Vyatka State University, 2003 (in Russian).
- Chernikova, T.V. “Paradoxes of Europeanization by Peter the Great.” *Novaya i Novejshaya Istoriya*, no. 5 (2018): 3–22 (in Russian).
- Derlug'yan, G. “Evolutsiia Rossiiskogo gosudarstva v mirosistemnoi perspektive, 1000–2010 gg. n.e.” In *Russkie chteniia*. Issue 1, 38–57. Moscow: Institut obshchestvennogo proektirovaniia Publ., 2006 (in Russian).
- Drobina, M.G. “Pravovoe polozhenie russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v period provedeniia tserkovnoi reformy Petra I.” PhD diss., Kuban State Agrarian University, 2005.
- Drobot, G.A. “Realizm v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: istoriia, zarubezhnaia i otechestvennaia shkoly.” *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, no. 4 (2014): 182–203 (in Russian).
- Evdokimov, A. “Pervyi bol'shevik. Pochemu Potr I vinovat v gibeli imperii i Nikolaya II.” *Life*, Accessed January 28, 2022 <https://life.ru/p/986304> (in Russian).
- Fefelova, O.A. “Malorossiiskoe vliianie na velikorusskuyu tserkovnuyu zhizn' K.V. Kharlampovicha i istoriia Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Sibiri v XVIII veke.” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 11 (2011): 69–73 (in Russian).
- Fursov, A.I. “Shkola mir-sistemnogo analiza (osnovnye polozheniia kontseptsii I. Vallerstaina).” *Vostok*, no. 1 (1992): 19–38 (in Russian).
- Gizatova, G.K., and Ivanova, O.G. “Istoricheskii diskurs i natsional'nye narrativy.” In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanit. Nauki* 161, bk. 5–6 (2019): 166–173 (in Russian).
- Gobozov, I.A. “Filosofsko-istoricheskoe osmyslenie reform Petra I i ikh posledstviu.” *Filosofii i obshchestvo*, no. 2 (2019): 40–61 (in Russian).
- Golikov, I.I. *Deianiya Petra Velikogo, mudrogo preobrazitelia Rossii*, 15 vols. Moscow: Tip. Nikolaya Stepanova Press, 1837–1843 (in Russian).
- Hughes, L. *Sophia, Regent of Russia 1657–1704*. New Haven; London: Yale University Press, 1991.
- Ignatkin, O.B. “Idei politicheskogo realizma v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniakh.” *Vestnik RGGU. Ser.: Politologiya. Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*, no. 21 (2013): 74–82 (in Russian).
- Il'in, V.I. “Struktura istoricheskoi kolei Rossii: problemy metodologii.” *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* 26, no. 4 (2017): 30–50 (in Russian).
- Kagarlitskiy, B.Yu. *Periferiinaia imperiia: tsikly russkoi istorii*. Moscow: Algoritm Publ., 2009 (in Russian).
- Kamenskiy, A.B. *Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII v. Opyt tselostnogo analiza*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2019 (in Russian).
- Kamenskiy, A.B. *Rossiyskaia imperiia v XVIII v.: traditsii i modernizatsiia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999 (in Russian).
- Khakimov, G.A. “Rossiiskaia modernizatsiia v svete mir-sistemnykh kontseptsii.” *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3 (2009): 57–63 (in Russian).
- Kopelev, D.N. “‘Madagaskarskii korol' i sekretnaia ekspeditsiia Petra Velikogo 1723–1724 godov.” In *Vek Prosveshcheniia*, no. 5 (2015): 168–185 (in Russian).

- Korzo, M.A. "O protestantskikh vlianiyakh deistvitel'nykh i mnimyykh: pravoslavnye katekhizisy ot Stefana Zizaniia do Feofana Prokopovicha." *Vivlioeka: E-Journal of Eighteenth Century Russian Studies*, no. 5 (2017): 5–17.
- Krotov, P.A. *Gangutskaia bataliia 1714 goda*. St. Petersburg: Liki Rossii Publ., 1996 (in Russian).
- Krotov, P.A. *Osudareva doroga 1702 goda: Prolog osnovaniia Sankt-Peterburga*. St. Petersburg: Istoricheskaia illyustratsiia Publ., 2011 (in Russian).
- Kuruin, I.V. *Persidskii pokhod Petra Velikogo. Nizovoi korpus na beregakh Kaspiia (1722–1735)*. Moscow: Kvadriga Publ., 2019 (in Russian).
- Lavrov, A.S. "Vasilii Vasil'evich Golitsyn." *Voprosy Istorii*, no. 5 (1998): 61–72 (in Russian).
- Linchenko, A.A. "Moral'no-istoricheskii diskurs kak faktor dostizheniia sotsial'nogo soglasiya." *Sotsiodinamika*, no. 12 (2019): 29–39 (in Russian).
- Naumov, V.P. *Tsarevna Sofia*. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 2015 (in Russian).
- Nefedov, S.A. "Petr I: blesk i nishcheta modernizatsii." *Istoricheskaia psikhologiya i sotsiologiya istorii*, no. 1 (2011): 47–73 (in Russian).
- Nerutskova, O.Ye. "Otechestvennaia istoriografiia gosudarstvenno-pravovykh otnoshenii v Rossii XVIII veka." PhD diss., RUDN University, 2003 (in Russian).
- Ostretsov, V.M. *Masonstvo, kul'tura i russkaia istoriia. Istoriko-politicheskie ocherki*. Moscow: Shtrikhton Publ., 1998 (in Russian).
- Pavlenko, N.I. *Petr I*. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 2007 (in Russian).
- Pavlenko, N.I., Drozdova, O.Yu., and Kolkina, I. N. *Soratzniki Petra*. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 2001 (in Russian).
- Payps, R. *Rossia pri starom rezhime*. Moscow: Nezavistmaia gazeta Publ., 1993 (in Russian).
- Potashev, A.F. "Tabel' o rangakh Petra I v istorii Rossii." *Istorich., filosof., polit. i yurid. nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1-2 (2012): 153–157 (in Russian).
- Resnyanskiy, S.I. "Sinodal'nyy protestantizm Petra I i «Pomorskie otvety» staroobryadtsev." In *Rus'-Rossia: Vybor very. Istoriia i sovremennost'. Sb. materialov VII mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Dukhovnye osnovy russkoi kul'tury*, 34–42. Moscow: Nauka i Slovo Publ., 2011 (in Russian).
- Resnyanskiy, S.I. *Tserkovno-gosudarstvennaia reforma Petra I. Protestantaskaia model' ili vizantiyskoe preemstvo*. Moscow: YUNITI-DANA Publ., 2009 (in Russian).
- Sarkis'yan, I.I. "Doktrina modernizatsii: Rossiya ot Petra I do 'stalinskoy revolyutsii'." *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: Sotsiologiya i politologiya*, no. 3 (2014): 169–178 (in Russian).
- Sedov, P. V. *Zakat Moskovskogo tsarstva: Tsarskii dvor kontsa XVII veka*. St. Petersburg: Dmitriy Bulavin Publ., 2008 (in Russian).
- Sedov, P.V. "V sobore i u vладыki byl v vengerskom plat'e' (peremeny v odezhde novgorodtsev v kontse XVII – nachale XVIII v.)." In *Novgorodika-2012. U istokov rossiiskoi gosudarstvennosti. Materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Part 1, 285–293. Novgorod: Velikiy Novgorod Publ., 2013 (in Russian).
- Sedov, P.V. "Opis' garderoba boiarina kniazya Vasiliia Vasil'evicha Golitsyna." In *Rossiya XV–XVIII stoletiy: Sbornik nauchnykh statei. Yubileynoye izdanie (70-letiyu so dnia rozhdeniia professora R.G. Skrynnikova posviashchaetsia)*, 267–282. Volgograd: VolGU Press, 2001 (in Russian).
- Sedov, P.V. "Peremeny v odezhde praviashchikh verkhov Rossii v kontse XVII v." In *Mesto Rossii v Evrazii*, 172–181. Budapesht: [S.n.], 2001 (in Russian).
- Semevskiy, M.I. "Samuil Vymorkov, propovednik iavleniia Antikhrista v 1722–1725 gg." In *Slovo i delo. 1700–1725*, 125–184. St. Petersburg: [S.n.], 1884 (in Russian).
- Shemyakina, O.D. "Tsvivilizatsionnyi podkhod k istorii Rossii kak fakt istoriografii i metod poznaniia." PhD diss., Lomonosov Moscow State University, 2011 (in Russian).
- Shevyrin, V.M., ed. *Istoriia Rossii v sovremennoi zarubezhnoi nauke*. Moscow: INION Publ., 2010 (in Russian).
- Sokolova, Ye.S. "Samsoderzhavnyi ideal v nadsoslovnykh strategiakh Miloslavskikh i Naryshkinykh: k voprosu o reprezentativnoi sushchnosti nekotorykh normotvorcheskikh initsiativ kontsa XVII v." *Genesis: istoricheskie issledovaniia*, no. 2 (2017): 55–84 (in Russian).
- Tikhomirov, F.A. "Ideia absolyutizma Boga i protestantskii skholastitsizm v bogoslovii Feofana Prokopovicha." In *Khristianskoe chtenie*, no. 9-10 (1884): 315–326 (in Russian).
- Vallerstayn, I. "Miro-sistemnyi analiz." *Vremia mira. Al'manakh sovremennykh issledovaniy po teoreticheskoi istorii, makrosotsiologii, geopolitike, analizu mirovykh sistem i tsivilizatsii*, no. 1 (1998): 105–123 (in Russian).

- Vallerstayn, I. “Rossiia i kapitalisticheskaia mir-ekonomika.” *Svobodnaia mysl'*, no. 5 (1996): 30–42 (in Russian).
- Vodarskiy, Ya. Ye. “Petr I.” *Voprosy Istorii*, no. 6 (1993): 59–78 (in Russian).
- Volkova, I.V. “Voенное stroitel'stvo Petra I i peremeny v sisteme sotsial'nykh otnoshenii v Rossii.” *Voprosy Istorii*, no. 3 (2006): 35–50 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Вардан Эрнестович Багдасарян, д-р истор. наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет; 105005, Россия, Москва, ул. Радио, д. 10А; vardanb@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4895-5108>

Vardan E. Bagdasaryan, Dr. habil. hist., Professor, Dean of History, Political Science and Law Faculty, Head of the Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University; 10A, Radio St., Moscow, 105005, Russia; vardanb@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4895-5108>

Сергей Иванович Реснянский, д-р истор. наук, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет; 105005, Россия, Москва, ул. Радио, д. 10А; профессор кафедры истории России, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; s-r44@yandex.ru

Sergey I. Resnianskiy, Dr. habil. hist., Professor of the Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University, 10A, Radio St., Moscow, 105005, Russia; Professor of the Russian History Department, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia; s-r44@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-363-375>

Научная статья / Research article

Новый взгляд на инструкцию Петра I Витусу Берингу 1725 г. в контексте борьбы за колонии на севере Тихого океана

Александр Юрьевич Петров ^{a,b} , Алексей Николаевич Ермолаев ^{c,d}

^a Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

^b Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

^c Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

^d Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия

 alaska13@yandex.ru

Аннотация: Проанализирована собственноручная инструкция Петра I руководителю Первой Камчатской экспедиции Витусу Берингу, написанная императором 6 января 1725 г. Несмотря на широкую известность, данный документ до сих пор является недостаточно изученным и трактуется отечественными и зарубежными историками по-разному. Причина заключается в том, что инструкция является сложно понимаемой, содержит нестыковки и непонятные и противоречивые места. Представлен новый подход к пониманию смысла инструкции. В целях всестороннего и максимально объективного анализа авторы провели историографическое исследование, выявили основные точки зрения историков и охарактеризовали их. Основной упор был сделан на концепциях, в которых рассматривался аспект борьбы за колонии на севере Тихого океана. После этого был проведен текстологический анализ. Для формирования максимально объективной оценки инструкции были определены трактовки данного документа самими участниками событий (Витусом Берингом, Алексеем Чириковым, Мартиным Шпанбергом, Адмиралтейств-коллегии и Сенатом) и др. Сделан вывод о том, что инструкция Петра I представляла собой настоящую программу действий России на Северном Ледовитом и Тихом океанах, нацеленную на десятилетия вперед. Она дала мощный толчок в изучении дальневосточных рубежей страны, способствовала укреплению влияния России в этом регионе, привела к открытию Америки со стороны Азии и возникновению русских колоний в Новом Свете. В инструкции также была заложена идея открытия плаваний по Северному морскому пути и развития морской торговли. В период своего максимального могущества, которого Россия достигла в первой четверти XIX в., владения империи простирались на всю северную часть Тихого океана. Россия претендовала на колонии в Калифорнии и на Гавайских островах, пыталась открыть морскую торговлю с Китаем и Японией. Все эти успехи были достигнуты благодаря тому вектору движения, который задала стране инструкция Петра I.

Ключевые слова: открытие Америки, колонии, история севера Тихого океана, Сибирь, экспедиции, Петр Великий

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00043, <https://rscf.ru/project/22-18-00043/> в Институте всеобщей истории РАН.

Для цитирования: Петров А.Ю., Ермолаев А.Н. Новый взгляд на инструкцию Петра I Витусу Берингу 1725 г. в контексте борьбы за колонии на севере Тихого океана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 363–375. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-363-375>

New View of Peter the Great's Instructions to Vitus Bering in 1725 in the Context of Struggle for Colonies in the North Pacific

Aleksandr Yu. Petrov ^{a,b} , Alexey N. Ermolaev ^{c,d}

^a Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

^c Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

^d The Federal Research Center of Coal and Coal-Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo, Russia

 alaska13@yandex.ru

Abstract: The study is devoted to the detailed analysis of Peter the Great's handwritten instruction to the head of the First Kamchatka Expedition Vitus Bering dated January 6, 1725. Despite its wide popularity, this document is still understudied and interpreted by Russian and foreign historians in different ways. The reason is that the instruction seems hard to understand; it contains inconsistencies and incomprehensible points. For the purpose of a comprehensive and maximally objective analysis, the authors conducted a historiographic study, identified the main points of view of historians and characterized them. Afterwards, a textual analysis was carried out. In order to make the most objective assessment of the instructions, the interpretations of this document were determined by the participants in the events (Vitus Bering, Alexei Chirikov, Martin Shpanberg, the Admiralty Board and the Senate). It was concluded that the instruction of Peter I was a real program of Russia's actions in the Arctic and Pacific oceans, aimed at decades ahead. It gave a powerful impetus to the study of the country's Far Eastern borders, contributed to the strengthening of Russia's influence in this region, led to the discovery of America from Asia, and the emergence of Russian colonies in the New World. The instructions also included the idea of opening navigation along the northern sea route and the development of sea trade. During the period of its maximum power, which Russia reached in the first quarter of the 19th century, the empire's possessions extended over the entire northern part of the Pacific Ocean. Russia claimed a part of California and the Hawaiian Islands, tried to open sea trade with China and Japan. All these successes were achieved thanks to the vector of movement that the instructions of Peter I set to the country.

Keywords: discovery of America, colonies, history of the North Pacific, Siberia, Expeditions, Peter the Great

Acknowledgements and Funding: The study was supported by a grant of the Russian Science Foundation № 22-18-00043, <https://rscf.ru/project/22-18-00043/> in the Institute of World History of the RAS.

For citation: Petrov, A.Yu., and Ermolaev, A.N. "New View of Peter the Great's Instructions to Vitus Bering in 1725 in the Context of Struggle for Colonies in the North Pacific." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 3 (August 2022): 363–375. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-363-375>

Введение

В 2022 г. исполняется 350 лет со дня рождения Петра I. Эпоха первого российского императора до сих пор актуальна по многим направлениям. Для авторов статьи одним из таких направлений стало изучение идей Петра I по развитию Российской империи на востоке страны и борьбе за колонии на севере Тихого океана. Для нас стоит задача раскрыть значение Первой Камчатской экспедиции в контексте борьбы европейских держав за территории на севере Тихого океана. Изучение вопроса о направлениях, особенностях развития и результатах политики Петровской эпохи, направленной на открытие и закрепление за Россией новых территорий в АТР представляется темой другого исследования.

6 января 1725 г. император Петр I написал собственноручную инструкцию В. Берингу, в которой сформулированы цели и задачи Первой Камчатской экспедиции. Подлинный текст этого документа до сих пор не найден. По предположению американского историка Х. Бэнкрофта, к составлению инструкции мог быть причастен один из ближайших сподвижников царя – Петр Матвеевич Апраксин¹. Текст

¹ Bancroft H. *History of Alaska. 1730–1885*. San Francisco, 1886. P. 35–37, 44–45.

инструкции был воспроизведен В. Берингом в его отчетах и рапортах. Позднее он был опубликован в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ). В виду особой важности документа приведем текст инструкции полностью:

1. Надлежит на Камчатке, или в другом там месте, сделать один или два бота с палубами.
2. На оных ботах² возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.
3. И для того искать, где она сошлась с Америкой, и чтоб доехать до какого города европейских владений; или ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него, как оной <...>³ называют, и взять на письме, и самим побывать на берегу, и взять подлинную ведомость, и, поставя на карту, приезжать сюды⁴.

Сложность в понимании инструкции породила в историографии различные точки зрения вокруг того, как трактовать инструкцию Петра Первого. Представляется, что давно назрела необходимость разобраться в позициях авторов. В этой связи попытаемся выделить основные, на наш взгляд, точки зрения, сформировавшиеся в исторической литературе за два с половиной столетия, дать им характеристику и привести собственную интерпретацию документа⁵.

Основные точки зрения в исторической литературе

Думается, что одним из первых трактовку инструкции Петра I дал Г.Ф. Миллер. В конце 1730-х гг. на основе документов якутского архива он написал сочинение под названием «Известие о северном морском ходе», которое было опубликовано в 1742 г. в «Примечаниях к Санкт-Петербургским ведомостям». Описывая плавание Федота Амосова, Миллер отметил:

Известно есть, что прежде того никогда подлинно не знали, не соединилась ли в сем месте Азия с Америкой, которое сомнение и к первому отправлению господина капитан-командора Беринга в Камчатку причину подало⁶.

Позднее Г.Ф. Миллер заявил, что «поводом к сей экспедиции было желание императора Петра I узнать, соединяется ли Америка с Азией»⁷.

В 1730-х гг. обер-секретарь Сената Иван Кириллович Кирилов указал, что идею отправки экспедиции высказала Французская академия наук, а Петр I распорядился реализовать этот замысел⁸. Таким образом, уже в 1730-х гг. сформировалась основная версия трактовки инструкции, суть которой сводилась к тому, что Петр I намеревался решить вопрос о том, соединяется ли Азия с Америкой, при этом он предполагал возможный конфликт с европейскими державами из-за новых тер-

² В тексте инструкции, опубликованном в ПСЗРИ, слово, подходящее, казалось бы, по смыслу – «плыть» отсутствует. Во всех последующих публикациях данной инструкции оно вставлено по смыслу.

³ В публикации ПСЗРИ слово «куст» (берег) отсутствует, вместо него проставлено многоточие (...). По всей видимости, составители ПСЗРИ не смогли его прочесть. Вставка «куст» – более позднего времени.

⁴ ПСЗРИ. Соб. 1-е. Т. VII. № 4649. С. 413; В ПСЗРИ инструкция датирована 5 февраля 1725 г. На самом деле Петр I написал ее 6 января, а 5 февраля уже после смерти императора ее получил Беринг. Подробнее см.: Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. Сборник документов. М., 1984. С. 35–36, 285.

⁵ Проанализировать или даже просто перечислить все публикации, в которых использована инструкция вряд ли возможно и уместно. Ограничимся теми, в которых, на наш взгляд, явно прослеживается обоснованная концепция того или иного автора в контексте тематики статьи.

⁶ Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1737–1738. Морские отряды. СПб., 2013. С. 86.

⁷ Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб. 1758. Т. VII. С. 387.

⁸ Проект Кирилова, 1730-е гг. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 199. Оп. 2. Порт. 512. Л. 1–1 об.

риторий. В XIX в. данную точку зрения поддерживали многие исследователи. Морской историограф В.Н. Берх поддержал Г.Ф. Миллера, пояснив, что подготовку экспедиции император поручил осуществить графу Ф.М. Апраксину⁹. Академик К.М. Бэр привел полный текст инструкции Петра I и сделал вывод:

В последние дни жизни своей [император], был виновником величайшего географического открытия, сделанного после Колумба, именно – открытия раздельности Старого и Нового Света¹⁰.

Еще один историк XIX в. – А.С. Полонский также не сомневался в том, что главной задачей экспедиции В. Беринга был поиск пролива, разделяющего Азию и Америку¹¹. Вряд ли о работах Полонского знал Х. Бэнкрофт, но его точка зрения похожа. Американский исследователь писал, что целью плавания было желание Петра Первого знать, соединяются ли Азия с Америкой. Бэнкрофт, хорошо знавший историю Калифорнии, полагал, что Испания всегда стремилась к закреплению за собой новых территорий¹².

В конце XIX в. В.В. Вахтин подтвердил позицию Кириллова:

Поводом к отправлению экспедиции Беринга было желание Парижской академии узнать, соединяется ли Америка с Азией. Академия обратилась к императору Петру Великому, как к своему сочлену, с просьбою, чтобы его величество приказал исследовать эту географическую задачу¹³.

В советское время трактовка событий Кирилова была поддержана многими историками. Так, Л.С. Берг представил описание плавания Беринга в рамках утвердившейся концепции поиска пролива между Азией и Америкой. В своей книге он полностью привел инструкцию Петра I, отметив при этом:

план экспедиции был таков: через Сибирь сухопутьем, в Охотск, отсюда на судах в Камчатку и далее морем проведывать, соединяется ли Азия с Америкой¹⁴.

Схожая точка зрения была высказана в одной из первых классических фундаментальных работ, изданных на английском языке, автором которой являлся П. Лауридсен. Правда, сам ученый употребил термин «граница» (boundary), которая формировалась путем военной и дипломатической активности европейских держав¹⁵.

Важнейшим событием в истории советской историографии и археографии стала публикация обширного сборника документов, посвященного плаваниям Беринга. А.А. Покровский, подготовивший этот труд к печати, рассматривал Первую и Вторую Камчатскую экспедиции как единое целое. При этом плавание 1728 г. он называл «малой экспедицией», а плавание 1741 г. – «большой экспедицией». По мнению А.А. Покровского, истинной целью всех экспедиций Беринга, инициированных Петром I, был коммерческий интерес. Проанализировав документы 1725 г., историк пришел к выводу, что царь имел намерение открыть торговлю с Испанией и ее колониями в Новом Свете:

⁹ *Берх В.Н.* Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны, с присокуплением обозрения физических свойств того края. СПб., 1821. Ч. 1. С. 110.

¹⁰ *Бэр К.М.* Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний // Записки Русского Географического общества. СПб., 1849. Кн. 3. С. 237.

¹¹ *Полонский А.С.* Первая Камчатская экспедиция Беринга 1725–1729 гг. // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. 1850. Ч. VIII. С. 535.

¹² *Bancroft H.* History of Alaska... P. 21–53.

¹³ *Вахтин В.В.* Русские труженики моря. Первая морская экспедиция Беринга для решения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой // Камчатский летописец. Вып. 4. Петропавловск-Камчатский, 2015. С. 7.

¹⁴ *Берг Л.С.* Открытие Камчатки и экспедиция Беринга, 1725–1742 гг. Л., 1935. С. 98–99.

¹⁵ *Lauridsen P.* Vitus Bering: the discoverer of Bering Strait. Chicago, S.C. Griggs & Company, 1889. P. 12–15.

Ни в наказе самого Петра Берингу, ни в инструкциях гр. Апраксина прямо не упоминается о необходимости завязать торговые сношения с вновь открытыми землями; но о том, что одной из главных побудительных причин, вызвавших к жизни первую экспедицию Беринга, было именно желание проложить новые торговые пути, говорит как выше приведенный проект о торговле с Испанией, так и личность самого руководителя первой Камчатской экспедиции¹⁶.

Покровский заявил, что одновременно должны были пройти две экспедиции, запланированные Петром I: одна – в саму Испанию под командованием капитана И. Кошелева, вторая – в испанские колонии под руководством В. Беринга.

Трактовка инструкции А.А. Покровским привела к появлению новой версии. Ее суть заключалась в том, что царь ставил перед экспедицией коммерческие цели, хотя предполагал столкновение держав на новых территориях. Первым приверженцем такой трактовки стал А.И. Андреев¹⁷. Вскоре с мнением Покровского и Андреева согласились Д.М. Лебедев и А.В. Ефимов. Последний писал:

Первой экспедицией не только была доказана раздельность Азиатского и Американского континентов, но и по ряду признаков – например, найденное в воде дерево у Карагинского острова, каких нет в Азии и на островах Диомиды – была установлена близость (относительная, разумеется) Большой земли, Америки¹⁸.

Подробный анализ инструкции Петра I дал В.И. Греков. По его мнению,

экспедиции не поручалось разрешение географической проблемы о соединении или несоединении материков. Она должна была разрешить вопросы, имеющие государственное значение: разведать путь в Америку, примыкающую к Азии и выяснить, кто является ближайшим соседом России на этом материке¹⁹.

Наиболее обстоятельно изучал инструкцию Петра I Б.П. Полевой, который основывал свои выводы на изучении картографии XVII – начала XVIII в. Полевой доказывал, что перед написанием инструкции Петр I изучил немало различных картографических материалов, в том числе карту И.Б. Гомана, на которой напротив Камчатки изображена неизвестная большая земля, названная Иоанн де Гамма. Полевой установил, что отдельные листы карты с изображением Дальнего Востока были привезены в Россию в 1722 г. и о карте знали Петр I и Беринг, который имел у себя один экземпляр и передал его 8 мая 1726 г. С.В. Рагузинскому²⁰. По мнению Б.П. Полевого, главной стратегической целью экспедиции Беринга Петр I считал открытие новых земель, которые Россия могла бы присоединить к своим владениям. Полевой писал, что российскому императору

политически было важно, чтобы русские стали первооткрывателями этих берегов, ибо это дало бы России право на первоосвоение этих земель²¹.

Представленная Полевым интерпретация инструкции должна была соответствовать версии, предложенной калифорнийским историком Р. Фишером. Именно на него и

¹⁶ Покровский А. А. Беринг и его экспедиция (1725–1743 гг.) // Экспедиция Беринга: сборник документов / подготовил к печати А. А. Покровский. М., 1941. С. 25.

¹⁷ Андреев А.И. Экспедиция В. Беринга // Известия Всесоюзного Географического общества. 1943. Т. 75. Вып. 2. С. 31.

¹⁸ Лебедев Д.М. География в России петровского времени. М. – Л., 1950. С. 94–95; Ефимов А.В. Из истории Великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII-й – первая половина XVIII в. М., 1950. С. 163, 164.

¹⁹ Греков В.И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960. С. 20–21.

²⁰ Полевой Б. П. Главная задача Первой Камчатской экспедиции по замыслу Петра I (о новой интерпретации инструкции Витусу Берингу 1725 года) // Вопросы географии Камчатки. 1964. Вып. 2. С. 89–90.

²¹ Там же. С. 93.

ссылается Полевой в своей работе и диссертации. Между тем при внимательном прочтении монографии Фишера можно сделать вывод, что сам американский историк в результате изучения всех обстоятельств больше склонился к той идее, что в задачи экспедиции входил поиск перешейка (land bridge) между Азией и Америкой. Фишер отмечал, что европейские страны также стремились утвердить свое влияние на новых территориях²². В начале 1970-х гг. версию Полевого развил В.А. Дивин, который писал:

Заслуга Петра I заключается в том, что он смотрел вперед, видел стремление западных держав распространить господство на всю северную часть Тихого океана. И это, несомненно, оказывало влияние не только на содержание и характер программ плавания Беринга, но и на задачи, поставленные перед всеми последующими экспедициями XVIII века²³.

Дивин считал, что главная задача экспедиции состояла в том, чтобы открыть новые земли и закрепить их за Россией, даже если это закрепление приведет к столкновениям с европейскими державами, имевшими колонии в Новом Свете. По его мнению, Россия могла включиться в процесс колонизации Северной Америки, используя право первооткрытия новых территорий.

Еще один советский исследователь Е.Г. Кушнарев посвятил анализу инструкции Петра I целый параграф своей монографии. Кушнарев писал, что целью экспедиции было исследование Азиатского побережья севернее Камчатки и поиск места, где Азия «сходится» с Америкой». Правда, Кушнарев сделал существенную оговорку. Он считал, что Первая Камчатская экспедиция была лишь частью более глобального проекта – открытия северного морского пути. Этот путь предполагал возможность пройти по Северному Ледовитому океану и попасть из Атлантического океана в Тихий²⁴. Своеобразным повторением позиции Миллера стала точка зрения известного исследователя Русской Америки и Дальнего Востока В.М. Пасецкого, который в историко-биографическом описании жизни и деятельности В. Беринга сделал такой вывод:

Цель задуманного предприятия состояла в том, чтобы обследовать простирающиеся на север восточных берегов Азии и выяснить, не соединяется ли она с берегами Америки, так как в то время некоторые из географов считали, что оба континента соединены перешейком²⁵.

Похожую точку зрения высказывает канадский ученый Дж. Гибсон. Правда, он считает, что, следуя на северную широту 67° 18', Беринг преследовал цель открытия новых островов, в том числе Святого Лаврентия и Диомида. При этом он полагал, что основной проблемой соперничества держав станет доставка продовольствия на Аляску²⁶.

В 1980-е гг. в историографии вопроса наметилась тенденция объединения различных подходов в понимании инструкции Петра I. В результате появляется комбинированная версия, которая предполагала, что Беринг решал сразу несколько важнейших задач. Например, А.А. Сопочко писал, что экспедицию следует расценивать как научное и государственное мероприятие, имевшее целью поиск путей в Америку и Японию и составление точных географических карт²⁷.

²² *Fisher R. Bering's Voyages: Whither and Why. Seattle and London: University of Washington Press, 1977.*

²³ *Дивин В. А. Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке. М., 1971. С. 45–46.*

²⁴ *Кушнарев Е. Г. В поисках пролива. Первая Камчатская экспедиция. 1725–1730 гг. Л., 1976. С. 8–9.*

²⁵ *Пасецкий В. М. Витус Беринг. 1681–1741. М., 1982. С. 16.*

²⁶ *Gibson J. Vitus Bering (1681–1741) // Arctic. 1981. Vol. 35. № 3. P. 438; Gibson J. Feeding the Russian fur trade: provisioning of the Okhotsk seaboard and the Kamchatka Peninsula, 1639–1856. Madison, 1969. P. 85–100.*

²⁷ *Сопочко А. А. История плавания В. Беринга на боте «Св. Гавриил» в Северный Ледовитый океан. М., 1983. С. 11.*

Определенные итоги изучения инструкции Петра I Витусу Берингу были подведены в трехтомном сборнике документов, опубликованном в США Орегонским историческим обществом, где во втором томе Б. Дмитришин предлагает в трактовке четко следовать тексту инструкции, а причину отправки экспедиции видит в том, что Петр I был лишь частично удовлетворен результатами экспедиции Евреинова и Лужина²⁸. В представленных в сборнике документах имеются сведения об истоках противостояния держав на севере Тихого океана.

На русском языке обобщение было сделано в трехтомной «Истории Русской Америки», вышедшей в конце 1990-х гг. Руководитель авторского коллектива академик Н.Н. Болховитинов подробно остановился на версии Б.П. Полевого. Он признал, что несмотря на тот факт, что Полевой сумел объяснить нестыковки в инструкции, его «версия остается лишь гипотезой». Болховитинов обратил внимание на то, что на карте Гомана кроме большой земли, расположенной вблизи Камчатки, нарисована еще одна земля вблизи Чукотки. Поэтому Беринг отправился на север, чтобы плыть вдоль той, неизвестной земли. Кроме того, Петр I не писал о том, что нужно дойти до «гишпанских» колоний, он указывал на «европейские» владения. При выборе северного направления у Беринга оставалась хотя и чисто теоретическая, но все же возможность дойти до британских или французских владений в Северной Америке. В этом случае возможны как мирное взаимодействие, так и противостояние держав на Тихом океане. Н.Н. Болховитинов подтверждает мысль Г. Барратта о том, что приоритет в зоне влияния за пространство между Камчаткой и Америкой, начиная с экспедиции Беринга стал принадлежать России²⁹.

Казалось, что эта аргументация приведет к консенсусу среди исследователей, но ситуация стала развиваться иначе, чем ожидалось. После выхода в свет первого тома «Истории Русской Америки» Б.П. Полевой, который был членом авторского коллектива, в специальном докладе на международной конференции, посвященной 200-летию образования Российско-американской компании, выступил с критикой концепции Н.Н. Болховитинова и подтвердил свою идею о том, что Петр I пользовался картой Гомана и под неизвестной землей имел в виду землю Иоанна де Гамма³⁰.

При этом в зарубежной историографии в конце XX – начале XXI в. стала достаточно популярной точка зрения, развиваемая О. Фростом и К. Урнесс, которые косвенно отмечали борьбу русской и западноевропейских географических школ и пришли к выводу, что нанесение на точные географические карты восточных оконечностей Российской империи и было главной целью экспедиции³¹. Некоторые из зарубежных авторов также рассматривают открытие Беринга в контексте общих географических исследований севера Тихого океана, в том числе Ванкувера и Кука, стремившихся утвердить английские колонии на новых территориях³². В новейшей статье датского исследователя К. Кристенсена предпринята попытка разобраться с различными концепциями трактовки инструкции. В первую очередь, им были рас-

²⁸ To Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Eastward Expansion. A Documentary Record / ed., trans. by B. Dmytryshyn, E.A.P. Crownhart-Vaughan, Th. Vaughan. Portland, 1988. Vol. 2. P. XXXV–XXXVII.

²⁹ Болховитинов Н. Н. Открытие Россией северо-запада Америки (1732–1741) // История Русской Америки. М., 1997. Т. 1. С. 55–68; Barratt G. Russia in Pacific Waters, 1715–1825: A Survey of the Origins of Russia's Naval Presence in the North and South Pacific. Carleton University Press, 1981. P. 39–41.

³⁰ Полевой Б. П. Основание Русской Америки – идея Петра Великого // Русская Америка. 1799–1867. Материалы международной конференции «К 200-летию образования Российско-американской компании. 1799–1999». Москва, 6–10 сентября 1999 г. М., 1999. С. 100.

³¹ Urness C. The First Kamchatka Expedition in Focus // Under Vitus Bering's Command. Århus, 2003. P. 17–31; Frost O. Bering. The Russian Discovery of America. New Haven & London, 2003. P. 38–41.

³² Wood P., Hayes D. Vancouver, Historical Atlas of British Columbia and the Pacific Northwest: Maps of Exploration. Vancouver, 1999. P. 93–94.

смотрены работы на английском языке. Ученый пришел к выводу, что приоритетный географический фактор в ходе экспедиции должен был наполняться коммерческим содержанием³³.

Анализ историографии показывает, что в научной среде продолжают дискуссии по вопросам трактовки смысла инструкции Петра Первого.

Собственная интерпретация документа

Далее мы попытаемся представить свою интерпретацию изучаемого документа. Для этого сначала обратимся к событиям 1724 г. Первые документальные сведения об организации Камчатской экспедиции относятся к концу 1724 г. Известно, что Петр I дал указ Адмиралтейств-коллегии о «посылке Сибирской» экспедиции. Подлинник этого указа не сохранился. 23 декабря Адмиралтейств-коллегия дала ответ на него, составленный в виде таблицы. В левой колонке были помещены пункты указа Петра I, а в правой – комментарии и рекомендации Адмиралтейств-коллегии. С этим документом потом работал сам император. Напротив некоторых пунктов он сделал собственноручные примечания и пояснения.

Петр I потребовал:

Сыскать геодезистов, тех, которые были в Сибири и приехали», то есть вернулись обратно; 2) Сыскать ис порутчиков или ис подпорутчиков морских достойного, кого с ними послать в Сибирь на Камчатку; 3) Сыскать ис учеников или ис подмастерьев, которой бы мог тамо сделать с палубою бот по здешнему примеру, какие есть при больших кораблях. И для того с ним отправить плотников 4, с их инструментами, которые б моложе были, и одного квартирмейстера и 8 человек матрозов; 4) И по той препорции отпустить отсюда в полтора парусов, блоков, шшив, веревок и протчаго и 4 фальконета с надлежащею амунициею, и одного или 2 парусных швецов; 5) Ежели таких штурманов во флоте не сыщется, то немедленно писать в Галандию, чтоб прислали двух человек, знающих море, к северу до Японии, и чтоб оные присланы были чрез ардинарную почту³⁴.

Из текста указа видно, что Петр I пока только приказал готовить материальную часть экспедиции и требовал подыскать мореходов для нее. Он не исключал, что в качестве руководителя экспедиции могут быть иностранцы, главное, чтобы они знали северные моря. Район будущего плавания указан не вполне точно, но довольно определенно – «море к северу до Японии».

Из воспоминаний А.К. Нартова можно узнать некоторые подробности написания этой инструкции. Сподвижник царя, изобретатель и механик являлся свидетелем многих начинаний Петра I. Вот что вспоминал Нартов:

В начале января 1725 года <...> [Петр Великий] сочинил и написал собственною рукою наказ Камчатской экспедиции, которая долженствовала проведывать и отыскивать мореходством того, не соединяется ли Азия к северо-востоку с Америкою, отдал оный наказ генерал-адмиралу Апраксину <...> Призванному к себе генерал-адмиралу, говорил следующее: «Худое здоровье заставило меня сидеть дома; я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно, и что другие дела предприять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенной путь, называемый Аниан, назначен не напрасно. В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Ограда отечество безопасно от неприятеля, надлежит стараться находить славу государства чрез искусства и науки»³⁵.

Текст инструкции требует внимательного прочтения, сложен для понимания и вызывает вопросы. Попробуем обозначить все спорные места этого документа.

³³ Christensen C. The search for the Northeast Passage: the first and the second Kamchatka expeditions in the years 1725–1743 // *Studia Humanitatis*, 2019. № 3. P. 1.

³⁴ Указ «о посылке Сибирской», 23 декабря 1724 г. // Российский государств архив военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 223. Оп. 1. Д. 29. Л. 110, 110 об., 111 (левая колонка).

³⁵ Нартов А. К. Рассказы Нартова о Петре Великом. 1891. С. 98–99.

Что касается первого пункта, то понятно, что от Беринга требовалось построить один или два бота на Камчатке или в каком-либо другом месте.

Второй пункт инструкции уже содержит два вопроса. Во-первых, возникает вопрос о точном направлении движения – куда нужно было плыть (идти) на ботах? Есть только один ориентир – «возле земли, которая идет на норд». Вероятно, эта загадочная земля растянута с юга на север. Поэтому, данная формулировка предполагает как минимум два направления: плыть вдоль этой земли на север либо идти вдоль этой же земли на юг. Но прежде чем отправиться на север или на юг, необходимо найти эту землю, чтобы оказаться «возле» нее. А она может быть только на востоке от Камчатки. Таким образом, восточное направление маршрута также не исключается. Более того, оно, вероятно, должно быть первоочередным. Только после нахождения земли нужно было избрать направление движения на юг или на север вдоль этой земли.

Во-вторых, затруднительно определить – о какой именно земле идет речь. В инструкции есть две подсказки: 1) «понеже оной конца не знают», то есть она не изучена, не известна, не исследована; 2) «кажется, что та земля часть Америки», то есть предположительно эта земля есть Америка. Но утверждение это неточное. Не случайно использовано слово «кажется». Поэтому, возможно, что эта земля может быть островом или полуостровом. Единственное, что можно сказать достоверно, что эта земля не является Камчаткой, не относится к Сибири, так как она противопоставлена Азиатскому материку.

Третий пункт инструкции содержит как очевидные требования, так и имеющие различное толкование. К очевидным можно отнести следующие положения: 1) найти место, где неизвестная земля (указанная во втором пункте инструкции) «сошлась» с Америкой; 2) необходимо добраться до европейских владений или повстречать европейский корабль, чтобы от него узнать о новых землях; 3) самостоятельно высадиться на те берега, которые удастся достигнуть, исследовать их, нанести на карту и т. д.; 4) вернуться назад в Санкт-Петербург. Сложно понимаемые требования, указанные в третьем пункте инструкции, как представляется, связаны с текстологической запутанностью документа: 1) требование найти место, где земля «сошлась» с Америкой можно трактовать двояко: это либо место соединения неизвестной земли с Американским материком сухопутным перешейком, либо место максимального сближения с ним. При этом возникает вопрос о наличии или отсутствии пролива между Америкой и этой неизвестной землей. Из инструкции непонятно: есть такой пролив или его нет; 2) не известно, каких именно европейских владений нужно достигнуть экспедиции. Если подразумевались владения Испании, то следовало плыть до западного побережья Америки и дойти до Калифорнии и Мексики. Если Петр I имел в виду владения Англии и Франции, то требовалось добраться до восточного побережья Американского материка, где имелись колонии указанных держав. В этом случае нужно было пройти через Северный Ледовитый океан вокруг Северной Америки. В этом случае Петр I предполагал, что в случае попытки закрепления представителями России на новых территориях возможна борьба за колонии между европейскими державами.

Согласно инструкции Беринг должен был построить 1 или 2 бота. Потом он должен был отправиться к земле, которая возможно является частью Америки. Направление плавания при этом не известно, мореплаватель мог избрать сразу три стороны света (север, юг и восток). Достигнув места максимального соединения неизвестной земли с Америкой или перешейка между ней и материком, он должен был найти европейские владения, высадиться на землю, изучить ее, нанести на карту и вернуться обратно.

Думается, что для понимания инструкции Петра I следует:

– во-первых, установить, какими сведениями он мог располагать относительно севера и северо-запада Тихого океана, особенно о наличии пролива между Азией и Америкой;

– во-вторых, выявить документы, в которых указано, как понимали инструкцию Петра I сами участники Первой Камчатской экспедиции, особенно В. Беринг, а также А. Чириков и М. Шпанберг;

– в-третьих, понять смысл целей и задач экспедиции, изучив мнение государственных деятелей того времени и органов государственной власти (Адмиралтейств-коллегии, Сената и др.), которые были причастны к экспедиции.

Что касается первого пункта, то авторы уже высказывались по этому поводу. На наш взгляд, Петр I знал о наличии пролива между Азией и Америкой. Сведения об этом он неоднократно получал от сибирских властей еще с конца XVII в. Так, например, тобольский воевода С.И. Салтыков информировал царя о наличии пролива, утверждая, что русские мореходы огибали по морю Ледяной мыс (Чукотку) несколько раз по направлению от устья р. Колымы до устья Анадыря и даже до Камчатки. В начале XVIII в. Петр I снабдил Н. Витсена документами, подтверждающими факт морского плавания вокруг Чукотки. Правда, не исключено, что царь сомневался в наличии пролива³⁶.

Для ответа на второй вопрос стоит обратиться к отчетным документам Беринга и его спутников. Маршрут плавания Беринг выбрал исходя для реализации поставленных Петром I задач, что соответствовало его понимаю царской инструкции. Вернувшись из экспедиции в Санкт-Петербург в марте 1730 г., он подал краткий отчет на имя императрицы Анны Иоанновны. В нем было сказано:

А 15 дня того ж августа пришли в ширину северную 67 градусов 18 минут, разсуждал, что по всему видимо и по данной инструкцы блаженныя и вечно достойныя памяти его императорского величества исполнено, понеже земля более к северу не простирается, а к Чюкоцкому или восточному углу земли никакой не пошло, и возвратился³⁷.

Из отчета видно, что Беринг установил отсутствие земли на севере и востоке от Чукотки, что и являлась в его понимании главной задачей экспедиции.

Мнение спутников Беринга о сущности инструкции Петра I можно узнать из материалов совещания офицеров, которое произошло 13–14 августа 1728 г. Как известно, достигнув высоких северных океанских широт, Беринг объявил царскую инструкцию и потребовал, чтобы офицеры представили свое письменное мнение. При отправлении в плавание на бот был погружен запас продуктов на 6 месяцев, в случае вынужденной зимовки их могло не хватить³⁸. А.И. Чириков предложил плыть на запад до устья реки Колымы. Только в этом случае можно было достоверно установить отсутствие перешейка между материками³⁹. Второй морской офицер М. Шпанберг предложил возвращаться на Камчатку⁴⁰. В феврале 1733 г. Чириков в бумагах, поданных в Адмиралтейств-коллегию, писал, что согласно инструкции Петра I необходимо было дойти

³⁶ Подробнее см.: *Петров А.Ю., Ермолаев А.Н., Коскина М.М.* Петр I и рост интереса России к освоению Тихого океана, 1711–1722 // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 267–268.

³⁷ Экспедиция Беринга. Сборник документов / Подготовил к печати А. А. Покровский. М., 1941. С. 64.

³⁸ Вахтенный журнал бота «Св. Гавриил», запись от 13 июля 1728 г. // РГА ВМФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.

³⁹ Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана в первой половине XVIII века: сборник документов. М., 1984. С. 85.

⁴⁰ Мнение М. Шпанберга, поданное В. Берингу, 14 августа 1728 г. // РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 87. Л. 227 об. – 228.

до испанского владения Мексиканской провинции (или от встречающегося корабля, уведомився, какой то кюст, возвратиться к Камчатским берегам)⁴¹.

Очевидно, что Чириков знал об испанских колониальных притязаниях и должен был выбрать свою тактику в зависимости от ситуации на местах. Теперь обратимся к мнению государственных органов. В октябре 1732 года в Адмиралтейств-коллегии подготовили рассуждения, касающиеся подготовки Второй Камчатской экспедиции. Относительно предыдущего плавания Беринга сказано:

Хотя по данной блаженныя и высокославныя памяти от Его Императорского Величества Петра Великого собственноручно капитану-командору Берингу инструкция в бытность его, Беринга, в той экспедиции было искание, где б Камчатская земля с Америкю сошлась, токмо как оной Беринг представляет, что по силе оной инструкции возле земли от Камчатки между севера и востока даже до ширины 67 градусов ходил, и как в сочиненной от него о том походе хартине показано, что до того места означенных градусов северной широты ко американским берегам сходства не имеетца⁴².

В данных рассуждениях Адмиралтейств-коллегия указала, что главной целью Первой Камчатской экспедиции был поиск места соединения Азии и Америки.

Выводы

Суммируя все вышесказанное, можно считать, что Петр I располагал данными о том, что как для западных, так и для отечественных картографов территории на северо-западе Тихого океана представлялись малоизученными, а то и вовсе неизвестными. На эти территории могли претендовать Испания, Франция и Англия. Император писал именно о европейских владениях, а не только и не столько об испанских, подразумевая тем самым колонии Англии и Франции. Поскольку владения этих государств находились на восточном побережье Северной Америки, значит, Петр I предполагал пройти морским путем вокруг континента, и это могло означать, что экспедиция должна была установить морское сообщение из Тихого в Атлантический океан. Нартов писал, что царь давно помышлял о поисках дороги через Ледовитое море в Китай и Индию.

Расплывчатая позиция представителей Адмиралтейств-коллегии, а также имеющиеся у Петра I карты из Западной Европы, подготовленные на основе более передовых математических и астрономических вычислений, создали питательную среду для сомнений русского императора в том, что между Азией и Америкой имеется пролив. Поэтому, посылая экспедицию Беринга, он ставил перед ней задачи поиска пролива между континентами, открытия Америки и определения пути к европейским колониям.

Беринг, его команда, а также царское правительство считали, что решать поставленные цели следует на севере, поэтому именно туда и отправилась Первая Камчатская экспедиция. Установив факт наличия пролива между материками, Беринг по результатам плавания лишь частично выполнил инструкцию Петра Первого и у него отсутствовали точные сведения об Америке со стороны России и данные о колониях европейских держав на севере Тихого океана. Поэтому, по возвращении в Санкт-Петербург, он предложил организовать новую, более масштабную экспедицию. Правительство выступило с поддержкой его инициативы. Так родилась идея Второй Камчатской экспедиции, один из отрядов которой смог решить главную задачу, которую поставил Петр I, – найти путь в Америку.

⁴¹ Экспедиция Беринга: сборник документов / подготовил к печати А.А. Покровский. М., 1941. С. 206.

⁴² Рассуждения Адмиралтейств-коллегии, 16 октября 1732 г. // РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Кн. 666. Л. 105.

Инструкция Петра I Берингу стала реальной программой деятельности российских государственных властей и частных лиц в северной части Тихого океана. Эта программа заложила основы борьбы за колонии на севере Тихого океана. В результате реализации данной программы интенсифицируется формирование тихоокеанского морского флота России; начинаются поиски морских путей из Азии в Америку; делаются попытки установления контактов с европейскими колониями в Америке. Все это способствовало присоединению к России новых территорий на американском континенте. В свою очередь это привело к распространению влияния Российской империи в северной части Тихого океана. Произошло становление и развитие российской идентичности от Камчатки до Аляски, что нашло свое отражение в быте и культуре автохтонов, креолов и русских.

Каждое из положений инструкции Петра I можно рассматривать как это отдельную задачу, а в совокупности – это направление политики России на Дальнем востоке и тихоокеанском севере. Петр Первый наметил алгоритм и вектор продвижения России на Тихом океане.

Инструкция Петра I привела к масштабным исследованиям России на океане, которые в свою очередь способствовали становлению русских колоний на Алеутских островах и Аляске. В ходе экспедиций были открыты и колонизированы Алеутские острова и часть Аляски. Благодаря основе, которая была заложена инструкцией Петра I, Россия приобрела конкурентные преимущество и сумела получить преимущество в борьбе за территории на севере Тихого океана. К 1820-м гг. во время своего максимального продвижения Россия имела поселения на Аляске, в Калифорнии и на Гавайских островах. Значительная часть территорий на севере Тихого океана была преобладающей зоной влияния Российской империи вплоть до 1867 г. – уступки Россией Аляски США. Все это стало реальным благодаря Петру I, который сумел заложить фундамент политики России на севере Тихого океана.

Поступила в редакцию / Submitted: 21.09.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 19.10.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.05.2022

References

- Andreev, A.I. “Ekspeditsiya V. Beringa.” *Izvestiya Vsesoyuznogo Geograficheskogo obshchestva*. 75, no. 2 (1943): 3–44 (in Russian).
- Ber, K.M. “Zaslugi Petra Velikogo po chasti rasprostraneniya geograficheskikh poznanii.” In *Zapiski Russkogo Geograficheskogo obshchestva*. Book 3, 217–253. St. Petersburg: Ministerstvo vnutrennikh del Press, 1849 (in Russian).
- Ber, K.M. “Zaslugi Petra Velikogo po chasti rasprostraneniya geograficheskikh poznanii.” In *Zapiski Russkogo Geograficheskogo obshchestva*. Book 4, 260–283. St. Petersburg: Ministerstvo vnutrennikh del Press, 1850 (in Russian).
- Berg, L.S. *Otkrytie Kamchatki i ekspeditsii Beringa, 1725–1742 gg.* Leningrad: Glavsevmorputi House Publ., 1935 (in Russian)
- Berx, V.N. *Khronologicheskaya istoriya vseh putestestvii v severnye polyarnye strany, s prisovokupleniem obozreniya fizicheskikh svoystv togo kraya*. Part. 1. St. Petersburg: Voennaya tipografiya Glavnogo shtaba Ego Imperatorskogo Velichestva, 1821 (in Russian).
- Bolkhovitinov, N.N., ed. *Osnovanie Russkoi Ameriki, 1732–1799*. Vol. 1 of *Istoriya Russkoi Ameriki, 1732–1867*. 3 vols. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1997 (in Russian).
- Divin, V.A. *Russkie moreplavaniya na Tikhom okeane v XVIII veke*. Moscow: Mysl' Publ., 1971 (in Russian).
- Efimov, A.V. *Iz istorii Velikikh russkikh geograficheskikh otkry'tii v Severnom Ledovitom i Tikhom okeanakh. XVII-i – pervaya polovina XVIII v.* Moscow: Izdatelstvo geograficheskoi literatury Publ., 1950 (in Russian).
- Grekov, V.I. *Ocherki iz istorii russkix geograficheskix issledovaniy v 1725–1765 gg.* Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1960 (in Russian).

- Grinev, A.V. *Kto est' kto v istorii Russkoi Ameriki*. Moscow: Academia Publ., 2009 (in Russian).
- Kushnarev, E.G. *V poiskakh proлива. Pervaya Kamchatskaya e'kspeditsiya. 1725–1730 gg.* Leningrad: Gidrometeoizdat Press, 1976 (in Russian).
- Lebedev, D.M. *Geografiya v Rossii petrovskogo vremeni*. Moscow; Leningrad: Akademii nauk SSSR Press, 1950 (in Russian).
- Miller, G.F. "Opisanie morskikh puteshestvii po Ledovitomu i po Vostochnomu moryu, s Rossiiskoi storony uchinennykh." In *Sochineniya i perevody, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashhie*. Vol. 7, 387–409. St. Petersburg: [S.n.], 1758 (in Russian).
- Nartov, A.K. *Rasskazy Nartova o Petre Velikom*. St. Petersburg: Akademia nauk Press, 1891 (in Russian).
- Paseczkii, V.M. *Vitus Bering. 1681–1741*. Moscow: Nauka Publ., 1982 (in Russian).
- Petrov, A.Yu., Ermolaev, A.N., and Koskina, M.M. "Peter the Great and Russia's Growing Interest in the Exploration of the Pacific Ocean, 1711–1722." *Quaestio Rossica* 9, no. 1 (2021): 267–268. DOI 10.15826/qr.2021.1.578 (in Russian).
- Polevoi, B.P. "Glavnaya zadacha Pervoi Kamchatskoi ekspeditsii po zamyslu Petra I (o novoi interpretatsii instruksii Vitusu Beringu 1725 goda)." *Voprosy geografii Kamchatki*, no. 2 (1964): 88–94 (in Russian).
- Polevoi, B.P. "Osnovanie Russkoi Ameriki – ideya Petra Velikogo." In *Russkaya Amerika. 1799–1867. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «K 200-letiyu obrazovaniya Rossiisko-amerikanskoi kompanii. 1799–1999»*. Moskva, 6–10 sentyabrya 1999 g., 92–102. Moscow: [S.n.], 1999 (in Russian).
- Polonskii, A.S. "Pervaya Kamchatskaya ekspeditsiya Beringa 1725–1729 gg." In *Zapiski Hidrograficheskogo departamenta Morskogo ministerstva*. Part 8, 535–556. Moscow: [N.s.], 1850 (in Russian).
- Sopoczko, A.A. *Istoriya plavaniya V. Beringa na bote «Sv. Gavriil» v Severnyi Ledovityi okean*. Moscow: Nauka Publ., 1983 (in Russian).
- Vakhtin, V.V. "Russkie truzheniki morya. Pervaya morskaya ekspeditsiya Beringa dlya resheniya voprosa, soedinyaetsya li Aziya s Amerikoi." In *Kamchatskii letopisets*. Issue 4, 5–109. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatpress Publ., 2015 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Александр Юрьевич Петров, д-р истор. наук, главный научный сотрудник, Центр Североамериканских исследований, Институт всеобщей истории Российской академии наук; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, 32а; профессор, Московский государственный лингвистический университет; 119036 Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38; alaska13@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1688-4096>

Aleksandr Yu. Petrov, Dr. Habil. Hist., Chief Research Fellow, Center for North American Studies, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; 32a Leninsky prospect, Moscow, 119334, Russia; Professor, Moscow State Linguistic University; 38, Osozhenka Str., Moscow, 119036, Moscow, Russia; alaska13@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1688-4096>

Алексей Николаевич Ермолаев, д-р истор. наук, профессор кафедры истории России, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, д. 6; главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии, Сибирское отделение Российской академии наук; 650000, Россия, Кемерово, пр. Советский, д. 18; alermolaev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6903-5883>

Alexey N. Ermolaev, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of Russian History, Kemerovo State University; 6, Krasnaya Str., Kemerovo, 650000, Russia; Chief Researcher, The Federal Research Center of Coal and Coal-Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 18, Sovetskyy Ave., Kemerovo, 650000, Russia; alermolaev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6903-5883>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-376-383>

Научная статья / Research article

«Апология» царя Ивана Грозного Г. Самуэля Тройера как инструмент формирования положительного образа российской монархии в Европе в петровскую эпоху

Наталия Владимировна Эйльбарт

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

✉ ejlbart@mail.ru

Аннотация: Представлен анализ историко-политического и философского произведения выдающегося немецкого ученого, профессора Готлиба Самуэля Тройера «Апология Ивана Васильевича II, великого князя московского, ложно обычно обвиняемого в тирании», опубликованного в Вене в 1711 г. Было установлено, что данное произведение было одним из первых трудов, который вышел на Западе в петровскую эпоху и так или иначе был посвящен русской истории. В период Северной войны довольно ясно обозначилась тенденция сопоставления правления Ивана Грозного и Петра I по причине того, что «балтийский вопрос» не утратил своей актуальности для России спустя более века после неудач в Ливонской войне. Русская пропаганда в Европе нуждалась в представлении Грозного в качестве великого правителя, лишённого чрезмерной жестокости и тиранических черт. Проведенный автором анализ источника показал, что Тройер успешно справился с возложенной на него задачей, доказав в своем труде, что все действия Грозного были оправданы государственной необходимостью и нравами русского народа. «Апология Ивана Васильевича» также способствовала тому, что некоторые представители немецкой научной мысли увлеклись русской историей. Среди них были, в частности, Г.Ф. Миллер и А.Л. Шлецер.

Ключевые слова: Иван Грозный, Петр I, Г.С. Тройер, Северная война, апология, политический памфлет

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01407, <https://rscf.ru/project/22-28-01407/>; Русская христианская гуманитарная академия.

Для цитирования: *Эйльбарт Н.В.* «Апология» царя Ивана Грозного Г. Самуэля Тройера как инструмент формирования положительного образа российской монархии в Европе в петровскую эпоху // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 376–383. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-376-383>

G.S. Treuer's 'Apology' of Tsar Ivan the Terrible as a Tool for Forming a Positive Image of the Russian Monarchy in Europe in the Petrine Era

Nataliya V. Eylbart

A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

✉ ejlbart@mail.ru

Abstract: The article presents an analysis of the historical, political and philosophical work of outstanding German scientist, Professor Gottlieb Samuel Treuer "Apology of Ivan Vasilyevich II, Grand Duke of Moscow, usually falsely accused of tyranny," published in Vienna in 1711. It was found that

© Эйльбарт Н.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

this work was one of the first papers, one way or another devoted to Russian history, published in the West in the Petrine era. During the Great Northern War the tendency to compare the reign of Ivan the Terrible and Peter I was quite clear, due to the fact that the “Baltic issue” remained valid for Russia more than a century after the failures in the Livonian War. The Russian propaganda in Europe needed to present Ivan the Terrible as a great ruler, without excessive cruelty and tyranny. The analysis conducted by the author showed that Treuer brilliantly coped with the task. In his work he proved that all the actions of Ivan the Terrible were justified by the public necessity and the morals of the Russian people. The “Apology of Ivan Vasilyevich” also contributed to the fact that some representatives of German scientific thought got carried away by Russian history. Among them were, in particular, G.F. Miller and A.L. Schlözer.

Keywords: Ivan the Terrible, Peter I, G.S. Treuer, Great Northern War, apology, political pamphlet

Acknowledgements and Funding: The study was supported by a grant of the Russian Science Foundation № 22-28-01407, <https://rscf.ru/project/22-28-01407/>; Russian Christian Humanitarian Academy.

For citation: Eylbart, N.V. “G.S. Treuer’s «Apology» of Tsar Ivan the Terrible as a Tool for Forming a Positive Image of the Russian Monarchy in Europe in the Petrine Era.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 3 (August 2022): 376–383. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-376-383>

Введение

Представление о характере правления Ивана Грозного внутри России в петровскую эпоху ассоциировалось прежде всего с расширением границ государства и с укреплением самодержавной власти государей. В целом можно утверждать, что на протяжении всего XVIII в. личность Грозного была популярна в правящей семье, и царь неоднократно становился главным героем художественных произведений¹. Императрица Анна Иоанновна грозила преподнесшим ей «кондиции» верховникам, указывая на портрет Ивана Васильевича в Грановитой палате, что она «хоть и баба, да такая же будет как он»². Несомненно, в угоду императрице в «Оде на взятие Хотина» М.В. Ломоносов проводил параллель между двумя великими правителями: грозным Петром и грозным Иоанном, «смирителем Казанских стран»:

Герою молвит тут Герой:
«Не тщетно я с тобой трудился,
Не тщетен подвиг мой и твой,
Чтоб россов целый свет страшился.
Чрез нас предел наш стал широк
На север, запад и восток».³

После победы в Северной войне Петр I публично старался заложить в общественное сознание идею продолжения им политики Ивана Грозного, ведь как первый царь, так и первый император поставили перед собой задачу завоевания Прибалтики. По свидетельству современника событий, камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца, в честь победы над шведами в Петербурге даже была сооружена триумфальная арка с изображением обоих государей⁴. Это произошло 27 января 1722 г., на праздновании дня рождения цесаревны Анны Петровны, где присутствовало множество иностранных гостей, которые могли лицезреть следующую картину. По бокам триумфальной арки в натуральную величину были сооружены фигуры Ивана Грозного в царской короне и Петра I в императорской, под первой значилась латинская надпись «Incipit» (начал), под второй «Perfecit» (усовершенствовал). Возникает вопрос: не боялся ли царь Петр насмешек иноземцев в отношении подобного сравнения, ведь ему скорее всего могло быть известно, что в Европе со времен барона

¹ Завьялова А.И. Иван Грозный в творчестве русских писателей второй половины XVIII – XIX вв. // Вестник славянских культур. 2018. Т. 50. С. 136–145.

² Занимательные истории из жизни Романовых. М., 2013. С. 97.

³ Ломоносов М.В. Избранные произведения. М. – Л., 1965. С. 66.

⁴ Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // Труды отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН. Л., 1983. Т. 37. С. 54–55.

Герберштейна утвердился стереотип Грозного как «кровавого москвитянина», «московского фараона», «Ивана Ужасного».

Примечательно, что Петр готовил европейское общественное мнение еще задолго до окончания Северной войны, преподнося при помощи своих апологетов образ Ивана Грозного за границей как царя-государственника, милостивого и щедрого к друзьям и жестокого к врагам. Наиболее вероятно, что царь финансировал исследования и издания, способствовавшие «прославлению России». Одним из авторов, ставшим рупором этого направления петровской политики, был немецкий философ, богослов и историк Готтлиб Самуэль Тройер (1683–1743).

Готтлиб Самуэль Тройер и планы петербургского двора

Известно, что в течение нескольких лет Петр Великий вынашивал планы женить своего сына, царевича Алексея Петровича, на ком-то из тех, кто находился в родстве с австрийским правящим домом, ибо от союза России с Габсбургами во многом зависел исход Северной войны⁵. Подходящая невеста вскоре нашлась. Это была родная сестра жены австрийского императора Карла VI, принцесса Шарлотта Кристина Брауншвейг-Вольфенбюттельская. Переговоры о возможности этого брака шли еще с конца 1710 г.⁶, а в апреле 1711 г. в польском Яворове царь утвердил брачный контракт. В октябре Петр прибыл в саксонский город Торгау, где и состоялось бракосочетание. Согласно «Биохронике Петра Великого» проведенное здесь время царь использовал и на встрече с представителями немецкой научной мысли. По крайней мере Г.-В. Лейбниц преподнес ему проект создания в России Академии («Общества всех наук») и предложил свою кандидатуру в качестве руководителя⁷. Вероятно, здесь же состоялась и встреча царя с Готтлибом Самуэлем Тройером, профессором богословия, философии и истории Рыцарской академии в Вольфенбюттеле (родины царской невестки Шарлотты Кристины), которому еще раньше было заказано написание «Апологии Ивана Васильевича».

Об авторе рассматриваемого произведения известно немного. Он происходил из семьи сельского проповедника и евангелистско-лютеранского теолога Готтлиба Тройера. В 1700 г. поступил в Лейпцигский университет, где изучал философию, богословие и юриспруденцию; в этом же университете занимал должность ассессора философского факультета. В дальнейшем, после нескольких лет работы в Вольфенбюттеле, преподавал мораль, политику и историю в Хельмштедте. В 1731 г. получил степень доктора права и чин надворного советника. С 1734 г. Тройер стал профессором государственного права, морали и политики в только что созданном Геттингенском университете, где и закончил свои дни⁸. Судя по всему, представленная Петру Великому «Апология Ивана Васильевича» была весьма тепло встречена царем, поскольку в дальнейшем он следил за творчеством Тройера и даже использовал его произведения. В 1718 г. ученый защитил диссертацию на тему «Рассмотрение вопроса на основании естественного права: может ли государь перворожденного принца от наследия державы своей исключить». В свете ссоры с сыном и его последующей тра-

⁵ Анисимов Е.В. 1) Петр Великий: личность и реформы. СПб., 2009; 2) Война и мир Петра Великого // Вестник МГИМО Университета. 2021. Т. 14. № 6. С. 7–29; Агеева О.Г., Акимов Ю.Г., Андреева Е.А., Д'Анжело Ф., Анисимов Е.В. Петр Великий и европейский интеллектуальный мир: циркуляция знаний, взаимовлияния (1689–1727): коллективная монография. Париж, СПб., 2020; Черникова Т.В. Парадоксы петровской европеизации // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 3–22.

⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., [Б.г.]. Кн. 4. Т. 16–20. С. 417.

⁷ ItineraPetri: Биохроника Петра Великого день за днем // Высшая школа экономики. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/> (дата обращения 07.03.2022).

⁸ Zimmermann P. Gottlieb Samuel Treuer // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Leipzig, 1894. Band 38. P. 582.

гической смерти царь нуждался в правовой основе своих деяний, а этот юридический и философский труд пришелся весьма кстати. Несомненно, по инициативе Петра в русском переводе вышеупомянутая диссертация вышла в 1720 г. под названием «Исязание по натуральной правде». По мнению специалистов, она даже легла в основу «Правды воли монаршей», подкреплявшей положения Устава о наследии престола 1722 г.⁹ Исследование личности и эпохи Ивана Грозного не стало для Тройера единственной работой по русской истории. Уже в 1720 г. он создает довольно объемное «Введение в Московскую историю», куда включает и ранее проработанный материал о «Васильевиче»¹⁰. Эта книга, в отличие от «Апологии», была переведена на русский язык Сергеем Гавриловичем Плаутиным в 1741 г. и называлась «Московская или Российская Гистория, от времени, как из Российских разных княжеств единое великое Государство учинися, даже до утвержденного с Швецией мира, в деревне Столбове, 1617 г. Сочинена на немецком языке, в Лейпциге, Г.С. Трейером, а с немецкого на российский диалект переведена в 1741 году майором Инженерного Корпуса Сергеем Плаутиным, в Риге». Однако перевод так и остался в рукописи, которой пользовался Н.М. Карамзин при написании своей «Истории государства Российского».

Несомненно «Апология Ивана Васильевича», благодаря которой царь-реформатор обратил внимание на талантливое немецкого ученого, является ярким примером историко-политической и философской мысли того времени. К сожалению, она до сих пор не включена в историографию ни «грозненской», ни «петровской» эпох (в отличие от «Введения в Московскую историю»), и единственным упоминанием о ней на русском языке служит краткий доклад В.И. Щербины, сделанный на заседании Исторического общества Нестора-летописца в Киеве в 1895 г.¹¹

Настоящее исследование, посвященное данному труду Готлиба Самуэля Тройера, может подвигнуть исследователей разного профиля к более подробному изучению этого произведения.

Идейный посыл титульного листа «Апологии Ивана Васильевича» Г.С. Тройера

Рассматриваемое произведение, довольно объемное по тому времени (74 страницы), было издано в Вене в 1711 г. без указания автора (вероятно, в целях избежать последующих дискуссий в печати и публично). В его названии уже улавливается итог решения проблемы: «Апология Ивана Васильевича II, великого князя московского, ложно обычно обвиняемого в тирании» («*Apologia pro Joanne Basilide II Magno Duce Moscoviae tyrannidis vulgo falsoque insimulato*»)¹². Примечательно, что для обозначения имени государя Тройер использует, вероятно, укоренившееся в немецкой традиции правило считать «первым» Иваном Васильевичем Ивана III. В качестве эпиграфа к книге автор использует цитату из письма Гая Плиния Младшего Корнелию Минициану (книга III письмо 9): «Я счел требованием чести не обижать невинного, о чем говорю крепко, свободно и разнообразно»¹³.

Вероятно, некоторые фрагменты «Апологии» были навеяны Тройеру творчеством Плиния Младшего и его «Панегириком императору Траяну», где римский

⁹ Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 428.

¹⁰ Einleitung sur Moscovitiachen Historie von der Zeit an da Moscov aus vielen kleinen Staaten zu einem Grossen Reiche gediehen bis auf den Stolbovischen Frieden mit Schweden anno 1617 etc. Mit unparteyischer Feder aus denen bawahrtesten Scribenten gezogen. Leipzig und Wolffenhüttel, 1720.

¹¹ Щербина В.И. Готлиб-Самуил Трейер и его сочинения по истории Московского государства // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Книга девятая. Киев, 1895. С. 148–164.

¹² Для работы использовано издание, хранящееся в Национальной Библиотеке в Польше (в Варшаве): Biblioteka Narodowa, mf. В 9449.

¹³ *Plinii Caecilii Secundi C. Epistolae et Panegyricus*. Londini, 1821. P. 68.

автор оправдывает поступки государя (например, многочисленные войны), отмечая: «Мы говорим не о тиране, но о гражданине, не о властелине, но об отце»¹⁴. Возможно, Тройер был впечатлен случаем, описанным в письме к Минициану Плинием: последнему пришлось защищать в суде от нападок невинную дочь проконсула римской провинции Бетики Цецилия Классика, «гнусного и явного негодя», «насильника и вымогателя». Разумеется, гнев толпы обратился прежде всего на семью уже умершего проконсула, и легче всего было и ее предать на словесное растерзание, однако сложность задачи Плиния заключалась в том, чтобы вопреки общественному мнению обратиться к правосудию в пользу невинных. Автор «Апологии» готовит читателя к тому, что он, подобно Плинию, взвалил на себя эту нелегкую задачу, о чем более подробно пишет во введении.

Краткий анализ текста «Апологии Ивана Васильевича»

Текст «Апологии» состоит из предисловия и трех глав, в свою очередь, разбитых на многочисленные параграфы (в данной части мы процитируем некоторые отрывки в собственном переводе). Необходимо отметить, что Тройер чрезвычайно тщательно подошел к своему заданию. По упоминаниям в тексте он изучил практически все произведения об Иване Грозном, опубликованные на Западе в предшествовавшие полтора столетия, а их было немало количество, в том числе и среди германоязычных авторов¹⁵.

В предисловии автор отмечает нелегкость собственного труда:

Кажется, я взял на себя работу Геракла и боюсь, как бы не сдвинуть с места весь Ахерон, дабы исключить из сонма проклятых тиранов Ивана Васильевича. Увы, сколько ужасных предрасудков стоят на пути, предубеждений, авторитетов, примеров, невежества и так далее, того, что мне предстоит рассеять? (Здесь и далее перевод наш. – Н.Э.)¹⁶

По мнению Тройера, и у величайших в истории злодеев и безбожников есть апологии, в том числе у тирана Фаларида, императоров Тиберия и Нерона и царя Сарданапала. Уже во введении он отвечает, что будет полемизировать с такими известными критиками Грозного, как А. Гваньини и П. Одерборн (анализу их произведений о царе посвящена вторая глава).

Первая глава книги разделена на 20 параграфов и носит название «Глава первая, в которой показано, как сложно упрекнуть в тирании правителя вообще и Ивана Васильевича в частности». Доказательную базу под это утверждение автор подводит исходя из аксиом, представленных в трудах Аристотеля и Макиавелли. Постулаты труда Аристотеля «Политика» гласят, что тираном считается тот, кто захватил власть незаконным путем и правит, также преступая законы. С первым постулатом Тройер справляется легко, ведь «Васильевич» унаследовал власть по закону от своего отца, великого князя московского, в 1533 г. Что же касается тиранических поступков (жестоких казней, покровительства доносчикам, разврата, репрессий духовенства, показной роскоши) – все это соответствует характеру управляемого им народа и «не нарушает строй» Московского государства, а, следовательно, не является тиранией. «Хотя Генрих IV», как пишет автор, «и страдал некоторыми пороками, но папа не объявил его тираном»¹⁷. Также не слышет тираном и Иоанн, герцог

¹⁴ Письма Плиния Младшего. М. – Л., 1950. Кн. 1–10. С. 358.

¹⁵ *Кизеветтер А.А.* Иван Грозный и его оппоненты. М., 1898; *Эйльбарт Н.В.* Царь Иван Грозный в польско-немецкой пропаганде времен псковского похода Стефана Батория (по материалам «Акростиха» Валентина Неотебеля) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22. Вып. 1. С. 383–391.

¹⁶ *Apologia pro Joanne Basilide II Magno Duce Moscoviae tyrannidis vulgo falsoque insimulato.* Viena Austriae, 1711. P. 1.

¹⁷ *Ibid.* P. 9.

бургундский (Жан Бесстрашный), несмотря на незаконный захват власти. Гораздо более тиранических черт, нежели в Иване Васильевиче, Тройер видит в нарушителях, преступивших законы республики, таких как Козимо Медичи во Флоренции. Последний, узурпировав власть, как настоящий тиран

боялся заговоров, созывал отряды личных телохранителей, возводил цитадели и укреплял город крепостями, вводил новые налоги и правила, которые в действительности были ядом для народа»¹⁸.

Однако, исходя из этих рассуждений, Московское государство является (как и Турецкая империя, с которой Тройер сравнивает Россию) абсолютной монархией, законы находятся в руках государя, а следовательно, он их тиранически не преступает, например, казня бояр-изменников, ибо имеет в этом поддержку и любовь народа. Автор называет московского государя «солнцем», к которому не пристанет пятно, противопоставляя ему «порочных тиранов республики». Он пишет:

Не следует называть тираном того, кто обладает властью по праву, отличаясь во всем от республики, источника порока, жестокой по отношению к народу, отнявшей права у дворян, законы у государства, на которых присягала¹⁹.

Подвергнув самому глубокому сомнению «тиранию Васильевича» и вместе с тем приведя веские доказательства преимущества абсолютной монархии над республикой, Г.С. Тройер переходит к «истории вопроса», посвятив вторую главу анализу произведений авторов, когда-либо писавших об Иване Грозном. Вторая глава под названием «О писателях, изображавших жизнь Ивана Васильевича II и об их правдивости» разделена на 16 параграфов. Автор действительно собрал почти полную плеяду людей, писавших о Грозном, кроме англичан Д. Горсея и Э. Дженкинсона, трудов которых он, по его собственному признанию, «не смог обнаружить». Однако представленный им список прочитанных писателей весьма впечатляющ: Александр Гваньини, Павел Одерборн, Георг ван Гофф, Тилеман Бреденбах, Филипп Пернштейн, Якоб Ульфельдт, Георг Крейдлейн («аноним из Нюрнберга»), Антонио Поссевино, Рейнгольд Гейденштейн, Христофор Варшевицкий, Петр Петрей, Сигизмунд Герберштейн. Подчеркивая всю неоднозначность почерпнутых им сведений, Тройер заключает:

Из сравнения этих авторов, из обсуждения их чувств, из столкновения противоречивых мнений, из совокупности более или менее заслуживающих доверия сведений и отчетов о положении в России гений может узнать правду²⁰.

Таким образом, он весьма искусно отмечает негативные высказывания перечисленных «историков» об Иване Грозном, ибо им противостоят положительные, следовательно, истины в освещении характера правления этого государя им достичь не удалось.

Исходя из логики изложения, таковую истину пытается представить читателю сам Тройер в третьей, заключительной главе, носящей название «О причинах, из-за которых Иван Васильевич приобрел дурную славу и подвергся позорным обвинениям в тирании». Данная глава разделена на 15 параграфов, в которых автор пытается опровергнуть или, по крайней мере, поставить под сомнение тиранические поступки, приписываемые Грозному. Из проанализированных во второй главе книг Тройер выделил восемь основных обвинений, которые предъявлялись царю

¹⁸ Apologia pro Joanne Basilide II Magno Duce Moscoviae tyrannidis vulgo falsoque insimulato. Viena Austriae, 1711. P. 11.

¹⁹ Ibid. P. 32.

²⁰ Ibid. P. 53.

современниками: жестокие казни, насилие над духовенством, тирания по отношению к боярам, любовь к иностранцам, задержание иностранных послов и незаконное присвоение византийского герба, войны с соседями, жестокость царских помощников и воинов, в целом тираническое правление. Автор опровергает или оправдывает эти поступки как в общем, так и по отдельности. С его точки зрения, интересы государства и варварство управляемого царем народа не оставляли государю выбора в методах, а сами писатели-иноземцы могли не вполне объективно судить о монархе, поскольку мало знали Россию и наблюдали ее правителя большей частью издалека.

Кто из государей, управляя в тяжелые времена, – продолжает Тройер, – не навлекает на себя злобу соседей или подданных? Государя заботятся о правильности своих действий, но не об их внешнем виде²¹.

Он приводит в противовес суровому правлению Ивана Васильевича грозных европейских монархов Филиппа II и Людовика XIV, развязавших много войн с соседями, однако не столь осуждаемых «молвой» в тирании, как Грозный. В сущности «строительство империи», по Тройеру, является той целью, выполняя которую правитель не может быть обвинен в тирании, и «Васильевич» «имеет немало достижений», следовательно, «должен быть публично очищен от обвинений». Автор замечает:

Он не чурался пороков и не был украшен изяществом нравов, но и позор тирании не может быть на него наложен²².

Выводы

«Апология Ивана Васильевича» Готлиба Самуэля Тройера является примером талантливого произведения не столько исторической, сколько философской и политической мысли, имевшего большой резонанс среди представителей немецкой научной общественности. Данное произведение, созданное по предложению Петра I и, вероятно, его сподвижника барона Генриха фон Гюссейна²³ в рамках инициативы государя по пропаганде российских взглядов в европейской печати, было написано на латинском языке именно с целью распространения среди западных читателей. Царь не ошибся в выборе того, кому поручил столь ответственное дело. Тройер отнесся к исследуемому предмету с искренним интересом и даже научным азартом. Опровергнуть укоренившиеся в Европе столетиями взгляды о «тиране Васильевиче» не при помощи словесной эквилибристики, а на серьезной философской и историко-политической основе представлялось задачей не из легких, с которой автор блестяще справился.

«Апология» является одним из первых, самых ранних трудов, посвященных истории России, опубликованных в петровское время. Она обозначила впервые и новое направление в изложении истории Российского государства – прагматическое, когда интересы государства и текущая обстановка на политической арене требовали освещения прошлого в определенном русле. Нуждался в подобном представлении и Иван Грозный, поскольку петровская Россия наследовала как реформаторский вектор его политики, так и решение «балтийского вопроса».

Готлиб Самуэль Тройер был представителем так называемого «первого поколения» немецких ученых, служившего российской короне. «Апология» заинтересо-

²¹ *Apologia pro Joanne Basilide II Magno Duce Moscoviae tyrannidis vulgo falsoque insimulato. Viena Austriae, 1711. P. 54.*

²² *Ibid. P. 73–74.*

²³ *Пекарский П.П.* Барон Гюйссен, учено-литературный агент русского правительства в начале XVIII в. // *Отечественные записки.* 1860. Март. С. 49–72.

вала прежде всего его соотечественников из научной среды и, вероятно, что ее прочтение возбудило в их среде интерес к русской истории вообще. Возможно, и Г.Ф. Миллер впервые познакомился с Россией благодаря данному произведению. По крайней мере точно известно, что «Апологией» и личностью ее автора восхищался А.Л. Шлецер, преемник Тройера по кафедре политики Геттингенского университета. Таким образом, можно утверждать, что «Апология Ивана Васильевича» послужила своего рода «научным импульсом», благодаря которому в немецкой ученой среде появилось много выдающихся исследователей России, а русская история вообще стала ближе европейцам, как и задумывал Петр Великий.

Поступила в редакцию / Submitted: 13.03.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 06.06.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 05.07.2022

References

- Ageeva, O.G., Akimov, Yu.G., Andreeva, E.A., D'Angelo, F., and Anisimov, E.V. *Petr Velikii i evropeiskii intellektual'nyi mir: tsyrkulyatsiya znaniy, vzaimovliyaniya (1689–1727). Kollektivnaya monografiya*. Parizh, St. Petersburg: Evropeiskii dom Publ., 2020 (in Russian).
- Anisimov, E.V. "Voyna i mir Petra Velikogo." *Vestnik MGIMO Universiteta* 14, no. 6 (2021): 7–29 (in Russian).
- Anisimov, E.V. *Petr Velikii: lichnost' i reformy*. St. Petersburg: Piter Publ., 2009 (in Russian).
- Chernikova, T.V. "Paradoksy petrovskoi evropeizatsii." *Novaya i novejshaya istoriya*, no. 5 (2018): 3–22 (in Russian).
- Eyl'bart, N.V. "Tsar' Ivan Groznyi v pol'sko-nemetskoj propagande vremen pskovskogo pokhoda Stefana Batoriya (po materialam «Akrostiha» Valentina Neotebelya)." *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* 22, no. 1 (2021): 383–391 (in Russian).
- Kizevetter, A.A. *Ivan Groznyi i ego opponenty*. Moscow: Grosman i Knebel Publ., 1898 (in Russian).
- Lomonosov, M.V. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow; Leningrad: Sovetskii pisatel Publ., 1965 (in Russian).
- Panchenko, A.M., and Uspenskii, B.A. "Ivan Groznyi i Petr Velikii: kontseptsii pervogo monarkha." In *Trudy otdela drevnerusskoi literatury IRLI RAN*, 54–55. Leningrad: Nauka Publ., 1983. T. 37 (in Russian).
- Pekarskii, P. P. "Baron Gyuissen, ucheno-literaturnyi agent russkogo pravitel'stva v nachale XVIII v." In *Otechestvennye zapiski* (March 1860): 49–72 (in Russian).
- Pekarskii, P.P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*. Vol. 1. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za Publ., 1862 (in Russian).
- Plinii Caecilii Secundi, C. *Epistolae et Panegyricus*. Londini: [N.s.], 1821 (in Latin).
- Shcherbina, V.I. "Gotlib-Samuil Treyer i ego sochineniia po istorii Moskovskogo gosudarstva." In *Chtenia v istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. Bk. 9, 148–164. Kiev: G.T. Korchak-Novitskogo Press, 1895 (in Russian).
- Solov'ev, S.M. *Istoriia Rossii s drevneishih vremen*. Bk. 4, vol. 16–20. St. Petersburg: Obshchestvennaia pol'za Publ., 1895–1896 (in Russian).
- Zav'yalova, A.I. "Ivan Groznyi v tvorchestve russkikh pisatelei vtoroi poloviny XVIII–XIX vv." In *Vestnik slavianskikh kul'tur* 50 (2018): 136–145 (in Russian).
- Zimmermann, P. "Gottlieb Samuel Treuer." In *Allgemeine Deutsche Biographie (ADB)*. Band 38. Leipzig: Duncker & Humblot, 1894 (in German).

Информация об авторе / Information about the author

Наталья Владимировна Эйльбарт, д-р истор. наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до начала XIX века, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; 191186, Россия, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48; ejlbart@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0021-073X>

Nataliya V. Eylbart, Dr. habil. hist., Professor of the Department of Russian History from Ancient Times to the Early 19th Century, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University; 48, Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia; ejlbart@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0021-073X>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-384-393>

Научная статья / Research article

Военные действия под Нарвой в 1700 г. по воспоминаниям шведских воинов

Сергей Александрович Чиркин

Вятский государственный агротехнологический университет, Киров, Россия

✉ s_tchirkin@mail.ru

Аннотация: Начало Северной войны было крайне неудачным для Российского государства. Осада русскими войсками шведской крепости Нарва осенью 1700 г. и поражение, понесенное ими от Карла XII в Нарвском сражении 19 ноября 1700 г., – крупнейшие неудачи Петра I в Великой Северной войне (1700–1721), способствовавшие одновременно ускоренному реформированию армии и государственных институтов. Этим обусловлено внимание отечественных историков к причинам и обстоятельствам «Нарвской катастрофы». Изданные на рубеже XIX–XX вв. мемуары, дневники и письма воинов армии Карла XII, далеко еще не полностью введенных в научный оборот, позволяют по-новому взглянуть на само сражение и на события, ему предшествовавшие, учитывая, что с русской стороны подобных свидетельств практически нет. В связи с этим цель исследования – восполнение имеющихся пробелов в историографии начального периода Северной войны, уточнение некоторых деталей о состоянии и действиях русской армии накануне и в момент Нарвского сражения, а также о ее положении непосредственно после битвы.

Ключевые слова: Эпоха Петра Великого, история русской армии, Северная война, Нарвская битва, воспоминания

Для цитирования: Чиркин С.А. Военные действия под Нарвой в 1700 г. по воспоминаниям шведских воинов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 384–393. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-384-393>

Military Actions at Narva in 1700 According to the Memoirs of Swedish Warriors

Sergei A. Chirkin

Vyatka State Agro-Technological University, Kirov, Russia

✉ s_tchirkin@mail.ru

Abstract: The beginning of the Great Northern War was extremely unfortunate for the Russian State. The siege of Narva by the Russian troops and the defeat they suffered from Karl XII in the Battle of Narva (1700) were the hardest failures of Peter I during the Great Northern War and, at the same time, they gave an impetus to the acceleration of institutional development and reforms. This explains the attention of Russian historians to the circumstances of the “Narva catastrophe.” The memories, diaries and letters of Swedish soldiers, published at the turn of the 20th century, allow us to take a fresh look at the battle and the events that preceded it, given that there is practically no such evidence from the Russian side. In this regard, the purpose of the article is to fill in the gaps in the historiography of the initial period of the Great Northern War, to clarify some details concerning the state and actions of the Russian army on the eve and at the time of the Battle of Narva, as well as its position immediately after the battle. The scientific novelty of the article lies in the fact that most of these materials have not yet been put into circulation in Russian historical science.

Keywords: the era of Peter the Great, History of the Russian army, the Great Northern War, the Battle of Narva, memories

© Чиркин С.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Chirkin, S.A. “Military Actions at Narva in 1700 According to the Memoirs of Swedish Warriors.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 3 (August 2022): 384–393. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-384-393>

Введение

В течение трех столетий российская историческая мысль рассматривала военное поражение русской армии под Нарвой 1700 г. как тяжелый, но важный урок, который резко ускорил ход государственных преобразований и в конечном итоге сделал возможным превращение России в империю. Осаде Нарвы и сражению 19 ноября посвящено немало отечественных и зарубежных исследований. Однако, несмотря на то что изучение Нарвской кампании имеет давнюю традицию, нельзя сказать, что она окончательно описана.

Рассмотрение успехов и неудач русской армии, особенно в начальный период Северной войны, не может претендовать на полноту и объективность без привлечения свидетельств шведских участников событий. Между тем лишь небольшая часть этих материалов была введена у нас в научный оборот. Стоит отметить работы И.Л. Андреева, В.С. Великанова, В.В. Пенского, А.Г. Черниченко, С.А. Чиркина, опирающиеся в той или иной степени на источники личного происхождения представителей «шведского лагеря» (каролинеров, *karoliner*, в шведской терминологии). В частности, в научный оборот были введены «нарвские» письма и записи Карла XII, графа Карла Вреде, Э. Декера, А.Л. Левенгаупта, М. Штейнбока¹.

Наряду с этим вниманием отечественных исследователей Нарвской кампании оказались обойдены документы, вошедшие в изданный в 1901–1918 гг. под редакцией профессора А. Кеннерштедта сборник дневников и писем воинов армии Карла XII: «*Karolinska krigares dagbocker* [Дневники каролинских воинов]»². Обращение к ним обуславливает новизну данной работы.

12-томный сборник «*Karolinska krigares dagbocker*» значительно расширяет источниковую базу для изучения участия русской армии в Нарвском сражении. Представленные в нем документы, появившиеся в основном «по горячим следам» и воспроизводящие ход войны изнутри, дают нам возможность взглянуть на Нарвскую кампанию с «неприятельской» стороны.

Из 60 авторов, представленных в указанном сборнике документов, участниками Нарвской кампании были пятеро. Их дневники и письма составили основу настоящего исследования: «*J. Cederhielms bref 1700–1701 samt 1706* [Письма Й. Цедерхельма 1700–1701 и 1706 гг.]», «*A. Koskull, självbiografiska anteckningar* [А. Коскулль, автобиографические заметки]», «*L. Hochmuths dagbok* [Дневник Л. Хохмута]», «*S.-H. Sperlings dagbok* [Дневник К.-Х. Сперлинга]», «*Fyra tjänsteförteckningar* [Четыре дневника]», включая дневник С.-Д. Барона³.

В статье на основе свидетельств шведских участников военных действий под Нарвой реконструируются обстоятельства начального периода Северной войны, в частности, данные о состоянии и действиях русской армии накануне и в момент Нарвского сражения, а также ее положение непосредственно после битвы. Целью исследования является выявление степени объективности суждений шведских воинов и раскрытие факторов, их обусловивших.

¹ Андреев И.Л. На пути к Полтаве. М., 2009; Великанов В.С. 1) К вопросу об организации и численности русской армии в Нарвском походе 1700 года // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Вторая Международная научно-практическая конференция. СПб., 2011. С. 130–143; 2) Походы Карла XII. Зеландия и Нарва. Москва, 2014; Черниченко А.Г., Пенской В.В. Граф Карл Вреде – отцу, 24 ноября 1700 г. из Нарвы // Научный результат» Социальные и гуманитарные исследования. 2014. № 1. С. 56–63; Чиркин С.А. Карл XII о войне с Россией (из писем шведского короля) // Вопросы истории. 2021. № 4-1. С. 40–50.

² *Karolinska krigares dagbocker* / ed. by A.W. Quennerstedt. Lund, 1901–1918. Vol. 1–12.

³ *Ibid.* 1903. Vol. 2; 1907. Vol. 3; 1912. Vol. 6; 1913. Vol. 8; 1918. Vol. 12.

Осада Нарвы и военные действия на подступах к ней в октябре – ноябре 1700 г.

Обратимся прежде всего к одному необычному свидетельству, относящемуся к еще предвоенному периоду. Оно принадлежит Симону-Даниэлю Барону (1672–1732), уроженцу Ингерманландии, прапорщику нарвского гарнизона, который первым столкнулся с перешедшим границу русским войском.

Напомним, что с середины августа 1700 г. из Москвы, Смоленска и с Украины к Новгороду двинулись войска численностью около 35 тыс. чел., а также артиллерия и обоз⁴. 1 сентября из Новгорода к Нарве выдвинулся передовой отряд князя И.Ю. Трубецкого, который навел мост через реку Нарову, прикрывавшую крепость с востока. 8 сентября выступили и основные силы во главе с Петром I⁵. Русскому командованию при этом удалось добиться известной скрытности, в результате чего шведское командование не смогло до конца разгадать их истинные намерения⁶.

Тем не менее, заметив сосредоточение войск у границы, комендант Нарвы полковник Р. Горн, дабы разобраться в происходящем, 27 августа направил С.-Д. Барона в Новгород⁷. В пути тот был задержан отрядом Трубецкого и доставлен в штаб русской армии. Записки этого человека, попавшего в плен еще до начала активных военных действий, весьма любопытны тем, что в них фигурирует имя Петра I и его окружения, а также отражены общие настроения русского командования на тот момент.

С.-Д. Барон пишет:

На вопрос царя сколько в Нарве войск, я отвечал, что все, которые там имеются, останутся верны королю. Тогда царь ударил меня так, что щека моя сильно распухла. Затем царь с генералами раздели меня донага и, связав руки за спиной, поместили на дыбу (сей русский способ истязания), мучая ужасной болью и прижигая спину железом. Меня непрерывно поднимали и опускали четыре часа, так что жизнь во мне едва уже теплилась... И вот, когда был я на дыбе, царь сказал: «Прежде был ты в шведской науке, а теперь побудь в русской». После этого ко мне кинулся генерал-майор Иван Иванович Бутурлин и так жестоко принялся бить по лицу, что изо рта и из носа потекла у меня кровь. Тогда генерал-майор Бутурлин, показывая окровавленную руку царю, сказал: «Всех шведов так будем бить». Царь был этим весьма доволен, и, положив руку ему на плечо, произнес: «Ты мой верный слуга»⁸.

С.-Д. Барон выжил, но потерял здоровье. Два месяца спустя он и его истязатели поменялись местами, – ряд русских генералов оказались в плену, а С.-Д. Барон вернулся домой.

События основного этапа кампании нашли отражение в дневниках трех авторов. Это секретарь походной канцелярии барон Йозас Цедерхельм (1673–1729), лейтенант-фортификатор Людвиг Хохмут (1667–1709) и лейтенант лейб-гвардии граф Карл-Хенрих Сперлинг (1681–1734). В их дневниках содержатся ценные сведения, касающиеся как оборонительных действий русской армии накануне сражения, так и самой битвы. Все трое входили в ближайшее окружение Карла XII, который, как известно, имел обыкновение постоянно перемещаться на поле боя, ища самые опасные места.

Итак, к 23 сентября основные силы прибыли к Нарве и, соединившись с отрядом Трубецкого, приступили к осаде, охватив крепость широким полукругом. Началось рытье апрошей, возведение батарей и внешних укреплений⁹. Через месяц

⁴ Войны России в эпоху барокко (1700–1762) / под ред. С.В. Ефимова. СПб., 2002. С. 76.

⁵ *Потоцкий П.П.* Гвардия русского царя под Нарвой в 1700 и 1704 году. СПб., 1890. С. 9.

⁶ *Karolinska krigares dagbocker.* 1918. Vol. 12. P. 373.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.* P. 375.

⁹ *Андреев И.Л.* На пути к Полтаве. М., 2009. С. 159.

начался обстрел крепости, но низкое качество пороха и плохая выучка артиллеристов делали эффективность огня минимальной. Кроме того, из-за бездорожья подвоз снарядов вскоре прекратился. Наряду с этим еще в конце сентября до осаждавших дошли слухи о высадке в Пернау шведских войск. Когда эти слухи подтвердились и выяснилось, что в Пернау прибыл сам Карл XII, на запад по Ревельской дороге Петр I направил отряд дворянской конницы под командованием воеводы Б.П. Шереметева.

Шесть тысяч конницы отделились на 100 км от лагеря, но после первого же соприкосновения со шведами стали непрерывно откатываться назад. Это отступление традиционно критиковалось в отечественной историографии. В упрек Шереметеву ставили беспечность, неспособность удержать выгодные позиции и даже трудность¹⁰. Впрочем, по воспоминаниям шведов, русская конница, даже избегая столкновений, доставляла им немало неудобств. В частности, тот факт, что отряд Шереметева усиленно разорял окрестности, имел результатом то, что шведы, шедшие налегке, без обоза, вынуждены были голодать и спать под открытым небом. Так, К.-Х. Сперлинг отмечает:

В трех милях от Мальгольма мы разбили лагерь. Все дома и припасы уже сожжены и разграблены прошедшим здесь шеститысячным отрядом генерала Шереметева... Противник сжигает все перед нашим приходом¹¹.

Оставалось утешаться тем, что у русских дела обстояли не лучше. «До нас доходят слухи, – не без оснований писал Й. Цедерхельм, – что в русском лагере умирают от голода»¹². Действительно, в октябре русские войска уже сильно страдали от холода, голода и болезней, начался падеж лошадей.

Далее, ощущая давление русской конницы, шведы постоянно были настороже. Значительную часть пути они прошли в боевых порядках, а на привалах высылали вперед усиленные дозоры с пушками¹³. К.-Х. Сперлинг с тревогой говорит:

Мы не знаем, ушел ли генерал Шереметев или притаился где-то, чтобы застать нас врасплох. Впереди нас лес, где русская кавалерия легко может укрыться на своих низкорослых лошадях¹⁴.

26 октября у деревни Пурц состоялось единственное крупное (но безрезультатное) столкновение русской конницы со шведским авангардом. В течение последующих двух недель конные дворяне Шереметева непрерывно отступали. При этом наиболее досадным, с военной точки зрения, стало оставление ими теснин у деревни Пихайоги в ночь с 16 на 17 ноября. Л. Хохмут так описывает это событие:

Здесь стоял Шереметев с шестью тысячами конницы, заняв теснину и, в ожидании нашего прихода, занимаясь фуражировкой. Когда же мы внезапно атаковали фуражиров, они побросали свои цветастые повозки и поскакали к своим, причем некоторые не успели. Его Величество хотел броситься за ними через теснину, но, в конце концов, мы лишь выстрелили по ним из пушек¹⁵.

К.-Х. Сперлинг добавляет:

Поскольку проход просматривался насквозь, неприятель с парой сотен человек мог заставить нас потерять здесь людей больше, чем можно себе представить, но Господь был с нами, и неприятель без сопротивления предпочел уйти¹⁶.

¹⁰ Чиркин А.К. История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883 г. СПб., 1883. С. 146.

¹¹ Karolinska krigares dagbocker. 1907. Vol. 3. P. 4–5.

¹² Ibid. 1913. Vol. 8. P. 161.

¹³ Ibid. 1903. Vol. 2. P. 117.

¹⁴ Ibid. 1907. Vol. 3. P. 8.

¹⁵ Ibid. 1903. Vol. 2. P. 118.

¹⁶ Ibid. 1907. Vol. 3. P. 6–7.

Испытывая, очевидно, угрызения совести по поводу своего малодушия, Шереметев на следующее утро попытался атаковать неприятельский обоз. Эта вылазка, однако, не принесла серьезных результатов. Обрывочное свидетельство тому находим у К.-Х. Сперлинга:

Вдруг поднялась тревога. Его Величество с драбантами и драгунами тотчас бросился туда, откуда она исходила, но когда прибыл, наши уже схватили несколько русских¹⁷.

При этом, автор, вероятно, умалчивает о потерях своей армии, так как, с его же слов, на исходе дня король лично отправился благодарить одного из солдат «за усердие, спасшее утром жизнь Его Величеству»¹⁸.

Перед последним привалом в одиннадцати километрах от Нарвы, в местечке Лангена, шведы встретили русские разъезды, наблюдавшие за подступами к лагерю. Карл XII велел тотчас готовиться к сражению, полагая, что вскоре подойдут и главные силы противника, но русские генералы не спешили в тот день покидать укрепления. В итоге за ночь шведы смогли разведать русский лагерь, провели военный совет и даже заготовили материалы для преодоления рва¹⁹.

Ранним утром 19 ноября в полной тишине шведская армия вышла из Лангены. Как отмечает К.-Х. Сперлинг:

Никто не мог представить, что Его Величество атакует неприятеля в тот же день. Но как только Его Величество увидел неприятеля и оценил его положение за укреплениями, он решил, что едва мы доберемся до него, необходимо немедленно атаковать²⁰.

Укрепления выглядели следующим образом: «Ретрашемент состоял из плотных валов и глубокого рва, бруствер был унизан испанскими рогатками и кольями, снабжен верками и батареями, укрытыми вдоль всей контрвалационной линии» (Л. Хохмут)²¹. Впрочем, полноценно оборонять их русская армия не могла, поскольку была сильно вытянута и не имела резервов. Оценив это, Карл XII решил пробить оборону русских в центре, разделить ее пополам и, не давая противнику прийти в себя, разбить по частям²².

Нарвское сражение и отступление русской армии

В 10 часов утра шведы появились перед русским лагерем. Дав войскам небольшой отдых, король отправился на рекогносцировку, а затем приказал всем строиться в боевые порядки. В 14 часов шведская артиллерия, сосредоточенная в местах прорыва, открыла огонь и завязалась артиллерийская дуэль. Видя, что русские не выходят в поле, король дал сигнал к штурму, – в небо взлетели две ракеты, и под барабанный бой, с криком «С нами Бог!» шведы кинулись на русские позиции²³.

Благодаря быстроте, натиску и слаженности шведам удалось неожиданно атаковать. Гренадеры, шедшие в головах колонн, закидали рвы фашинами и разместили рогатки, а шедшая следом пехота с ходу преодолела укрепления и обрушилась на стоявшие за ними полки Трубецкого. Через полчаса прорыв был в трех местах, центр русского лагеря был отрезан от флангов, вал и десять орудий главной батареи оказались в руках шведов.

¹⁷ Karolinska krigares dagbocker. 1907. Vol. 3. P. 8.

¹⁸ Ibid. 1903. Vol. 2. P. 118.

¹⁹ Ibid. P. 118–119.

²⁰ Ibid. 1907. Vol. 3. P. 4.

²¹ Ibid. 1903. Vol. 2. P. 114.

²² Великанов В.С. Походы Карла XII. Зеландия и Нарва. М., 2014. С. 100.

²³ Бескровный Л.Г., Куманев Г.А. Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы: сб. док. М., 2009. Т. 1. С. 148.

Так началось сражение, которое, как считается, стоило русской стороне семи тысяч убитых, а шведской – менее тысячи. Впрочем цифра шведских потерь выглядит несколько заниженной, учитывая то, что русские солдаты ожесточенно отбивались. Этот эпизод нашел отражение во всех рассматриваемых источниках. Например, у Й. Цедерхельма, который в тот момент тоже встал в строй, сказано об ответном огне следующее:

Пули свистели возле ушей <...> Пушечные и иные выстрелы было видно и слышно. Одно ядро упало в стороне от меня, а другое позади меня, не уронив волоса с моей головы, хотя трудно себе представить подобное²⁴.

Под огонь попал и король, который находился перед центром своей армии. Как замечает К.-Х. Сперлинг:

Его Величество с эскадром драгун, бросился преследовать отступающих, хотя с ретраше-мента в него стреляли из пушек и из мушкетов <...> Этим Его Величество лишь вынудил неприятеля за ретрашементом, уже собиравшегося бежать, вновь отчаянно сражаться, не видя другого выхода²⁵.

Более того, русские солдаты поначалу даже попытались вернуть себе главную батарею. Й. Цедерхельм вспоминает по этому поводу:

Мы отправились на рекогносцировку противника, пытавшегося в тот момент отвоевать обратно главный бастион, который мы только что заполучили²⁶.

И все же необстрелянные русские части не смогли устоять. Вслед за дивизией Трубецкого бросилась бежать дивизия А.М. Головина. Обе они устремились к мосту через Нарову, который под массой людей тотчас разрушился. В результате две дивизии оказались прижатыми к реке; солдат охватила паника; русское командование потеряло управление, а растерявшиеся младшие офицеры не знали, что делать. Пытаясь спастись, некоторые русские солдаты притворялись убитыми, но, разгадав это, шведы протыкали их штыками и шпагами. Характеризуя сослуживца, Й. Цедерхельм приводит косвенное свидетельство о русских потерях:

Хольстрем действовал как настоящий воин – бился в первых рядах и уложил нескольких русских²⁷.

Искать спасения (не столько от врага, сколько от собственных разъяренных солдат) кинулись и чины русского штаба во главе с главнокомандующим герцогом Карлом-Евгением де Круа. Спасение виделось им в сдаче в плен. Й. Цедерхельм уточняет обстоятельства их пленения:

Поскольку победа была предрешена, беглецы покинули армию, чтобы сдаться в плен, но сначала они приблизились к стенам города с предложением о сдаче²⁸.

Командование нарвского гарнизона отвергло капитуляцию, и тогда герцог де Круа отправился обратно, причем «когда он ехал сдаваться, пуля вырвала у него кусок плаща»²⁹.

Однако сражение все же развернулось на узком участке фронта, и целые полки русской армии оказались в стороне от боя. Их вмешательство могло переломить

²⁴ Karolinska krigares dagbocker. 1913. Vol. 8. P. 166.

²⁵ Ibid. 1907. Vol. 3. P. 11.

²⁶ Ibid. 1913. Vol. 8. P. 163.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. P. 165–166.

²⁹ Ibid. 1903. Vol. 2. P. 124.

ситуацию, но отсутствие единого командования и растерянность сковали волю русских солдат:

Одиннадцать тысяч человек стояли недвижно, не говоря уже о том, чтобы ударить нам в спину или во фланг, ибо в такое мы привели их замешательство³⁰.

Что касается Шереметева, которого шведы по-прежнему весьма опасались, то он вновь допустил просчет: вместо того, чтобы зайти противнику во фланг, его конный отряд бросился через реку вплавь. При этом утонуло до тысячи всадников.

И все же оцепенение и паника охватили не все русские части. На левом фланге дивизия А. Вейде отбивала все атаки шведов. К вечеру она даже потеснила противника, но успех развить не сумела, поскольку не имела связи с другими полками. Возле рухнувшего моста, окружив себя артиллерийскими повозками наподобие вагенбурга (Передвижного полевого укрепления. – *С.Ч.*), плотным огнем шведов встретили Преображенский, Семеновский и Лефортовский полки, а также прикнувшиеся к ним солдаты дивизии Головина. Оставленные своими командирами, они все же сумели остановить натиск колонны генерала К.Г. Реншильда.

Заслышав перестрелку у реки, Карл XII сам прискакал на звуки боя. Он лично несколько раз атаковал русский вагенбург, но безуспешно. Не смогли сломить его оборону и гвардейцы, вызванные на помощь королю. Бой на этом участке закончился лишь в 16 часов с наступлением темноты.

В ряде работ встречается утверждение, что окруженная русская гвардия ждала, что ночью основные силы армии выручат ее. Этого якобы не произошло, так как русские генералы начали переговоры с противником³¹. По свидетельству же шведов, ранее всех о переговорах запросили именно преображенцы:

Бой за вагенбург длился, пока не стемнело. Вскоре мы увидели знаменосца с русским флагом, хотя сначала решили, что это один из наших взял русский флаг, и, таким образом, не сразу признали переговорщика. Это и вправду был переговорщик, явившийся просить о выходе из вагенбурга... Его Величество сначала не хотел ничего об этом слышать, но поскольку уже стало известно, что царь накануне бежал, отвечал, что будет милостив ко всем, кто сложит оружие. Переговорщик просил о том, чтобы поговорить со своими генералами и готов был привести заложников... В конце концов, Его Величество согласился³².

Прибывшие на переговоры около 20 часов представители русского штаба, генералы И.И. Бутурлин и Я.Ф. Долгорукий, просили о выходе своих войск с личным оружием, артиллерией, знаменами и обозом. Король в ответ согласился отдать только знамена, оружие и шесть пушек для гвардии. Генералы дважды просили время, чтобы обдумать эти условия, и через час приняли капитуляцию. Это их решение, разумеется, избавило шведов от весьма непредсказуемых последствий: исход сражения на тот момент еще не был до конца ясен, численность неразбитых русских войск была еще значительной, а физические возможности победителей были уже на пределе.

К.-Х. Сперлинг так подводит итог этих переговоров:

Когда... явился русский генерал, умоляя Его Величество о сдаче на аккорд, Его Величество внял сей просьбе с особой благосклонностью, равно как и просьбе тех, кто был в вагенбурге. Он обещал всем свое покровительство, позволив тем, кто был в вагенбурге, уйти с оружием. После этого вагенбург занял отряд генерал-майора Поссе, а неприятель в 23 часа отошел к реке³³.

³⁰ Karolinska krigares dagbocker. 1913. Vol. 8. P. 165.

³¹ Дирин П.П. История Лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. С. 51.

³² Karolinska krigares dagbocker. 1907. Vol. 3. P. 12–13.

³³ Ibid. P. 14.

Русские и шведские саперы стали восстанавливать мост через Нарову. При этом остаток ночи шведская конница оставалась верхом, а пехота – с оружием наизготовку.

Генерал Вейде, отбивший в начале сражения все атаки шведов, со своей дивизией находился в отдалении, у деревни Юала, и ничего не знал о происходящем. Получив известие о капитуляции, он тотчас написал шведскому генералу О. Веллингу о готовности сдаться на приемлемых условиях. В ответ ему был обещан свободный выход, но без знамен и оружия.

Впрочем, в темноте, в условиях общей неразберихи, некоторое время еще продолжались отдельные стычки. Й. Цедерхельм стал свидетелем следующего:

Когда мы присели отдохнуть, пушечное ядро неожиданно перелетело всю армию и убило крайнего человека во втором ряду³⁴.

К.-Х. Сперлинг, в свою очередь, приводит такой эпизод:

Когда стрельба стихла, Его Величество повелел собрать раненых и отвезти их в город. Все были удивлены, видя их скорое возвращение, ибо неприятель, которому случилось стоять у них на пути, дал по ним залп. Русские генералы тотчас заверили Его Величество, что это недоразумение, ибо не все еще узнали о милости, им оказанной. Раненых выслали снова и уже без всяких препятствий со стороны неприятеля³⁵.

Шведы были поражены численностью сдавшихся русских частей. К.-Х. Сперлинг говорит:

Наутро явились толпы неприятеля, которые до этого были с другой стороны крепости или на правом крыле нашей атаки... Всех их, прошедших мимо Его Величества, было не менее пятнадцати тысяч человек, тогда как нас не было и трех тысяч³⁶.

Кроме того, по словам Й. Цедерхельма, вся местность вокруг Нарвы была усеяна телами убитых: «Русские лежат, как трава»³⁷.

По восстановленному мосту русские гвардейцы и те, кто сражался с ними в Вагенбурге, первыми перешли Нарову с распущенными знаменами, барабанным боем и оружием в руках. У остальных Карл XII приказал отобрать и знамена, и мушкеты, поскольку шведы выявили нарушение ночного соглашения (вывоз части царской казны). При этом были задержаны все офицеры и генералы, – около семидесяти человек. В Новгород к концу ноября вернулись 23 тыс. русских воинов. Общие потери русской армии составили, таким образом, 7 тыс. чел. убитыми, ранеными, пленными, утонувшими и погибшими от голода и холода. Шведы заполучили 20 тыс. мушкетов, 30 тыс. руб. царской казны, 200 знамен и всю артиллерию³⁸.

Подводя итог «величайшей победе над русскими», Й. Цедерхельм отмечает: «Теперь вся эта страна очищена от них»³⁹. В действительности русские не ушли окончательно из Ингерманландии, отдельные их отряды продолжали действовать и в окрестностях Нарвы. Об этом, в частности, свидетельствует дневник ливонского дворянина на шведской службе, на тот момент офицера Вестманландского пехотного полка Андерса Коскулля (1677–1746)⁴⁰.

³⁴ Karolinska krigares dagbocker. 1913. Vol. 8. P. 166.

³⁵ Ibid. 1907. Vol. 3. P. 14.

³⁶ Ibid. P. 15.

³⁷ Ibid. 1913. Vol. 8. P. 163.

³⁸ Ростунов И.И., Авдеев В.А., Осипова М.Н., Соколов Ю.Ф. История Северной войны, 1700–1721 гг. М., 1987. С. 174.

³⁹ Karolinska krigares dagbocker. 1913. Vol. 8. P. 164.

⁴⁰ Ibid. 1912. Vol. 6.

В начале 1701 г. А. Коскулль из Нарвы был направлен в Стокгольм с поручением по доставке в действующую армию пополнения из числа новобранцев. А. Коскулль пишет в дневнике:

Со мной послали жену одного унтер-офицера, русскую и знавшую их язык. Я раздобыл одежду, а мнимая жена загрузила в наши сани вино и табак, и мы двинулись в путь. Я притворялся дезертиром, бежавшим из Нарвы к русским. Дважды мы встречали русских, которым она дарила или продавала вино и табак. Эта заботливая женщина не только не выдала меня, но спустя шесть дней доставила в Финляндию, откуда вернулась назад⁴¹.

Эти наивные строки исчерпывающе характеризуют как уровень контрразведывательной работы, так и общую дисциплину в русской армии в преддверии возможного наступления шведов вглубь России.

Выводы

Воспоминания воинов армии Карла XII содержат немало ценных сведений о состоянии и действиях русской армии накануне и в момент Нарвского сражения. Данные свидетельства расширяют наши представления о ходе военных действий под Нарвой осенью 1700 г., позволяют глубже понять причины единственной безоговорочной в своем роде победы шведов над русским войском в Северной войне, детализируют обстоятельства, сопровождавшие становление регулярной российской армии.

Так, по-своему уникально свидетельство С.-Д. Барона о Петре I. В описаниях двухнедельного преследования русской конницы обращают на себя внимание обстоятельства тревог и тягот войны. В сообщениях о бое русской гвардии содержатся факты, альтернативные тем, которые утвердились в ряде исторических работ. В записках посленарвского периода отражены трагикомические черты русской военной организации.

В целом приведенные фрагменты воспоминаний весьма лаконичны, скупы на детали и не содержат уничижительных характеристик противника. Представляется, что последний аспект, по сути имагологический, еще ждет своего исследователя.

Отметим в заключении следующее. Хотя сражение под Нарвой не закончилось полным разгромом русских войск, его последствием стало коренное реформирование русской армии. В результате, первые победы над шведами состоялись уже в 1701–1702 гг. Окончательное же преодоление «нарвских ошибок» привело к выдающимся успехам русского оружия 1709–1721 гг.

Поступила в редакцию / Submitted: 06.12.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 05.06.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 06.07.2022

References

- Andreev, I.L. *Na puti k Poltave*. Moscow: Veche Publ., 2009 (in Russian).
 Beskrovniy, L.G., and Kumanev, G.A. *Severnaia voina 1700–1721 gg. K 300-letiyu Poltavskoi pobedy. Sbornik dokumentov*, vol. 1. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2009 (in Russian).
 Cherednichenko, A.G., and Penskoj, V.V. “Graf Karl Vrede – ottsu, 24 noiabria 1700 g. iz Narvy.” *Setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal ‘Nauchnyi rezul’tat’: Sotsial’nye i gumanitarnye issledovaniia*, no.1 (2015): 56–63 (in Russian).
 Chicherin, A.K. *Istoriia leib-gvardii Preobrazhenskogo polka. 1688–1888 g.* St. Petersburg: A.A. Kraevskogo Press, 1883 (in Russian).

⁴¹ Karolinska krigares dagbocker. 1912. Vol. 6. P. 303.

- Chirkin, S.A. “Karl XII o voine s Rossiei (iz pisem shvedskogo korolia),” *Voprosy Historii*, no. 4–1 (2021): 40–50.
- Dirin, P.P. *Istoriia Leib-gvardii Semenovskogo polka*. St. Petersburg: Eduarda Goppe Press, 1883 (in Russian).
- Efimov, S.V. *Voiny Rossii v epokhu barokko, 1700–1762*. St. Petersburg: Voenno-istoricheskii muzei artillerii, inzhenernykh voisk i voisk sviazi Publ., 2002 (in Russian).
- Pototsky, P.P. *Gvardiia russkogo tsaria pod Narvoi v 1700 i 1704 godu*. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov Press, 1890 (in Russian).
- Quennerstedt, A.W. *Karolinska krigares dagbocker*, 12 vols. Lund: Gleerupska univ. bokhandeln Publ., 1901–1918 (in Sweden).
- Rostunov, I.I., Avdeev, V.A., Osipova, M.N., and Sokolov, Y.F. *Istoriia Severnoi voiny, 1700–1721 gg*. Moscow: Nauka Publ., 1987 (in Russian).
- Velikanov, V.S. “K voprosu ob organizatsii i chislennosti russkoi armii v Narvskom pokhode 1700 goda.” In *Voina i oruzhie: Novye issledovaniia i materialy. Vtoraia Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia*, 130–143. St. Petersburg: VIMAIIVS Publ., 2011 (in Russian).
- Velikanov, V.S. *Pokhody Karla XII. Zelandiia i Narva*. Moscow: Kniga Publ., 2014 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Сергей Александрович Чиркин, канд. истор. наук, доцент кафедры истории и философии, Вятский государственный агротехнологический университет; 610017, Россия, Киров, Октябрьский пр-кт, д. 133; s_tchirkin@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0001-9569-5789>

Sergey A. Chirkin, PhD in History, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Vyatka State Agrotechnological University; 133, Oktyabrskiy Ave., Kirov, 610017, Russia; s_tchirkin@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0001-9569-5789>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-394-403>

Научная статья / Research article

Освещение визитов болгарского князя Фердинанда Кобургского в Россию в конце XIX в. правой официальной печатью

Николай Николаевич Демьяненко

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Пушкин (Санкт-Петербург), Россия

✉ nik4-demyanenko@yandex.ru

Аннотация: Впервые в отечественной и зарубежной историографии рассматривается освещение отечественной печатью визитов болгарского князя Фердинанда Кобургского в Россию в конце XIX в. После смерти Александра III Болгария стала предпринимать шаги по восстановлению отношений с Россией. Большое значение в подобных ситуациях имела персональная дипломатия. После крещения принца Бориса в православную веру состоялся и первый визит в Санкт-Петербург болгарского князя Фердинанда I. Особенностью освещения этого визита в прессе стало то, что многим изданиям пришлось перестраиваться в своем отношении к вчерашнему «лжепринцу» и освещать на страницах своих изданий приезд Фердинанда Кобургского с учетом изменившихся политических реалий. За первым визитом последовало приглашение на коронацию Николая II в Москву в мае 1896 г. Апофеозом этих визитов стал приезд в июле 1898 г. в Россию болгарского князя с женой Марией Луизой и наследником болгарского престола, крестником Николая II, княжичем Борисом. Поэтому к концу XIX в. казалось, что в российско-болгарских отношениях наступила идиллия. На основе анализа источников (в том числе дневниковых записей Николая II) рассматриваются ход официальных визитов, состав участников, отношение принимающей стороны к болгарскому князю.

Ключевые слова: Внешняя политика, Болгария, болгары, Фердинанд I, Николай II, российско-болгарские отношения, русская печать

Для цитирования: Демьяненко Н.Н. Освещение визитов болгарского князя Фердинанда Кобургского в Россию в конце XIX в. правой официальной печатью // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 394–403. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-394-403>

The History of the Bulgarian Prince Ferdinand of Coburg's Visits to Russia at the Late 19th Century in the Right Official Press

Nikolay N. Demyanenko

Leningrad state University named after A.S. Pushkin, Pushkin (St. Petersburg), Russia

✉ nik4-demyanenko@yandex.ru

Abstract: This article, for the first time in domestic and foreign historiography, examines the coverage by the domestic press of the visits of the Bulgarian prince Ferdinand of Coburg to Russia at the end of the 19th century. After the death of Alexander III, Bulgaria began to take steps in order to restore relations with Russia. Personal diplomacy was of great importance in such situations. After the baptism of Prince Boris into the Orthodox faith, the first visit to St. Petersburg of the Bulgarian prince Ferdinand I took place. The main feature of the coverage of this visit in the press was that many publications had to rebuild their attitude towards yesterday's "false prince" and cover the arrival of Ferdinand of Coburg in the pages of their publications, taking into account the changed political realities. The first visit was followed by an invitation to the coronation of Nicholas II in Moscow in May 1896. The arrival in Russia in July 1898 of the Bulgarian

© Демьяненко Н.Н., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

prince with his wife Maria Luisa and the heir to the Bulgarian throne, the godson of Nicholas II, Prince Boris, became the apotheosis of these visits. Therefore, by the end of the 19th century, it seemed that an idyll had begun in Russian-Bulgarian relations. The article examines the very course of the visits, the main participants, as well to the Bulgarian prince (in particular on the basis of the diary entries of Nicholas II).

Keywords: Russian foreign policy, Bulgaria, Bulgarians, Ferdinand I, Nicholas II, Russian-Bulgarian relations, Russian press

For citation: Demyanenko, Nikolay N. "The History of the Bulgarian Prince Ferdinand of Coburg's Visits to Russia at the Late 19th Century in the Right Official Press." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 3 (August 2022): 394–403. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-394-403>

Введение

Российская империя на протяжении всей своей истории проводила особую политику на Балканском полуострове. И для этого была серьезная подоплека. С одной стороны, Россия решала свои геополитические задачи, противодействуя или взаимодействуя с основными великими державами того времени. На полуострове такой державой являлась Австро-Венгрия. Особенно напряженной для Петербурга была ситуация вокруг черноморских проливов, где русские интересы пересекались с устремлениями ведущих морских держав того времени – Англии, Германии и Франции. Кроме того, в западной части Балканского полуострова свои интересы появились и у Италии. С другой стороны, считая себя покровительницей, а с конца 1870-х гг. и освободительницей южных славян, Россия рассчитывала и на особое к себе отношение со стороны балканских православных народов. К сожалению все, без исключения, балканские страны на разных этапах стремились освободиться от влияния России, используя внешнюю дружественную риторику для своих политических целей и маневрируя между великими державами. В результате Санкт-Петербург регулярно оказывался в сложном положении. Помогая одной стране Балканского полуострова, он рисковал поссориться с ее соседом. Не были исключением и российско-болгарские отношения.

Несмотря на то, что в 1878 г. благодаря России началось возрождение болгарской государственности, неудачная политика первого болгарского князя Александра Баттенберга, а также негибкий курс России привели к тому, что в 1886 г. отношения между двумя странами были прерваны. Несогласованное с Россией избрание в 1887 г. на болгарский престол принца-католика Фердинанда Кобургского усугубило разрыв между странами. Александр III до самой своей смерти не признавал нового князя Болгарии. Тем не менее Фердинанд Кобургский считал, что для полной легитимности в Болгарии ему необходимо примирение с Россией и официальное признание своего статуса страной-«освободительницей». Сразу после получения известия о смерти Александра III болгары начали делать первые шаги. Уже на следующий день, 21 октября, в Санкт-Петербург из Софии пришли телеграммы с соболезнованиями по случаю смерти сына «освободителя» Болгарии. В болгарской армии был объявлен траур. Действия болгарской стороны не остались незамеченными: 22 октября появились заметки в газетах.

Следующим этапом стало прибытие в Россию в июле 1895 г. болгарской делегации во главе с митрополитом Климентом. Делегаты принимались на самых разных уровнях, включая молодого императора Николая II. Также ими были возложены венки к могилам императоров Александра II «Освободителя» и Александра III «Миротворца» в Петропавловском соборе. В те же дни в Болгарии был смертельно ранен бывший болгарский премьер-министр Стефан Стамболов, который вызывал столько критики в России. Однако до конца 1895 г. четкого решения принято не было. Католик Фердинанд не хотел терять власть, но и признание со стороны России и других стран Европы ему было необходимо. В итоге в начале 1896 г. было принято решение о крещении сына Фердинанда принца Бориса в православную веру. При этом крестным отцом его стал сам Николай II.

В феврале 1896 г. из России в Софию прибыл официальный представитель Николая II граф А.В. Голенищев-Кутузов. Сама церемония была очень красочной и подробно описывалась в газетах. С этого момента можно было считать отношения между Россией и Болгарией восстановленными. Однако в дипломатии большое значение имеют не только сами межгосударственные отношения, но и установившийся личный контакт между главами государств. И хотя лично Николай и Фердинанд были знакомы и раньше, в статусе глав государств им обоим пришлось встретиться впервые. Уже в апреле 1896 г. состоялся первый визит болгарского князя в Россию. Через месяц, в мае 1896 г., Фердинанд Кобургский вновь прибыл в Россию, правда, теперь лишь в качестве иностранного гостя коронационных торжеств в Москве. Наконец, в июле 1898 г. состоялся визит в Россию болгарского князя вместе с женой княгиней Марией-Луизой и наследником болгарского престола, князем Тырновским Борисом. Данная статья посвящена освещению этих визитов, их протоколно-церемониальных подробностей в периодических изданиях Санкт-Петербурга и Москвы, главным образом правого толка. Помимо русской печати были привлечены материалы Российского государственного исторического архива.

Историография, в которой рассматриваются отношения России и Болгарии в конце XIX в., достаточно обширна. Однако работы, посвященные именно содержательной части визитов в Россию болгарского князя, отсутствуют. Лишь в отдельных трудах имеются упоминания о фактах визитов. Причем в основном идет речь о визитах уже XX в. Так, упоминания о визите 1902 г., а также о заключении русско-болгарского военного соглашения встречаются в работах О.Р. Айрапетова¹, В.И. Косика², А.К. Мартыненко³. Визит 1909 г. на похороны великого князя Владимира Александровича затрагивается в сборнике, посвященном истории русско-болгарских отношений⁴. Визит 1910 г. упоминается в монографии Ю.А. Писарева⁵. Естественно, что основное содержание этих исследований сводилось к анализу не самих визитов, а их политических результатов. В современной историографии все больше внимания уделяется отражению коммуникативных практик, церемониальных процессов в публицистике. Его изучение придает историческим событиям новый ракурс, позволяет рассмотреть восприятие будничных на первый взгляд фактов в контексте эпохи. Итак, дипломатические визиты конца XIX в. практически не интересовали исследователей, восполнить этот пробел и призвана данная статья.

Первый визит в Россию Болгарского князя

В феврале 1896 г. наследник болгарского престола княжич Борис был крещен в православную веру. Отношения между Болгарией и ее освободительницей были восстановлены. Перед болгарским князем Фердинандом встал вопрос о личном визите в Россию. Российская печать в целом положительно восприняла примирение с Болгарией. Хотя далеко не все издания перестроились и стали называть вчерашнего «лжекнязя» законным монархом «братской Болгарии». Так, авторы материала в «Санкт-Петербургских ведомостях» полагали, что «десятилетняя глухая вражда навряд-ли может способствовать восстановлению искренних отношений между Россией и Кобургом, а в качестве австрийского агента Кобург и впредь будет руководим советами из Австрии, как это делал в продолжение всего своего узурпаторства»⁶. «Московские ведомости» считали, что только с момента крещения княжича

¹ Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи 1801–1914 гг. М., 2018. Т. 4.

² Косик В.И. Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середина XIX – начало XXI в.). М., 2014.

³ Мартыненко А.К. Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев, 1967.

⁴ Валеев Л.Б., Никитин С.А., Мартыненко А.К. Из истории русско-болгарских отношений. М., 1958.

⁵ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985.

⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1896. 24 февраля.

Бориса в православную веру началась история болгарской династии, а тревожный вопрос о будущем Фердинанда Кобургского отошел в вечность⁷. «Петербургский листок», признавая Фердинанда Кобургского в качестве представителя всего болгарского народа, надеялся, что князь не сойдет с намеченного прямого пути⁸. Но так или иначе Фердинанд I в апреле 1896 г. отправился в Санкт-Петербург.

4 апреля 1896 г. он прибыл на яхте «Султание» в порт Одессы. Военный оркестр и хор болгар семинаристов и воспитанниц исполнили национальный гимн, после чего председатель болгарского настоятельства Николай Палаузов обратился к болгарскому князю с речью. Также с приветственными словами к Фердинанду обратился председатель Славянского благотворительного общества С.И. Знаменский. На приветственные речи болгарский князь отвечал сердечной благодарностью, после чего князь на специально приготовленном для него поезде отправился в Санкт-Петербург⁹.

Россия заранее начала готовиться к визиту болгарского гостя. В частности, согласовывались списки сопровождающих лиц, программа визита, маршрут. Вместе с болгарским князем прибыл 21 чел. В их числе были министр-президент Константин Стоилов, военный министр Рачо Петров, начальник гвардии Марков и еще 18 человек сопровождающих¹⁰. Отдельной строкой оговаривались расходы. Было понятно, что все транспортные и хозяйственные расходы лягут на принимающую сторону. От России при особе князя с момента его вступления на российскую землю был представлен состоять флигель-адъютант полковник Рейтерн¹¹ и секретарь русского посольства в Константинополе Смирнов. Министерство двора выделило ему на удовлетворение расходов, вызываемых предстоящим приездом болгарского князя, сумму в размере 3 тыс. руб.¹² Позднее полковник Рейтерн составил подробный отчет о тратах. За время визита были потрачены 2 тыс. 388 руб. 98 коп. В Министерство двора были возвращены 611 руб. 2 коп.¹³

6 апреля в 13.00 поезд с болгарским князем прибыл в столицу Российской империи на Варшавский вокзал. На платформе высокого гостя встречали великий князь Владимир Александрович, министр путей сообщения князь М.И. Хилков, помощник министра императорского двора барон В.Б. Фредерикс, турецкий посол Гузни паша со всем посольством и многие другие официальные лица. Помимо официальных лиц на встрече со стороны болгар присутствовали учащиеся и просто проживавшие в российской столице¹⁴. В закрытом экипаже Фердинанд Кобургский вместе с великим князем Владимиром Александровичем отправился в Зимний дворец, где болгарской делегации были выделены апартаменты на второй запасной половине¹⁵. В 16 часов того же дня в Александровском дворце Царского села Фердинанд I был принят императором Николаем II и императрицей Александрой Федоровной. Несмотря на пафосные сообщения некоторых газет, сам российский самодержец достаточно спокойно воспринимал визит болгарского монарха:

В 4½ приехал Фердинанд Кобургский, которого мы угостили чаем. Я его видел в последний раз в 1883 г., он потолстел и отпустил себе бороду! В 6 ч. его увезли обратно в Питер¹⁶.

⁷ Московские ведомости. 1896. 4 февраля.

⁸ Петербургский листок. 1896. 5 апреля.

⁹ Новое время. 1896. 5 апреля.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 473. Оп. 2. Д. 494. Л. 3.

¹¹ Там же. Ф. 472. Оп. 44. Д. 2. Л. 44.

¹² Там же. Ф. 468. Оп. 13. Д. 1341. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 8–9.

¹⁴ Петербургский листок. 1896. 7 апреля.

¹⁵ Новое время. 1896. 7 апреля.

¹⁶ Дневники императора Николая II (1894–1918) / под ред. С.В. Мироненко М., 2011. Т. 1. С. 265.

Судя по дневниковым записям, Николай не видел Фердинанда 13 лет. После возвращения в Санкт-Петербург болгарский князь проводил переговоры с министром иностранных дел князем А.Б. Лобановым-Ростовским. На следующий день в 11.00 болгарский князь посетил службу в Исаакиевском соборе, где для него и его свиты было выделено место вблизи царских врат в левом клиресе. После службы Фердинанд проследовал на Сенатскую площадь и далее пешком по набережной Невы в Зимний дворец¹⁷. В 18.00 в честь болгарского гостя в концертном зале Зимнего дворца был дан высочайший обед на 49 персон, на котором помимо обоих монархов и болгарской делегации присутствовала почти вся великокняжеская семья Романовых и лица свиты. Николай II поднял тосты за здоровье турецкого султана и своего крестника княжича Бориса. После обеда Николай II вместе с Фердинандом отправились в Мариинский театр на балет «Спящая красавица»¹⁸.

Одним из пунктов программы Фердинанда в Санкт-Петербурге было посещение Петропавловского собора. 9 апреля он возложил венки на могилы Александра II и Александра III. В тот же день Фердинанда посетил петербургский митрополит Палладий, который передал для наследника болгарского престола княжича Бориса икону Христа спасителя в роскошной ризе, украшенной драгоценными камнями. В тот же день Фердинанду представлялись депутаты городской думы во главе с городским головой В.А. Ратьковым-Рожновым. Депутаты поднесли в подарок альбом с красивым переплетом из белой кожи с углами и застежками из оксидированного серебра. На первом листе альбома было вырезано золотом: «Его королевскому высочеству Фердинанду 19 апреля 1896 г. Санкт-Петербург. В альбоме было более 40 видов российской столицы. Вечером Фердинанд присутствовал на торжественном обеде в турецком посольстве. На следующий день Фердинанд снова был у Николая и Александры на завтраке в Царском селе.

10 апреля болгарский князь присутствовал на дне рождения великого князя Владимира Александровича. Там же он последний раз в ходе своего визита увиделся с российской императорской четой. В тот же день в 22.30 Фердинанд отправился с Варшавского вокзала в Париж. На вокзале его провожали сам именованный Владимир Александрович, министр иностранных дел князь А.Б. Лобанов-Ростовский, министр путей сообщения М.И. Хилков, а также турецкий посол со всем посольством. В вагон с князем зашел великий князь Владимир Александрович и, попрощавшись, последним покинул салон поезда¹⁹. Так закончился первый визит в Россию болгарского князя. В целом издания столицы положительно оценивали итоги визита болгарского князя в Россию. Газеты предсказывали начало нового этапа в российско-болгарских отношениях и приветствовали принца Фердинанда как залог новой эры в жизни болгарского народа²⁰. Хотя были и те, кто продолжал сомневаться в искренности Фердинанда Кобургского. Так, князь В.П. Мещерский в статье с говорящим названием «Тяжелое раздумье» призывал российских дипломатов не терять бдительности. Фердинанд Кобургский перед поездкой в Санкт-Петербург был на приеме у турецкого султана в Константинополе. Это означало, что на Востоке завязывается новый политический узел²¹. Но так или иначе отношения между Болгарией и Россией были окончательно восстановлены.

Визит Фердинанда Болгарского на коронацию Николая II

Второй визит в Россию болгарского князя состоялся уже через месяц. Строго говоря, это был не совсем визит, а присутствие в качестве гостя на коронационных торжествах в Москве. Болгарский монарх был одним из множества гостей. Более

¹⁷ Петербургский листок. 1896. 8 апреля.

¹⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1896. 8 апреля.

¹⁹ Московские ведомости. 1896. 11 апреля.

²⁰ Петербургский листок. 1896. 5 апреля.

²¹ Гражданин. 1896. 11 апреля.

того, Фердинанд Кобургский попадал в группу представителей второстепенных держав. Персональный поезд ему не выделялся. В Россию он попал на улучшенном курьерском поезде так называемого привислинского состава, в котором вместе с ним прибыл и греческий наследный принц Константин, а уехал он вместе с герцогом Люксембургским и принцем японским на поезде уральского состава²². Однако это пребывание князя в России оказалось самым длительным.

Прибыв в Москву 8 мая 1896 г., иностранные гости были встречены несколькими великими князьями. В частности, первым Фердинанда приветствовал великий князь Владимир Александрович, однако в этот раз в коляске с ним отправился генерал-адмирал российского флота великий князь Алексей Александрович²³. Местом пребывания болгарского князя на время коронационных торжеств был определен дом графа И.Г. Ностица на Большой Дмитровке. Разумеется, в Москве в эти дни все внимание было привлечено к коронационным торжествам, на которых присутствовали иностранные гости. Тем не менее, Фердинанду удалось выделить время и для своей персональной программы.

11 мая в день празднования святых Кирилла и Мефодия по просьбе Фердинанда Кобургского в храме Христа Спасителя была отслужена торжественная литургия, причем священнодействовал на ней протоирей Иоанн Кронштадтский. На службе присутствовала свита болгарского монарха и представители болгарской диаспоры Москвы²⁴. В день Ходынской катастрофы 18 мая Фердинанд Кобургский отмечал именины. После литургии князя поздравили представители сербского посольства. Также состоялась встреча Фердинанда с князем Черногории Николаем, который в сопровождении сыновей Данило и Мирко поздравил его с именинами. Газеты упоминали, что на праздничный завтрак придворный пекарь Филиппов прислал для поздравления князя крендель с сажень величины²⁵.

В тот же день Фердинанд Кобургский присутствовал на печально известном балу в итальянском посольстве. Газеты подробно перечисляли всех присутствовавших, и кто, в каком порядке и за кем шел. Во время торжественного шествия Фердинанду (он был без пары) досталось место далеко позади в компании одиноких кавалеров, рядом с князем Монако и сыном черногорского князя Мирко. За ним шли эмир Бухары и хан Хивы. Разумеется, ни о каком принижении статуса Фердинанда Кобургского на этом балу не было. Просто Болгария продолжала оставаться зависимым от Турции княжеством. И лишь 25 мая Фердинанд во главе болгарской делегации попал на персональный прием к Николаю II, в ходе которого Фердинанд вручил русскому царю альбом с рисунками болгарских художников²⁶. Согласно дневниковым записям Николая II, Фердинанда приняли после корейского посла²⁷. Лишь после этого приема Фердинанд покинул Москву. Данное посещение Фердинандом Кобургским России никак газетами не комментировалось. Он был всего лишь одним из множества гостей.

Визит в Россию болгарской княжеской четы с наследником престола княжичем Борисом

Спустя два года состоялся третий визит в Россию болгарского князя. Особенностью его было то, что вместе с Фердинандом в Россию прибыла и его супруга княгиня Мария-Луиза, а также наследник болгарского престола, князь Тырновский

²² РГИА. Ф. 472. Оп. 44. Д. 2. Л. 45.

²³ Московские ведомости. 1896. 9 мая.

²⁴ Там же. 12 мая.

²⁵ Там же.

²⁶ Московские ведомости. 1896. 27 мая.

²⁷ Дневники императора Николая II... Т. 1. С. 276.

Борис. У Николая II появилась возможность лично познакомиться со своим крестником. Первоначально прибытие болгарской княжеской семьи было запланировано на 2 марта 1898 г. Однако из-за болезни императрицы Александры Федоровны официальный визит был отложен²⁸. В итоге визит состоялся в июле того же года. Визит традиционно начался морским переходом из болгарского порта Варна в российскую Одессу. 6 июля в порт прибыло судно «Эриклик». На берегу была устроена торжественная встреча. Встречал оркестр, городской глава с хлебом солью и другие официальные лица. Княгине был вручен роскошный букет роз, подобранный под национальные болгарские цвета²⁹. Однако в этот раз Фердинанд решил отправиться не напрямую в Санкт-Петербург, а заехать в Москву, чтобы показать своей жене Марии-Луизе достопримечательности первопрестольной. При этом Фердинанд желал придать посещению Москвы частный характер, в связи с чем решено было воинские почести не устраивать³⁰. 7 июля поезд с болгарской княжеской семьей сделал небольшую остановку в Киеве, где Фердинанд был встречен генерал-губернатором М.И. Драгомировым с супругой и другими официальными лицами. По просьбе М.И. Драгомирова Фердинанд представил его принцу Борису. Как писали газеты, встреча носила задушевный характер³¹. Однако, пробыв на платформе всего несколько минут, поезд продолжил свой путь. Так же небольшую остановку поезд сделал на станции Курск, где болгарская княжеская чета была встречена вице-губернатором Бюнтингом с супругой.

8 июля болгарская княжеская семья прибыла в Москву. На перроне их встречал генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович с супругой Елизаветой Федоровной. Помимо официальных лиц города на перроне выстроилась почетным караулом рота пятого киевского гренадерского полка со знаменем. И это при том, что, как писалось ранее, военных почестей в Москве не предполагалось. После взаимного представления всех официальных лиц Фердинанд и великий князь Сергей Александрович в сопровождении супруг отправились в Кремль. Однако княжич Борис со своей гувернанткой остался в вагоне. Газеты описывали его как красивого четырехлетнего мальчика, с необыкновенно выразительными, черными глазами, одетого в матросский костюм и синюю матросскую шапку с георгиевской лентой с надписью «Эриклик». Оставшиеся на перроне подходили к окну вагона и приветствовали Бориса. Княжич отдавал честь по-военному³².

В Кремле, проводив князя до внутренних покоев и пробыв там не более 15 минут, Сергей Александрович и Елизавета Федоровна отбыли в губернаторский дом. После их отъезда Фердинанд и его супруга стали осматривать Большой кремлевский дворец, начиная с парадных залов и закончив осмотром теремов. Во время осмотра Фердинанд делился с супругой своими воспоминаниями о его пребывании в Москве во время коронации Николая II³³. После осмотра болгарская княжеская чета отправилась в губернаторский дом, куда прибыли и остальные официальные болгарские лица. После завтрака болгарская княжеская чета вернулась в Кремль. К этому времени туда же прибыл и наследник престола Борис. Болгарская семья отправилась в оружейную палату, а после ее осмотра – на вокзал.

9 июля княжеская чета Болгарии вместе с наследником прибыли на станцию Новый Петергоф. Петергофский вокзал и все станции Балтийской железной дороги были украшены болгарскими национальными флагами. Для торжественной встречи

²⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 44. Д. 2. Л. 11.

²⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 7 июля.

³⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 44. Д. 2. Л. 24

³¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 9 июля.

³² Там же.

³³ Там же.

на перроне выстроился почетный караул от 87 пехотного Нейшлотского полка со знаменем и оркестром. Прибыли официальные лица, в частности министр иностранных дел М.Н. Муравьев. Постепенно прибыли и члены императорской фамилии. На перроне находились Великие князья: Михаил Александрович, Владимир Александрович с супругой Марией Павловной и детьми Андреем Владимировичем и Еленой Владимировной, Павел Александрович, Константин Константинович с супругой Елизаветой Маврикиевной, Дмитрий Константинович, Петр Николаевич с супругой Милицей Николаевной, Сергей Михайлович, а так же князь Евгений Максимилианович Романовский герцог Лейхтенбергский, Георгий Максимилианович Романовский герцог Лейхтенбергский, принц Петр Александрович Ольденбургский и герцог Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий. Разумеется, все великие князья были со своими свитами.

Несмотря на то, что по династическому старшинству первым должен был встречать болгарского князя брат царя Михаил Александрович (которому на тот момент было 19 лет), первым Фердинанда встретил Владимир Александрович, у которого с болгарским князем к этому времени сложились дружеские отношения. С вокзала Фердинанд с супругой отправились в Александрию (Петергоф) для встречи с императорской четой, а вся остальная болгарская делегация вместе с принцем Борисом отправилась в Большой Петергофский дворец, где для этой цели на время визита были выделены помещения. Для Фердинанда и его семьи были выделены места в Большом Петергофском дворце. В Белом зале Большого Петергофского дворца состоялся фамильный обед.

10 июля Николай II пожаловал Фердинанду орден святого апостола Андрея Первозванного, а Марии-Луизе – орден святой Екатерины. В четвертом часу дня принц Борис в Александрии познакомился с дочерьми Николая II Ольгой и Татьяной, после чего в присутствии императорской четы пил чай. Российский император писал: «Прибыл мой крестник Борис к дочкам, с которыми он сейчас же подружился»³⁴. Вечером состоялся большой парадный обед в Петровском зале Большого Петергофского дворца. Зал утопал в зелени и был сервирован золотым сервизом в стиле Людовика XV³⁵. В Центре стола сидел Николай II с Александрой Федоровной. Далее Фердинанд и великая княгиня Мария Павловна. По другую сторону от императора сидела Мария-Луиза болгарская и за ней великий князь Владимир Александрович.

Напротив императора сидели министр императорского двора и уделов барон Борис Владимирович Фредерикс, болгарский премьер-министр Константин Стоилов и министр иностранных дел России граф Михаил Николаевич Муравьев. Всего за столом находилось 118 чел.³⁶ Правда, за столом отсутствовали наследники престола обеих стран. Болгарский наследник принц Борис был еще слишком мал, а наследник российского престола великий князь Георгий Александрович по состоянию здоровья находился на Кавказе в Абастумани (через год он умрет в возрасте 28 лет). Зато за столом был находившийся на русской службе принц Луи-Наполеон Жозеф Жером, в тот момент полковник, командовавший лейб-гвардии уланским полком, дислоцировавшимся в Новом Петергофе. Первый тост поднял Николай II:

Пью за здоровье их королевских высочеств, князя и княгини болгарских, а также за здоровье моего дорогого крестника-княжича Бориса и за процветание Болгарии³⁷.

³⁴ Дневники императора Николая... С. 418.

³⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 11 июля.

³⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 44. Д. 2. Л. 45.

³⁷ Там же. Л. 64.

В ответном тосте Фердинанд, в частности, сказал:

К тем узам, которые уже сплотили Болгарию с великой братской нацией, каковы: народность, вера, вечная благодарность августейшим освободителям нашей родины, ваше величество присоединили еще один залог своего высокого благоволения, соизволив быть крестным отцом моего сына и наследника престола, князя Тырновского, при восприятии его в лоно святой православной церкви³⁸.

11 июля болгарская семья на яхте «Александрия» посетила Санкт-Петербург. С пристани Фердинанд Кобургский в сопровождении флигель-адъютанта полковника Х.П. Дерфельдена отправился делать визиты в посольства, а Мария-Луиза с сыном Борисом отправились в Исаакиевский собор, где они приложились к иконе Тихвинской Божьей матери. Далее они отправились в Казанский собор, где приложились к иконе Казанской Божьей матери. В это же время в собор прибыл и князь Фердинанд. Вместе они осмотрели могилу генерал-фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова. После собора по Невскому и Литейным проспектам болгарская княжеская семья направилась к домику Петра Великого, а после его осмотра – в Петропавловскую крепость. Возложив венки к могилам императоров Александра II и Александра III, княжеская семья преклонила колени перед гробницей Царя-освободителя. После посещения Петропавловского собора Фердинанд с семьей посетил болгарское дипломатическое агентство, располагавшееся на Троицкой улице. По свидетельству газет, вся лестница агентства была роскошно украшена цветами и экзотическими растениями³⁹. Там же болгарской княжеской семье представлялась депутация Славянского благотворительного общества во главе с товарищем председателя генерал-лейтенантом А.А. Киреевым. Затем состоялось общение болгарского князя с представителями болгарской колонии.

После завтрака болгарская княжеская чета отправилась в Зимний дворец. В Александровском зале начался прием депутатов городского общественного управления. 12 июля Фердинанд с Марией-Луизой посетили католическую службу в Сергиевке (Старый Петергоф), а княжич Борис по личному приглашению Николая II присутствовал на литургии в Церкви Александрии. Там же он попрощался с царскими дочерьми Ольгой и Татьяной. После литургии в Петровском зале Большого Петергофского дворца состоялся прощальный завтрак на 95 чел. После завтрака Императорская семья простилась с болгарской княжеской четой, которая отправилась на вокзал Нового Петергофа, где на проводы собралось большинство великих князей во главе с младшим братом Николая II Великим князем Михаилом Александровичем. Проводы были сердечными. Собственно, на этом визиты в Россию болгарского князя в XIX в. закончились.

Выводы

Визиты болгарского князя в Россию в конце XIX в. привели к укреплению отношений между двумя странами. Между двумя монархами установились отношения на личном уровне (пусть и не очень близкие). Крещение княжича Бориса изменило отношение российских изданий, как к Болгарии, так и к личности болгарского князя Фердинанда Кобургского. Из «лжепринца» он превратился в князя Болгарии. Во многом такое отношение изданий было продиктовано позицией официальных властей. Российская сторона делала все, чтобы визиты прошли на высоком уровне и к взаимному удовольствию сторон. И если в начале первого визита освещение приезда Фердинанда было достаточно официальным, то его приезд с женой Марией-

³⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 44. Д. 2. Л. 64.

³⁹ Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1898. 13 июля.

Луизой и наследником княжичем Борисом описывался в изданиях с большим восторгом. Возможно, это было связано с личностью княжича Бориса, на которого возлагались большие надежды. Православный наследник болгарского престола как бы сглаживал предыдущую десятилетнюю историю разрыва российско-болгарских отношений. Особенно стоит выделить среди российских изданий газету «Новое время». Ее экземпляры, в которых освещалось пребывание болгарской княжеской семьи в России, специально подшивали в архивные дела гофмаршальской части «О пребывании в России князя и княгини болгарских и наследника болгарского престола князя Тырновского Бориса».

Визиты болгарского князя Фердинанда в Россию в конце XIX в. имели важное значение для налаживания отношений между Россией и Болгарией, прерванных на почти целое десятилетие. В то же время говорить о потеплении в отношениях между Николаем II и Фердинандом Кобургским не приходилось. Ни газеты, ни личные дневники императора не фиксируют свидетельства какой-то особой симпатии между двумя монархами. Оба действовали в интересах своих государств. Но так или иначе к началу XX в. российско-болгарские дипломатические отношения находились в стабильно хорошем состоянии. Следующий визит болгарского князя Фердинанда в Россию состоялся в мае 1902 г. К этому времени князь будет уже в статусе вдовца (Мария-Луиза скончалась после четвертых родов в январе 1899 г.), а его наследник, княжич Борис посетит Россию лишь в 1911 г. во время киевских торжеств, где ему предстояло стать свидетелем убийства П.А. Столыпина.

Поступила в редакцию / Submitted: 02.10.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 20.11.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 05.06.2022

References

- Airapetov, O.R. *Foreign policy of Emperor Nicholas II. 1894–1914*. Vol. 4 of the *History of foreign policy of the Russian Empire 1801–1914*. 4 vols. Moscow: Kuchkovo field Publ., 2018 (in Russian).
- Kosik, V.I. *Balkany: 'Porvalas' Tsep' Velikaya...'* (*seredina XIX – nachalo XX veka*). Moscow: Moscow Institute of Slavonic studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2014 (in Russian).
- Martynenko, A.K. *Rossiisko-Bolgarskie otnosheniya v 1894–1902*. Kiev: Kievskii universitet Publ., 1967 (in Russian).
- Mironenko, S.V., ed. *The diaries of Nicholas II (1894–1917)*. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).
- Pisarev, Yu.A. *Velikie derzhavy i Balkany nakanune Pervoy Mirovoy Voyny*. Moscow: Nauka Publ., 1985 (in Russian).
- Valeev L.B., Nikitin S.A., and Martynenko A.K. *Iz istorii russko-bolgarskih otnoshenii*. Moscow: Akademii Nauk SSSR Publ., 1958 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Николай Николаевич Демьяненко, аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; 196605, Россия, Пушкин (Санкт-Петербург), Петербургское шоссе, д. 10, лит. А; nik4-demyanenko@yandex.ru

Nikolay N. Demyanenko, postgraduate student of the Department of Russian History, Leningrad State University named after A.S. Pushkin; 10 lit. A, Peterburgskoe shosse, Pushkin (St. Petersburg), 196605, Russia; nik4-demyanenko@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-404-416>

Научная статья / Research article

Крещение адептов иудаизма в Туркестанском крае во второй половине в XIX – начале XX в.: масштабы и мотивация

Павел Валерьевич Литвиненко
ОАО ВНИИР-Прогресс, Чебоксары, Россия
✉ masterlitvinenko@yandex.ru

Аннотация: Автор обращается к изучению вопроса о религиозных переходах еврейского населения в христианское вероисповедание в Туркестанском регионе. Раскрывается религиозная ситуация в царской России, связанная с проблемами вероизменения евреев, приводятся достоверные факты их конверсии, относящиеся к важнейшей исламской окраине империи – Туркестану, где абсолютное большинство населения принадлежало к мусульманству – свыше 95 %. Автор анализирует мотивы переходов региональных евреев в христианство и реальные последствия этого процесса. Специфика Туркестана наложила существенный отпечаток на духовную жизнь евреев, на характер и побудительные причины к принятию ими христианства. В Среднеазиатском регионе евреи не представляли собой однородной массы, зачастую имели различные черты культуры и традиций. Здесь имелось несколько еврейских общин: так называемых «европейских» евреев (прибывших из России) во главе с собственным главным раввином. Кроме того, в Средней Азии проживали «туземные» евреи, получившие статус подданных Российской империи и имевшие своего раввина. В этой связи представляется интересным проследить условия перехода этих разных групп евреев в христианство, их побудительные мотивы и отношение к ним официальных властей. Важно отметить, что евреи Туркестанского края принимали не только православие, но и католичество, лютеранство, армяно-григорианство и другие формы вероисповеданий. Однако царские власти считали, что переход евреев в «инославию» недостаточен для освобождения от наложенных на евреев законодательных ограничений. В целом на примере ситуации в Туркестане можно проследить, что особенности принятия христианства и изменение правового статуса евреев зачастую зависели от того региона, в котором они принимали крещение. Кроме того, большую роль играл фактор принадлежности к определенной еврейской общине.

Ключевые слова: христианство, иудаизм, еврейский вопрос, Туркестан, веротерпимость, Средняя Азия

Для цитирования: Литвиненко П.В. Крещение адептов иудаизма в Туркестанском крае во второй половине в XIX – начале XX в.: масштабы и мотивация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 404–416. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-404-416>

Baptism of Adepts of Judaism in the Turkestan Krai in the Second Half of the 19th – Early 20th Century: Scope and Motivation

Pavel V. Litvinenko
OJSC VNIIR-Progress, Cheboksary, Russia
✉ masterlitvinenko@yandex.ru

Abstract: The author considers the study of the issue of the Jewish population conversion to Christianity in the Turkestan Krai. The article reveals the religious situation in tsarist Russia related to the problems of Jews' conversion, provides reliable facts of the conversion with regard to the most important Islamic outskirts of the empire – Turkestan, where the overwhelming majority of the population

belonged to Islam – over 95%. The author examines the reasons for the conversion of regional Jews to Christianity and the real consequences of this process. The peculiarity of Turkestan made a significant impact on the spiritual life of Jews, on the nature and motives for the adoption of Christianity. In the Central Asian region, Jews were not a homogeneous group; they often had different features of culture and traditions. There were several Jewish communities there: the so-called “European” Jews (who arrived from Russia) led by their own chief rabbi; besides, in Central Asia there lived “native” Jews who got the status of Russian citizens and had their own rabbi. In this regard, it seems interesting to trace the conditions of the conversion of these different groups of Jews to Christianity, their motives and the attitude of official authorities towards them. It is important to note that the Jews of the Turkestan Krai converted not only to Orthodoxy, but also Catholicism, Lutheranism, Armenian-Gregorianism, and other faiths. However, the tsarist authorities believed that the conversion of Jews to non-Orthodox confessions was not enough to free them from the imposed legislative restrictions. In general, the example of the situation in Turkestan allows us to see that the features of the adoption of Christianity and the change in the legal status of Jews often depended on the region in which they were baptized. In addition, it was the factor of belonging to a certain Jewish community that played an important role.

Keywords: Christianity, Judaism, the Jewish issue, Turkestan, religious tolerance, Central Asia

For citation: Litvinenko, Pavel V. “Baptism of Adepts of Judaism in the Turkestan Krai in the Second Half of the 19th – Early 20th Century: Scope and Motivation.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 3 (August 2022): 404–416. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-404-416>

Введение

После разделов Польши последней трети XVIII в. на территории Российской империи оказалось много евреев, большинство которых отличалось преданностью религиозным традициям. Но были и вероотступники. Среди тех, кто принял христианство непосредственно после разделов Польши, можно упомянуть еврея Абрама Перетца (1771–1833), водившего дружбу с В.П. Кочубеем, М.М. Сперанским, Н.Н. Новосильцевым и др. А. Перетц в 1813 г. обратился в лютеранство. Однако особым регионом в плане подобных переходов из иудаизма в христианство является именно Туркестан, где на религиозные установки оказывали влияние внутренние факторы, особенности региона и его традиций, характер освоения данного края русскими православными христианами.

Процесс перехода российских евреев в христианство (преимущественно, разумеется, в православие) нашел свое отражение в отечественной и зарубежной историографии¹. Исследователями рассматривались как общие, так и частные проблемы евреев в царской России, в том числе и вопросы изменения их веры. Никто из историков не признавал, что переход евреев в христианство был следствием их убежденности в превосходстве данной веры над иудаизмом, но фактически все указывало на рациональные соображения, лежавшие в основе такого религиозного ренегатства. Смысл правительственной политики по отношению к переходу евреев в христианство в царской России, причин, побуждавших к этому, справедливо оценил американский историк А. Гольденвейзер, который писал:

¹ Батуркин А. Вероисповедная политика Российской империи во второй половине XIX в. // Власть. 2009. № 2. С. 77–79; Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012; Вибе Е.Н. Вероисповедная политика самодержавия в Западном крае (1830–1855). СПб., 2009; Герасимова В.А. «Свои» и «чужие»: крещенные евреи в России XVIII века // Вестник РГГУ. Серия: Культурология. Искусствоведение. Музеология. 2010. № 15. С. 139–146; Дудаков С.Ю. Петр Шафиров. Иерусалим, 1989; Сафонов А.А. Государство и конфессии в поздней имперской России: правовые аспекты взаимоотношений. М., 2021; Терюкова Е.А. Российское законодательство начала XX века о вероисповедных переходах // Религиоведение. 2013. № 3. С. 163–177; Ausubel N. The book of Jewish Knowledge. New York, 1964; Baron Salo W. The Russians jews under Tsars and Soviets. London, 1976; Israel G. The Jews in Russia. New York, 1975; Frumkin J., Aronson G., Goldenweiser A. Russian Jewry (1860–1917). New York; London, 1964; Kahan A. Essays in jewish Social and Economic history. Chicago; London, 1986; Porath J.D. Jews in Russia. The last four centuries. New York, 1974.

Царское правительство во все времена поощряло крещение евреев. Открытое притеснение их в России было основано не на расовых или национальных признаках, а исключительно на религиозных. Крещение освобождало любого еврея, принявшего православие, от всех существующих для него ограничений по закону².

В отечественной историографии нашла освещение тема жизни евреев Русском Туркестане³. Появились и работы, затрагивающие проблему отношения ислама и иудаизма⁴.

Однако следует заметить, что в изучении переходов евреев в христианство в Туркестане до сих пор остается немало лакун, устранить которые отчасти и призвана настоящая публикация.

При подготовке статьи автор опирался на совокупность общенаучных и специальных методов, применяемых в историческом исследовании, например сравнительный и историко-антропологический подходы. Данные методы позволили выявить особенности переходов в христианство отдельных этнических групп, проследить их взаимодействие на бытовом и духовном уровне с местным населением, определить влияние на характер их деятельности новой религиозной традиции.

Правовые основы перехода евреев в христианство

Обращение евреев в христианство в Российской империи имело региональную специфику. Например, евреи «внутренних» губерний России предпочитали принимать христианство в его православной, католической и лютеранской модификациях, о чем пишет исследователь Е. Норкина⁵. Она же отмечает, что их кавказские единоверцы чаще обращались к более близкой и понятной им армяно-григорианской вере. Они хотели быть ближе к армянскому деловому и культурному миру. На то же указывает и армянский историк В. Микаелян⁶. Вопрос о переходе евреев в христианство в Русском Туркестане, то есть на всех территориях Средней Азии, находившихся под царской юрисдикцией, будет рассмотрен ниже. Здесь же необходимо указать, что повсеместно крещение евреев происходило на единой законодательной основе, которая устанавливала порядок подготовки евреев к принятию крещения⁷. В процедурном отношении оно происходило на основании статьи 25-й «Устава духовных консисторий», содержащей требования для крещения иноверцев (нехристиан)⁸. Статья 76-я «Устава духовных дел иностранных исповеданий» возлагала на православных священников особенную обязанность соблюдать правила крещения евреев⁹. Учитывая, что евреи могут обращаться в неправославные христианские исповедания, статья 7-я указанного «Устава» уточняла:

Евреи могут, по желанию их, быть принимаемы в Христианскую веру всякого терпимого в государстве иностранного исповедания по правилам, при сем приложенных¹⁰.

² *Goldenweiser G. Legal status of jews in Russia // Russian Jewry (1860–1917) / Jacob Frumkin, Gregor Aronson, Alexis Goldenweiser. New York; London, 1964. P. 87.*

³ *Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927; Евреи в Средней Азии: прошлое и настоящее. Экспедиции, исследования, публикации: сб. науч. трудов / сост. И.С. Дворкин. СПб., 1995; Каганович А. Друзья поневоле. Россия и бухарские евреи, 1800–1917 гг. М.: НЛО, 2016.*

⁴ *Lewis B. The Jews of Islam. London, Melbourne and Henley. 1981; Tahir C.A. Jewish life under Islam. Cambridge, 1984.*

⁵ *Норкина Е. «Еврей армяно-григорианского исповедания»: к вопросу о мотивах крещения евреев в Российской империи в начале XX в. // XII Международная ежегодная конференция по иудаике. Голицыно, 1–3 февраля 2015 года. М., 2015. С. 171–172.*

⁶ *Микаелян В. Как и почему российские евреи принимали христианство по армянскому обряду (1910–1915). Ереван, 1999.*

⁷ ПСЗРИ-2. СПб., 1863. С. 591–592.

⁸ Там же. 1842. С. 224–225.

⁹ Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11. Ч. 1. С. 19.

¹⁰ Там же. СПб., 1912. Т. 11. Ч. 1. С. 2, 157–158.

От евреев требовалось хорошее знание догматов христианства, его «тайнств», обрядов, повседневного соблюдения норм церковно-приходской жизни и т. п. Повсеместно в Российской империи, независимо от вероисповедания, все христианские священники были обязаны строго придерживаться установленных государством правил крещения евреев.

Царские власти понимали, что последние принимают христианство не искренно, а руководствуясь прагматическими целями – освободиться от существующих для них законодательных преград. Был и другой способ избавиться от них – получить диплом о высшем образовании, однако для абсолютного большинства российских евреев это было чрезвычайно затруднительно. Поэтому переход в христианство казался им более предпочтительным. Но он не был легким, несмотря на то что Русская православная церковь была всегда исполнена прозелитических намерений относительно иноверцев.

Евреи старались преодолеть препятствия, осуществив переход в любое христианское исповедание, чтобы избавиться от довлеющих над ними законодательных ограничений. Известно, что в дореволюционной России издавна существовало христианское сектантство. Со временем оно росло за счет прибавления новых религиозных организаций, в том числе западного типа (баптизм, штундизм, адвентизм и др.). Вступление в секты не требовало никаких бюрократических процедур, осуществлялось быстро, легко и просто. Поэтому во второй половине XIX – начале XX в. все больше евреев устремлялось в лоно христианского сектантства. Однако, как и в случаях с переходом в ислам, вступление в его ряды не спасало евреев от вышеуказанных законодательных ограничений. 20 июня 1910 г. министр внутренних дел П.А. Столыпин направил запрос в Правительствующий Сенат относительно того, освобождаются ли евреи от принятых для них ограничений в связи с переходом в христианское сектантство. Столыпин не дождался ответа, так как через год был убит в Киеве. Но Сенат размышлял еще дольше, поскольку только 23 февраля 1912 г. объявил, что переход евреев в христианское сектантство возможен, однако и после этого введенные для них законодательные ограничения остаются в силе¹¹.

Царское законодательство указывало, что евреи, не совершившие «важных» преступлений перед государством и принявшие в ходе суда и следствия христианство, получали наказание, которое могло быть «не только уменьшаемо... но даже смягчаемо»¹². О том же гласила статья 157-я (п. 3) «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г.¹³

Переходы евреев в христианство в Русском Туркестане

Специфика Средней Азии заключалась в том, что в этом регионе евреи не представляли собой однородной массы, в отличие от европейской России, где они имели общий язык, сходные черты культуры и быта. В Русском Туркестане все было иначе. Во-первых, в крае функционировала община так называемых «европейских» (прибывших из России) евреев во главе с собственным главным раввином. Они говорили на своем языке – идише. Во-вторых, в регионе проживали тысячи среднеазиатских «туземных» евреев, то есть получивших статус российских подданных, имевших тоже своего раввина. Они говорили на персидском языке с элементами древнееврейского языка иврита. Как отмечал П.П. Литвинов, «европейские» и «туземные» евреи не

¹¹ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее – ЦГА Узб.). Ф. 18. Оп. 1. Д. 5302. Л. 1 об.

¹² Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 15. Кн. 1. С. 40.

¹³ ПСЗРИ-2. СПб., 1846. С. 624.

понимали друг друга и имели отдельные молитвенные заведения – синагоги¹⁴. Наконец, в российской части Средней Азии пребывали евреи иностранного подданства – бухарские, хивинские, афганские, персидские, китайские (из Восточного Туркестана) и даже турецкие. У них не было своей единой организации и церковной иерархии. Они имели свои и также сторонились «европейских» евреев.

Наиболее передовой частью иудаистского сообщества были, разумеется, «европейские» евреи. В 1871 г. именно они образовали в Ташкенте «Общество вспомоществования бедным», которое возглавил известный туркестанский врач Берко Магнетштейн. Военный губернатор Сырдарьинской области, генерал-лейтенант Н.Н. Головачев писал туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману, что

образовавшееся в Ташкенте еврейское общество принадлежит к числу таких, которые составляют без противной порядку, спокойствию, нравственности и вообще законам цели, но только без ведома надлежащего начальства¹⁵.

Именно из среды «европейских» евреев поступали прошения о переходе в христианство или заявления о выходе из «господствующей веры».

В Русском Туркестане число переходов евреев в православие и иные христианские верования было небольшим. Играли свою роль указанные выше трудности этого процесса, воздвигаемые царским законодательством и церковными процедурами. Однако, в начале XX в. условия изменились. В апреле 1905 г. вышел царский указ об укреплении начал веротерпимости, а за ним последовало соответствующее решение правительства¹⁶. Циркуляр МВД от 18 августа 1905 г. разъяснил всем, в том числе «инославному» (неправославному христианскому) клиру, как следует применять эти документы. Либеральные надежды евреев подкрепил знаменитый царский манифест от 17 октября 1905 г., обещавший «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы»¹⁷.

В начале XX в. евреи, желавшие посредством перехода в христианство (в основном в православие) повысить свой социальный статус и приобрести свободу деятельности, стали чаще обращаться к священникам относительно крещения. Среди православных священнослужителей самыми труднодоступными в общении считались военные священники. Однако именно эту когорту православного клира туркестанские евреи использовали в целях решения своих вероисповедных проблем. В 1912 г. туркестанский генерал-губернатор генерал-лейтенант А.В. Самсонов неожиданно узнал о том, что в период с 1908–1912 гг. военные священники одного только города Ташкента окрестили 27 евреев. Он был неприятно удивлен этим обстоятельством и поручил расследовать это дело своему старшему чиновнику для особых поручений, статскому советнику Радзиевскому. 29 ноября 1912 г. тот представил Самсонову доклад о том, что из 27 неопитов православия законным образом были окрещены только 4 еврея, а остальные 23 «новокрещена» стали христианами с нарушением предусмотренных законом церковных процедур. Но самое удивительное заключалось в том, что все они были окрещены одним человеком – священником 1-го Туркестанского стрелкового полка. Радзиевский писал:

Священником Булгаковым, главным образом, крещены евреи, которым нужно было приобрести права жительство в крае¹⁸.

¹⁴ Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Елец, 1996. С. 185.

¹⁵ ЦГА Узб. Ф. 17. Оп. 1. Д. 352. Л. 22 об.

¹⁶ ПСЗРИ-3. СПб., 1908. С. 257–262.

¹⁷ Там же. С. 754–755.

¹⁸ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 31. Д. 882. Л. 2.

Ранее тот постоянно нуждался в деньгах, но потом разбогател и приобрел собственный дом в Ташкенте. По мнению Радзиевского, православный «капеллан» при крещении евреев во многом нарушал положения «Высочайшего» указа из Святейшего Правительствующего Синода от 2 апреля 1903 г., который запрещал крещение иудеев

вне черты еврейской оседлости без предоставления ими свидетельств на право жительства всей сей черты¹⁹.

Как отмечалось, многие евреи прибегают к крещению с тем, чтобы иметь льготы православных и иных христиан. Поэтому вменялось в обязанность всем христианским священникам отказывать в крещении евреям без свидетельства на право жительства в данной местности. Радзиевский, на наш взгляд, был не совсем прав, поскольку территория Туркестанского края не входила в официальную «черту оседлости», так как на «туземных» евреев антиеврейское царское законодательство не распространялось, и они имели все права российского подданства. Когда в Туркестанском крае началась кампания по выселению «европейских» евреев, то она распространялась только на тех из них, кто прибыл в Среднюю Азию из мест, входивших в «черту оседлости». Радзиевский указывал, что евреи платили Булгакову за то, что он крестил их, не испрашивая у них свидетельств на право проживания в Туркестанском крае. Однако этого здесь не требовалось, так как достаточно было регистрации места жительства в полиции.

Чиновник сам отмечал, что при крещении евреев священник требовал только согласие на то местного начальника уездной полиции или городского полицмейстера. Он упрекал Булгакова в том, что тот не настаивал на присутствии при крещении чинов местной администрации. Но и это было необязательным, поскольку военное духовенство находилось не в епархиальном ведении, а подчинялось Протопресвитеру военного и морского духовенства²⁰. Поэтому Радзиевский признавал, что военные священники, не подчиненные Туркестанской православной епархии, имели больше свободы уклоняться от требований при крещении евреев, так как контролирующее их действия начальство находилось далеко от Туркестанского края. И здесь он тоже был не совсем прав, так как деятельность военных священников контролировали, прежде всего, командиры тех воинских подразделений, при которых функционировали их причты. Они фактически не вмешивались в ее обрядовую сторону. Кроме того, за «капелланами» надзирали благочинные военных церковных округов, которые считали крещение иноверцев способствующим росту престижа Русской православной церкви на мусульманской окраине страны.

Тем не менее, туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов обратился 21 января 1913 г. к Протопресвитеру армии и флота Г.И. Шавельскому с письмом, в котором отмечал, что подчиненные тому военные священники нарушают правительственные законоположения, в том числе в части крещения иноверцев-евреев. Он приводил в пример священника Булгакова и требовал прекращения порочной практики по крещению иноверцев без соблюдения установленных законом процедур. 28 февраля 1913 г. Протопресвитер сообщал Самсонову о том, что он специальным циркулярным распоряжением предписал всем военным священникам строго соблюдать все правила крещения иноверцев, а сам он лично сделал Булгакову «строгое внушение»²¹. Было очевидно, что православный «капеллан» пострадал более не за нарушение церковных уставов по крещению евреев, а за полученные

¹⁹ ЦГА Узб. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2083. Л. 140.

²⁰ ПСЗРИ-3. СПб., 1893. С. 470–481.

²¹ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 31. Д. 882. Л. 5.

при этом взятки, в чем никто из царской администрации Русского Туркестана не сомневался.

Следует отметить, что при крещении иноверцев, особенно евреев, мздоимством грешили и епархиальные священнослужители Туркестанского епископата. В этом отношении любопытно письмо епископа Туркестанского и Ташкентского Димитрия (Абашидзе), направленное летом 1912 г. под грифом «строго секретно» всем «Отцам-настоятелям церквей Туркестанского края для руководства и неуклонного исполнения». Епископ писал о том, что «евреи, к общей скорби всех православных христиан, великое тяжелое бремя для русского народа», захватили в свои руки торговлю и проникают во все концы империи. Правительство пытается им препятствовать, однако евреи изворотливы и преодолевают все препоны, пользуясь разными методами, одним из которых является «лицемерное принятие ими христианства». Димитрий отмечал, что иудей все равно и после крещения остается врагом Христа и «закоренелым евреем». Он писал, ссылаясь на Евангелие от Матфея (Матф. 7, 15):

Мы обязаны охранять ограду Церковную от хищных волков, приходящих к нам в овечьей шкуре²².

Епископ приводил примеры северо-западных губерний России, где евреи женились на православных женщинах, принимали крещение, а потом бросали своих жен. Архиерей призывал священников Туркестанской епархии помнить Заповедь Господню:

не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими, и, обратившись не растерзали вас²³.

Вместе с тем Димитрий указывал, что нельзя полностью закрывать перед всеми евреями дверь в православную веру и что крещение каждого еврея должно совершаться только «с епископского разрешения». Таким образом, он брал на себя роль единоличного вершителя судеб людей, желающих пересечь порог «врат церковных». Архиерей требовал от священников прежде всего наблюдать за евреями, пожелавшими стать христианами, подолгу беседовать с ними «по душам» и непременно потребовать от них представить все надлежащие документы для крещения. Он также советовал интересоваться прошлым и настоящим каждого еврея – кандидата в православные.

Димитрий приводил пример, когда один из «пастырей» Туркестанской епархии готовил еврея к принятию крещения и только в конце случайно узнал о том, что претендент в православные является содержателем «дома терпимости». Особо епископ рекомендовал священникам принимать в христианство не одних только глав еврейских семей, а требовать от них, чтобы и все другие их члены тоже «присоединялись» к религии Спасителя. Причем глава еврейской семьи должен был сам убеждать жену и детей в необходимости стать православными. В противном случае священникам рекомендовалось отказывать желающим евреям в принятии православия. Архиерей также требовал, чтобы православные «пастыри» устанавливали для каждого новокрещенного еврея испытательный срок, на протяжении которого они должны были строго наблюдать за тем, как он исполняет православные обряды, посещает церковь, крестные ходы и т. п. Димитрий запрещал священникам подавать прошения о сокращении испытательного срока для неофитов из евреев. Он требо-

²² ЦГА Узб. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2083. Л. 147 об.

²³ Там же. Л. 148.

вал, чтобы обряд крещения для них происходил непременно в присутствии «надежных людей» прихода и местного начальства. После таинства крещения евреев священник обязан был посещать их дома и освятить в них все имущество. Епископ указывал, что потом священник должен регулярно посещать неофита-еврея на дому, вести с ним продолжительные беседы на религиозно-нравственные темы.

Он обязывал «пастырей» на праздники Пасхи и Рождества Христова посещать дома крещеных евреев для совершения в них молитв, окропления жилища, вещей и т. п. Одной из главных обязанностей священников архиереев считал бдительное наблюдение за тем, чтобы неофиты из евреев регулярно посещали богослужения в храмах. Архиерей предупреждал, что, если крещеный еврей не исполняет обряды православия, то с ним следует провести два «увещания», после чего в случае их бесполезности, считать того отпавшими вновь в «жидовство». Поэтому он предписывал «пастырям» проявлять строжайшую бдительность в охране интересов «господствующей веры» и регулярно доносить ему о поведении крещеных евреев²⁴. Димитрий призывал священников добиваться того, чтобы молодые крещеные евреи женились на православных женщинах.

Следует отметить, что указанное послание православному клиру Туркестанской епархии не прекратило нарушений священниками порядка крещения евреев. Они продолжались. Газета «Туркестанские ведомости» писала в 1913 г. о том, что епархиальная Духовная консистория уличила одного из священников в том, что он окрестил еврея без соблюдения «существующих узаконений». В связи с этим она предупредила всех «пастырей» края о том, что за нарушение порядка крещения евреев они будут нести максимально строгую ответственность, вплоть до отрешения от должности²⁵. Это подтверждало мнение выпускника Московской духовной академии С. Заслоновского, который писал о том, что он ранее жил в Туркестанском крае и убедился в том, что таинство Крещения совершается там небрежно²⁶.

Безусловно, крещение adeptов иудаизма в Туркестанском крае не было массовым явлением, однако и очень редким его тоже нельзя назвать. Ежегодно имели место случаи такого рода. Более всего «европейских» евреев было в Семиреченской области. Здесь на их крещении по поручению Туркестанской духовной консистории специализировался военный священник Дмитрий Солнцев. В 1890 г. он окрестил двух евреев Теве Франка и Иосифа Каплуна²⁷. Судя по документам, в Семиреченской области до 1917 г. ежегодно принимали христианство 2–3 еврея, а иногда и более. В других областях Русского Туркестана положение в этом отношении было не хуже. В 1910 г. в Сырдарьинской области перешли в православие семеро евреев – шесть мужчин и одна женщина. Причем, шесть случаев приходились на один город Ташкент и только один – на Перовский уезд²⁸. В 1911 г. в Самаркандской области перешли в православие 5 евреев – 1 мужчина и 4 женщины, причем все случаи приходились на один город Самарканд²⁹.

Как отмечалось выше, евреи, принявшие христианство в местах заключения, могли тем самым смягчить наказание, а то и вообще избавиться от него. Так, например, в 1891 г. еврей-солдат Ицко Клоцман, сидевший в тюрьме за кражу золотых

²⁴ ЦГА Узб. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2083. Л. 149.

²⁵ Туркестанские ведомости. 1908. 4 апреля. С. 130–142.

²⁶ Заслоновский С. Как совершается таинство Крещения в Туркестане и как оно должно совершаться // Туркестанские епархиальные ведомости. 1908. 15 апреля. С. 235–239.

²⁷ Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА Каз.). Ф. 294. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–10.

²⁸ ЦГА Узб. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2061. Л. 9, 11

²⁹ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 2967. Л. 10.

часов, принял православие и сразу оказался на свободе³⁰. Но это удавалось евреям-арестантам не всегда. 13 июля 1912 г. подал прошение на имя военного губернатора Сырдарьинской области, генерал-лейтенанта А.С. Галкина о переходе в православие арестант-еврей Исаак Зумер. Он отмечал, что с малых лет жил среди русских людей, вращался только среди них и ему нравятся все обряды христианской веры. Поэтому он просил разрешить ему принять православие³¹. После консультаций с Туркестанским епископом ему отказали, поскольку не хотели ронять престиж «господствующей веры» связью с арестантом. Но это было скорее исключением, чем правилом. Большинство иноверцев (нехристиан), оказавшихся на скамье подсудимых, получали существенную «скидку» при наказании, если они принимали христианство, особенно православие. 15 февраля 1915 г. подал прошение на имя генерала Галкина проштрафившийся еврей Фулядавид Букшун. Он указывал, что его отец пять лет назад принял православие, а родная сестра вышла замуж за христианина, присоединившись к вере мужа. Букшун писал:

Вспыхнувшая полгода назад отечественная война <...> заставила меня пожалеть о том, что я не исповедую господствующую в моей стране религию³².

Еврей подчеркивал, что он принял решение о крещении, «вернувшись из похода по болезни». Его настроения и заслуги как солдата были учтены властями, в связи с чем он получил разрешение принять православие, а потом был прощен властями³³.

Светские и духовные власти Туркестанского края охотно разрешали принятие православия евреям, вступающим в брак с православными. Так, 27 июня 1915 г. еврейка Ревекка Купчик подала прошение сырдарьинскому губернатору о желании принять христианство в связи с выходом замуж за православного, заведующего пересыльной частью управления ташкентского воинского начальника, прапорщика Бутина. Уже 21 июля 1915 г. генерал Галкин писал полицмейстеру «Русской части» города Ташкента: «Мною разрешено еврейке Ревекке Кальмановой Купчик переход в православие»³⁴.

Строгие указания туркестанского архиерея Димитрия относительно того, чтобы крещеные евреи вовлекали в христианство и всех членов своих семей с угрозами в противном случае отказывать им в крещении, вошли в противоречие с политикой Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. 30 июля 1915 г. архиерей Димитрий писал временному туркестанскому генерал-губернатору Ф.В. Мартсону о том, что в последние годы стало поступать много прошений от евреев о присоединении к православию их детей до 14 лет, однако при этом многие из них сами не изъявляли желание стать христианами. Департамент пояснял, что все это происходит потому, что такие евреи вовсе не разделяют религиозно-нравственные идеалы христианства, а

имеют в виду лишь освободить своих детей от установленных для евреев ограничений с предоставлением им всех прав, сопряженных с переходом евреев в христианство³⁵.

³⁰ Центральный государственный архив Туркменистана (далее – ЦГА Тур.). Ф. 1. Оп. 2. Д. 2827. Л. 14.

³¹ ЦГА Узб. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2083. Л. 132–132 об.

³² Там же. Д. 2161. Л. 45.

³³ Там же. Л. 45.

³⁴ Там же. Л. 71.

³⁵ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 5553. Л. 1.

Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел напоминал туркестанскому генерал-губернатору о том, что на основании содержания тома XI, части I «Свода Законов» полицейские органы должны наблюдать за тем, чтобы евреи не принимали крещения «фиктивно, лишь в целях приобретения прав»³⁶. 2 июня 1915 г. Правительствующий Сенат признал, что, на основании «Правил о принятии евреев в инославные христианские исповедания» прошения евреев о принятии их детьми христианства принимать не следует, если сами родители при этом остаются в иудейской вере и не хотят принимать религию Христа³⁷.

Важно отметить, что евреи Туркестанского края принимали не только православие, но и другие вероучения христианства, называвшиеся в царских законах «инославием» – католичество, лютеранство, армяно-григорианство и др. Царские власти считали, что переход евреев в «инославие» недостаточен для освобождения от наложенных на евреев законодательных ограничений.

Показателен в этом отношении следующий пример. Андижанский уездный начальник писал 8 января 1914 г. в Ферганское областное правление о том, что еврей Давид Лифшиц принял лютеранство с целью получить возможность жить вне черты еврейской оседлости. При этом вся его семья осталась в иудействе. Поскольку Лифшица должны были выселить, то он принес справку от раввина о том, что он развелся со своей женой-еврейкой. Однако власти признали справку фиктивной, как и расторжение брака. Начальник Андижанского уезда отмечал, что Лифшица вместе со всем его семейством надо выселить из Туркестанского края. Однако тот не смирился с намерениями властей. Он обратился с прошением к военному губернатору Ферганской области, генерал-лейтенанту А.И. Гиппиусу, в котором указывал, что он честно принял христианство и потому решение уездного начальника является незаконным. Ферганский губернатор обратился за советом к туркестанскому генерал-губернатору, генерал-лейтенанту А.В. Самсонову. Последний указал 17 января 1914 г. Гиппиусу, что он лично разрешает Лифшицу проживать вместе с семьей в Андижане и впредь³⁸. Но Андижанский уездный начальник не согласился в этом отношении даже с Главным начальником края, как нередко называли туркестанского генерал-губернатора. Он продолжал настаивать на высылке Лифшица с семейством, если не из всего Туркестанского края, то хоть из Андижанского уезда. Лифшицу пришлось снова подавать прошение о незаконности действий уездного начальника, однако на сей раз на имя самого генерал-губернатора Самсонова. Тот был удивлен упорством уездного чина и 25 апреля 1914 г. писал военному губернатору Ферганской области о том, что Андижанский уездный начальник нарушает правила о выселении евреев. Прежде всего, для этого недостаточно решения на уездном уровне, а вопрос следует рассматривать на заседании Общего присутствия областного правления, причем решение его должно быть серьезным образом обосновано³⁹.

Туркестанского еврея, принявшего христианство, могли выселить только в том случае, если он принадлежал к так называемым «пирровцам». Суть дела заключалась в том, что многие евреи крестились в протестантство у настоятеля Гельсингфорского северного шведского прихода Артура Пирро. В связи с этим министр внутренних дел А.Н. Маклаков разослал повсеместно циркуляр о том, что все евреи, крещенные у Пирро, не имеют полных гражданских прав, так как они нарушили

³⁶ Свод законов Российской Империи. СПб., 1912. С. 1–178.

³⁷ ЦГА Узб. Ф. 18. Оп. 1. Д. 5553. Л. 1.

³⁸ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 29521. Л. 4.

³⁹ Там же. Л. 18.

требования, согласно которым еврей, желающий перейти в «инославие», должен предварительно получить разрешение МВД на переход в «иную» христианскую веру⁴⁰. Туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов находил поведение Андижанского уездного начальника в отношении местных евреев излишне жестким. Например, тот выдворил в 1914 г. из Андижана приехавшего из города Шемахи Бакинской губернии еврея Хайвата Хизкиляева, несмотря на то, что тот доказывал, что Закон о евреях от 18 июля 1892 г. на кавказских евреях не распространяется. Противоборство высшего начальника Туркестанского края с одним из уездных руководителей, понятно, не могло закончиться победой низшего чина и потому «лютеранин» Лифшиц остался с семейством жить в Андижане. Фактически в это же время в Семиреченской области развернулась целая эпопея, связанная с принятием лютеранства евреем Бороухом Иливицким⁴¹.

Переходы евреев в православие были окончательными и бесповоротными. Царское законодательство запрещало православным произвольно покидать ряды «господствующей веры» и переходить в другие исповедания. Такие поступки рассматривались как уголовные преступления и влекли за собой суровые наказания. Особенно жестоко наказывались переходы православных в иноверие – ислам и иудаизм, причем измена в пользу последнего считалась более предосудительной. Казни подвергались не только ренегаты, но и те, кто побудил их к этому. Даже либеральные вероисповедные законы от 17 апреля 1905 г. не допускали переходов православных в иноверие – ислам, иудаизм, буддизм и др., кроме лиц, чьи предки были некогда мусульманами – категория так называемых «ногайбаков»⁴². Что касается «инославных» христианских исповеданий, то те, кто перешел в них из других религий, имели право возвращаться в лоно покинутой веры. Такие случаи имели место и в Русском Туркестане. Так, 30 августа 1916 г. еврейка Анна Марголина подала прошение на имя военного губернатора Сырдарьинской области, генерал-лейтенанта А.С. Галкина, в котором просила того разрешить ей перейти из лютеранства в иудейство. Она сообщала о том, что стала лютеранкой после крещения в 1914 г. и отмечала, что после принятия этого находилась «в угнетенном нравственном состоянии», испытывая чувство стыда за предательство перед своими предками. Марголина указывала, что уже подала 8 августа 1916 г. заявление в Московскую евангелическо-лютеранскую консисторию о выходе из лютеранской веры. И слезно просила генерала Галкина разрешить ей вернуться в родную веру ее предков⁴³.

Выводы

Как и все мировые религии, иудаизм сурово осуждал вероотступничество. Однако, оказавшись в диаспоре, в окружении христиан, часть евреев стала принимать доминирующую религию с тем, чтобы упрочить свое положение в государстве и обществе. Так было и в Российской империи. Принятие крещения было, пожалуй, единственным способом избавиться от ограничений, установленных царизмом для адептов иудаизма. Кроме того, оно облегчало положение евреев, оказавшихся под судом и следствием.

Переход евреев в христианство носил региональный характер, но при этом повсеместно он осуществлялся на единой основе царского законодательства. Однако он нередко нарушался в Русском Туркестане, где в условиях «военно-народного

⁴⁰ ЦГА Узб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 29521. Л. 20.

⁴¹ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3982.

⁴² ПСЗРИ-3. СПб., 1908. С. 257–262.

⁴³ ЦГА Узб. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2114. Л. 83.

управления» евреи старались принимать крещение у армейских священников, не подчиненных епархиальному руководству, а потому более свободных в отправлении прозелитических функций. Поэтому епархиальные власти требовали ужесточения условия крещения евреев, в частности, не только личного приобщения неофитов, но и всех членов их семей. Попытки евреев обойти православный клир через принятие «инославия» не всегда имели успех. Приобщение к христианским сектам вообще никак не меняло их правового статуса. Специфика Русского Туркестана в деле крещения евреев заключалась в том, что здесь его принимали только «европейские» евреи, поскольку их «туземным» единоверцам оно не давало ничего, так как они были полностью свободны от действия на них имперского законодательства о евреях и потому не нуждались в тех привилегиях и льготах, которое оно предоставляло при крещении российских евреев.

Поступило в редакцию / Submitted: 05.04.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 15.06.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 08.07.22

References

- Ausubel, N. *The book of Jewish Knowledge*. New York: Crown, 1964.
- Baron Salo, W. *The Russians Jews under Tsars and Soviets*. London: Macmillan, 1976.
- Bartol'd, V.V. *Istoriya kul'turnoy zhizni Turkestana*. Leningrad: akademiya Nauk SSSR Publ., 1927 (in Russian).
- Baturkin, A. "Religious Policy of the Russian Empire in the Second Half of the 20th Century." *Vlast' Journal*, no. 2 (2009): 77–79 (in Russian).
- Dudakov, S.Yu. *Petr Shafirov*. Iyerusalim: [S.n.], 1989 (in Russian).
- Dvorkin, I.S., ed. *Evrei v Sredney Azii: proshloe i nastoyashchee*. Ekspeditsii, issledovaniya, publikatsii. Sbornik nauchnykh trudov. St. Petersburg: peterburgskii Evreiskii Universitet Publ., 1995 (in Russian).
- Frumkin, J., Aronson, G., and Goldenweiser, A. *Russian Jewry (1860–1917)*. New York; London: Union of Russian Jews, 1964.
- Gerasimova, V.A. " 'Friends' and 'Strangers': the Baptism of Jews in Russia in the 18th Century." *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Culturology. Art criticism. Museology*, no. 15 (2010): 139–146 (in Russian).
- Gitlin, S.I. "European Jews in Russian Turkestan at the turn of the 19–20th centuries." *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 2 (2018): 296–319. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-2-296-319 (in Russian).
- Goldenweiser, G. "Legal status of Jews in Russia." In *Russian Jewry (1860–1917)*, 320–335. New York; London: Yoseloff, 1964.
- Israel, G. *The Jews in Russia*. New York: St. Martin's Press, 1975.
- Kaganovich, A. *Druz'ya ponevole. Rossiya i bukharskie yevrei, 1800–1917 gg.* Moscow: NLO Publ., 2016 (in Russian).
- Kahan, A. *Essays in Jewish Social and Economic History*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1986.
- Litvinov, P.P. *Neislamskie religii Sredney Azii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)*. Yelets: Yeletskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut Publ., 1996 (in Russian).
- Mikayelyan, V. *Kak i pochemu rossiiskie evrei prinimali khristianstvo po armyanskomu obryadu (1910–1915)*. Yerevan: Nairi Publ., 1999 (in Russian).
- Minkina, O. "Kozha and Deputies: 'Jewish Politics' of the End of the 18th Century – the Beginning of the 20th Century in the Folklore 'Pale of Settlement'." *Zelenin readings. Anthropological Forum*, no. 11 (2009): 315–327 (in Russian).
- Norkina, Ye. "Yevrey armyano-grigoriyanskogo ispovedaniya: k voprosu o motivakh kreshcheniya evreyev v Rossiyskoy imperii v nachale XX v." In *XXII Mezhdunarodnaya yezhegodnaya konferentsiya po iudaïke. Golitsyno, 1–3 fevralya 2015 goda*, 171–182. Moscow: Probel-2000 Publ., 2015 (in Russian).
- Porath, J.D. *Jews in Russia. The Last Four Centuries*. New York: United Synagogue Commission on Jewish Education, 1974.

- Safonov, A.A. *Gosudarstvo i konfessii v pozdneimperskoy Rossii: pravovyye aspekty vzaimootnosheniy: monografiya*. Moscow: Prospekt Publ., 2021 (in Russian).
- Teryukova, Ye.A. “On Freedom of Conscience and Freedom of Religion in Russia (1907–1917).” *Vestnik of Saint Petersburg University*, no. 3 (2013): 56–60 (in Russian).
- Teryukova, Ye.A. “Russian Legislation of the Early 20th Century on Religious Transitions.” *Religious Studies*, no. 3 (2013): 163–177 (in Russian).
- Vert, P. *Pravoslaviye, inoslaviye, inoverie: ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossiyskoy imperii*. Moscow: NLO Publ., 2012 (in Russian).
- Vibe, Ye.N. *Veroispovednaya politika samodержaviya v Zapadnom kraye (1830–1855)*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy institut istorii RAN Publ., 2009 (in Russian).
- Zaslonovskiy, S. “Kak sovershaetsia tainstvo Kreshcheniia v Turkestane i kak ono dolzhno sovershat'sia.” *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. April 15, 1908, 235–239 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Павел Валерьевич Литвиненко, генеральный директор, ОАО «ВНИИР-Прогресс»; 428024, Россия, Чебоксары, пр-т И.Я. Яковлева, д. 4; masterlitvinenko@yandex.ru

Pavel V. Litvinenko, General Director, OAO VNIIR-Progress; 4, I.Ya. Yakovleva Ave., Cheboksary, 428024, Russia; masterlitvinenko@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-417-431>

Научная статья / Research article

Нормативно-правовые и социальные аспекты белорусской экономической эмиграции в Канаду в 1920–1930-е гг.

Ольга Владимировна Коваль

Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь

✉ koval@belstu.by

Аннотация: Изучаются особенности формирования белорусской экономической эмиграции в Канаду. Проанализирована интенсивность эмиграции из Западной Беларуси, территории которой с 1921 по 1939 г. входили в состав Польши. Исторической базой исследования стали неопубликованные документы белорусских, украинских и польских архивов. Представлена структура государственных эмиграционных органов, которые занимались организацией и контролем рекрутации эмигрантов, их трудоустройством и процессом реэмиграции. Выделены особенности канадского законодательства, которые оказали влияние на масштабы белорусской эмиграции и на правовую адаптацию эмигрантов. Особое внимание уделяется роли железнодорожных канадских компаний «Canadian National Railways» и «Canadian Pacific Railways» в отборе эмигрантов и в их трудоустройстве в сельском хозяйстве и промышленности. В исследовании подчеркивается, что польские власти стимулировали эмиграцию белорусского населения с целью ускоренной колонизации Западной Беларуси. Автор приходит к заключению о проблемной социально-психологической адаптации белорусских эмигрантов при слабо выраженной национальной идентификации белорусов Канады. Особое влияние на формирование белорусской диаспоры в Канаде и национальной идентичности эмигрантов оказывали взаимодействия с представителями других народов, участие в общих политических организациях и совместных проектах.

Ключевые слова: эмиграционная политика, международная защита беженцев, Вторая Речь Посполитая, польская эмиграционная политика

Для цитирования: Коваль О.В. Белорусская экономическая эмиграция в Канаду в 1920–1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 417–431. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-417-431>

Legal and Social Aspects of the Belarusian Economic Emigration to Canada in the 1920s–30s

Olga V. Koval

Belarusian State Technological University, Minsk, Republic of Belarus

✉ koval@belstu.by

Abstract: The author examines the main features for the formation of the Belarusian economic emigration to Canada. The intensity of the emigration from 1921 to 1939 was analyzed, when the territory of Western Belarus was a part of Poland. The historical base of the research was the unpublished documents of the Belarusian, Ukrainian and Polish archives. The article presents the structure of state emigration bodies that were involved in organizing and controlling the recruitment of emigrants, their employment and the process of re-emigration. It describes the features of the Canadian legislation for the scale of the Belarusian emigration and the legal adaptation of emigrants. Particular attention is

paid to the role of the Canadian railway companies “Canadian National Railways” and “Canadian Pacific Railways” in the selection of emigrants and their employment in agriculture and industry. The author argues that the Polish authorities stimulated the emigration of the Belarusian population for the polonization of Western Belarus. The problematic socio-psychological adaptation of the Belarusian emigrants, because Belarusians in Canada weakly expressed the national identity, is described. The author concludes that the international cooperation had an important role in forming the diaspora’s and national identity, especially the international contacts with the representatives of other peoples and the participation in common political organizations and projects.

Keywords: emigration policy, international refugee protection, Second Rzeczpospolita, Polish immigration policy

For citation: Koval, Olga V. “Belarusian economic emigration to Canada the 1920s–30s.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 3 (August 2022): 417–431. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-417-431>

Введение

История белорусской диаспоры продолжает оставаться востребованной темой для суверенной Республики Беларусь. На современном этапе историки активно используют фонды зарубежных архивов, что позволяет специалистам глубже оценить эмиграционные процессы и законодательную базу принимающих государств. Выводы ученых оказывают принципиальное влияние на принятие государственных решений по вопросам развития сотрудничества с представителями белорусского зарубежья. Однако именно в истории национальной эмиграции многие факты продолжают вызывать научную полемику, не позволяющую однозначно охарактеризовать общественных лидеров и организации зарубежья.

Межвоенный период стал временем формирования белорусской диаспоры, деятельность которой демонстрировала развитие национальной идеи, активные контакты эмигрантов с метрополией (как с организациями Западной Беларуси, так и с БССР). История эмиграции, в том числе славянской, из Российской империи и СССР являлась предметом специального изучения еще в советский период в работах А.В. Руденко, А.А. Стрелко, Н.Л. Тудоряну, А.М. Черненко и др.¹ Предметом специального изучения в современной российской историографии стали проблемы адаптации переселенцев в инокультурную среду, история связи диаспор и родины как важного фактора сохранения идентичности. Начало разработке данного научного направления положил академик Ю.А. Поляков². В работах академика Е.И. Пивовара, З.С. Бочаровой, И.В. Сабенниковой, М.Н. Мосейкиной, Т.М. Симоновой представлен анализ положения диаспор выходцев с территории Российской империи и СССР на разных континентах, проблемы их правового статуса, различные аспекты социализации, адаптации и противостояния³.

¹ Руденко А.В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925–1955 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975; Стрелко А.А. Славянское население в странах Латинской Америки (исторический очерк). Киев, 1980; Тудоряну Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США). Кишинев, 1986; Черненко А.М. Российская революционная эмиграция в Америке (конец XIX – 1917). Киев, 1989 и др.

² Поляков Ю.А. Адаптация и миграция в историческом контексте // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.). Исторические очерки. М., 2006.

³ Pivovarov E.I. The world of Russian emigres in the late XX – early XXI centuries. St. Petersburg, 2021; Aleshkovski I.A., Botcharova Z.S., Grebenyuk A.A. The Evolution of the International Refugee Protection between the World Wars // *Social Evolution & History*. 2021. Vol. 20. P. 109–132; Сабенникова И.В. Российская эмиграция. (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002; Мосейкина М.Н. Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–30 годы // *Российская история*. 2010. № 3. С. 98–115; Симонова Т.М. Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925). М., 2013 и др.

Массовая межконтинентальная эмиграция белорусского населения в Канаду имела экономический характер. Изучение экономической волны белорусской эмиграции во многих аспектах еще требует исторического анализа, слабая источниковедческая база не позволяет оценить роль всех национальных общественных и просветительских организаций и объединений зарубежья. Именно поэтому история белорусов в Канаде межвоенного периода представлена фрагментарно и поверхностно. Значительно дополняют фактический материал про эмиграцию в Канаду фонды украинских и польских архивов.

Актуальность данной теме придает необходимость осмысления проблемы экономической белорусской эмиграции. Современные белорусские авторы, согласно устоявшейся историографической традиции, обращают внимание на крупнейшие политические центры белорусов зарубежья (Чехословакия, Аргентина, США и т. д.), оставляя многие аспекты экономической эмиграционной волны вне поля своих исследований. Комплексной работы по истории национальной диаспоры в Канаде в белорусской историографии нет. К вопросам политических и общественных организаций белорусов Канады в своих публикациях обращалась Л.Н. Семенова⁴. Отдельные аспекты формирования экономической эмиграционной волны из западнобелорусских воеводств межвоенной Польши освещены в исследованиях О.Н. Мерчук⁵. Вместе с тем в современной белорусской историографии значительное количество вопросов, объясняющих особенности формирования диаспоры в 1920–1930-е гг., остаются нераскрытыми.

Деятельностью эмигрантов в Канаде активно занимаются польские и украинские историки, которые дополняют своим фактическим материалом слабо разработанную тему, касающуюся белорусского зарубежья. Особое внимание заслуживает монография польского историка, специалиста по истории Канады А. Речиньской «Эмиграция из Польши в Канаду в межвоенный период»⁶, где автор дает оценку количеству белорусских эмигрантов, анализирует отношение польских властей к национальным меньшинствам. Научное исследование поражает объемом изученных архивных материалов, качеством аналитической работы, социальной смелостью автора в оценках политических позиций польских властей, дискриминирующих белорусское население.

К проблемам белорусов в Канаде в своей монографии «Эмиграция из Западной Украины (1919–1939)» также обращается украинский историк С.П. Качараба⁷. Крупнейший украинский специалист по формированию межвоенной эмиграционной волны выделяет не только переселение белорусов Полесского воеводства, но и оценивает деятельность белорусской диаспоры в целом, подчеркивая значение ее взаимосвязей с украинцами зарубежья. Историографическую традицию С.П. Качарабы успешно продолжает молодой исследователь О.И. Дзыра. Работы историка О.И. Дзыры⁸ посвящены исследованию деятельности украинцев Канады, условиям выезда эмигрантов, социально-экономическим особенностям их адаптации в принимающем государстве, формированию общественно-политических организаций.

⁴ Семенова Л.Н. Страницы истории белорусской диаспоры в Канаде в первой половине XX века // Иппокрена. 2007. № 3. С. 55–57.; Семенова Л.Н. Белорусы и Федерация русских канадцев (40–60-е гг. XX в.) // Иппокрена. 2008. № 3. С. 37–50.

⁵ Мерчук В. М. Эміграцыйныя працэсы на тэрыторыі заходнебеларускага рэгіёна 1921–1939 гг. // Восень 1939 года ў гістарычным лёсе Беларусі. Мінск, 2010. С. 171–177.; Мерчук В.М. Эміграцыя насельніцтва з Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук. Брэст: Брэсцкі дзярж. універ. імя А.С. Пушкіна, 2015. С. 8.

⁶ Ręcznińska A. Emigracja z Polski do Kanady w okresie międzywojennym. Wrocław, 1986.

⁷ Качараба С. Еміграція з Західної України (1919–1939). Львів, 2003.

⁸ Дзыра О.І. Українська міжвоєнна імміграція до Канади в зарубіжній історіографії // Рукописна та книжкова спадщина України. Вип. 26. С. 185–196.

В данной статье представлен анализ эмиграционной государственной политики польских властей в отношении белорусов, обозначены особенности политики Канады как государства-реципиента, предпринята попытка оценить масштабы межвоенной белорусской эмиграции. Цель исследования – проанализировав институциональные и нормативно-правовые аспекты белорусской экономической эмиграционной волны в Канаду, установить их влияние на масштабы переселения, процесс интеграции белорусов в социокультурную среду принимающего общества. Особое внимание уделяется проблеме социально-психологической адаптации эмигрантов, а также влиянию мирового экономического кризиса на диаспоральные процессы.

Общие оценки масштабов белорусской эмиграционной волны

По условиям Рижского мирного договора, подписанного 18 марта 1921 г., территории Западной Беларуси и Западной Украины вошли в состав Второй Речи Посполитой. Белорусское население проживало в основном на территориях Белостокского, Виленского, Новогрудского и Полесского воеводств, где активно проходила рекрутация эмигрантов весь межвоенный период. Контроль за миграционными потоками осуществляли польские власти, которые стимулировали эмиграцию белорусов, пытаясь таким образом решить для себя национальный вопрос (снизив количество национальных меньшинств в государстве).

Процесс формирования белорусской диаспоры в Канаде начинается именно в межвоенный период. Связь диаспоры Канады с метрополией отражают материалы периодики Западной Беларуси, являясь одним из основных исторических источников по деятельности белорусов зарубежья. Белорусских эмигрантов отличала компактное расселение в Канаде и определенные сферы занятости (сельское хозяйство, строительство железных дорог и т. д.). Одним из основных критериев при оценке масштабов белорусской эмиграционной волны в Канаду в современных исследованиях становится вероисповедание эмигрантов. Большинство православных жителей Западной Беларуси историки относят к белорусам, однако часть католиков на исконно белорусских землях также считала себя белорусами. Слабая национальная идентичность жителей Западной Беларуси в условиях полонизации создает дополнительные сложности при анализе интенсивности эмиграции в Канаду. Именно вероисповедание и место жительства эмигрантов (западнобелорусские воеводства Польши) являются основными критериями при обработке официальных польских статистических материалов, что делает все оценки количества белорусских эмигрантов приблизительными.

Польские исследователи активно занимались изучением экономической эмиграции в 1980-е гг., вышло немало академических изданий по данной проблематике. Историографическую традицию польские исследователи продолжают и в данный момент. Особый интерес к межвоенному периоду объясняется массовым характером переселенческих процессов. Известно, что с 1918 г. по 1939 г. территорию польского государства покинуло более 2 млн человек, при этом половина эмигрантов так и не вернулась на родину⁹. Эмиграция представляла собой как континентальную, так и межконтинентальную, при этом процент континентальной реэмиграции был значительно выше, так как вернуться на родину из европейских стран переселенцам было проще.

Польский историк А. Речиньска в своей монографии «Эмиграция из Польши в Канаду в межвоенный период» достаточно обосновано оценивает масштабы эмиграционной волны:

⁹ *Olbrycht P. Migracje zarobkowe Polaków – przeszłość i terażniejszość // Zeszyty naukowe ruchu studenckiego. 2014. № 2. P. 19–23.*

Общее количество эмигрантов, которые выехали с польских территорий в Канаду в межвоенный период, по различным подсчетам, следующая: по польским статистическим ежегодникам за 1921–1938 г. составляет 136 558 чел.; по данным Министерства иностранных дел за 1920–1938 г. – 143 543 чел.; по канадским статистическим ежегодникам за 1918–1938 г. – 153 291 чел.; по канадским эмиграционным рапортам за 1918–1939 г. – 147 348 чел.¹⁰

Из приведенных данных следует, что даже официальные государственные структуры не имели возможности точно оценивать интенсивность эмиграции граждан с польскими паспортами. Особую сложность для историков представляет оценка количества белорусов в общем эмиграционном потоке, так как национальная идентификация граждан Второй Речи Посполитой в документах четко не отмечалась. В исследовании А. Речиньской высказывается предположение, что количество белорусов от общего числа эмигрантов составляло более 10 900 чел. (7,4 % белорусов от общего количества эмигрантов из Польши, если опираться на Канадские эмиграционные рапорты)¹¹. В современной исторической науке польские историки нередко занижают масштабы белорусской эмиграционной волны. Белорусский историк О.Н. Мерчук считает, что в Канаду с 1926 г. по 1938 г. выехало 12 500 чел.¹² (учитывается не только белорусское население, а общее количество эмигрантов из западнобелорусских регионов Польши).

На основании польских статистических документов можно сделать вывод, что количество белорусских эмигрантов, выехавших в Канаду с 1921 г. по 1939 г. было около 11 тыс. чел. По данным польского чиновника А. Зарихты, занимающегося вопросами эмиграции, пиком волны в Канаду был период с 1926 г. по 1930 г. В своих статистических таблицах А. Зарихта приводит следующие цифры по количеству эмигрантов со всей территории польского государства: 1926 г. – 15 810 чел., 1927 г. – 22 031 чел., 1928 г. – 27 036 чел., 1929 г. – 21 703 чел.¹³ Однако уже в 1930 г. общее количество эмигрантов составило только 1326 чел.¹⁴ Резкое сокращение масштабов эмиграционной волны объясняется не только последствиями мирового экономического кризиса, но и новыми ограничениями для желающих эмигрировать. Польские власти в 1930 г. принимают официальное постановление о том, что въезд в Канаду возможен только из польских портов (Гдыня, Гданьск) и плыть можно только польскими корабельными линиями, что значительно сократило возможности эмиграции. А власти Канады резко увеличили сумму первоначального капитала, которую семья иммигрантов должна была иметь с собой для легализации в доминионе.

Мировой экономический кризис стал причиной массовой реэмиграции, а в 1932 г. количество реэмигрантов с польскими документами из Канады почти в два раза превысило количество въехавших в страну граждан Польши. В секретном докладе «Общие мероприятия, направленные на реализацию директивы по эмиграционной политике на 1934 г.» сотрудники Министерства иностранных дел Польши указывают, что в 1932 г. количество польских эмигрантов в Канаду составило 1 118 чел., а реэмигрантов – 2 160 чел.¹⁵ Однако уже в 1933 г. масштабы реэмиграции стали значительно уступать количеству прибывших польских эмигрантов в Канаду.

¹⁰ *Reczyńska A.* Emigracja z Polski do Kanady w okresie międzywojennym. P. 52.

¹¹ *Ibid.* P. 81.

¹² *Мярчук В.М.* Эміграцыя насельніцтва з Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук. Брэст, 2015. С. 8.

¹³ *Archiwum Akt Nowych (AAN).* Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Sygn, 9886. P. 140.

¹⁴ *Ibid.* P. 140.

¹⁵ *Ibid.* P. 70.

Особенности эмиграционной политики Второй Речи Посполитой

В основном законодательном акте Польши, в ее Конституции 1921 г., формально был прописан принцип свободной эмиграции граждан. Для реализации польской эмиграционной политики был создан специальный государственный аппарат, который состоял из организаций, входивших в подчинение разных министерств. Первоначально право решающего голоса в дискуссиях о перспективах эмиграции имело Министерство труда и социальной защиты, при котором работали местные эмиграционные структуры.

Исследуя эмиграционную политику Второй Речи Посполитой, польский историк А. Речиньска отдельно рассматривает проблему национальных меньшинств. Автор приходит к заключению, что большинство польских политиков видели решение национального вопроса в стимулировании эмиграции белорусов и украинцев из так называемых «кресов восточных» (территории Западной Украины и Западной Беларуси) – как «элементов нежелательных, настроенных антипольски»¹⁶. Полонизацию западнобелорусского населения польские власти проводили интенсивно, открыто, используя экономические и политические механизмы. Стимуляция межконтинентальной эмиграции белорусов позволяла переселять на освобожденные земли поляков из густонаселенных регионов Центральной Польши, которые были носителями польских культурных традиций и политических идей.

В 1919 г. было образовано Государственное бюро по трудоустройству, которое с 1920 г. вошло в подчинение специально созданному Эмиграционному управлению Министерства труда и защиты¹⁷. Задачи Государственного бюро по трудоустройству были достаточно широкие: посредничество при поиске рабочего места в принимающем государстве, отбор эмигрантов, регистрация эмигрантов, помощь при оформлении документов для выезда, юридическая помощь при получении паспорта, информирование эмигрантов про условия труда за границей, содействие при реэмиграции и депортации граждан, анализ статистических данных по количеству эмигрантов. В 1921 г. по решению Совета министров был создан Эмиграционный совет (с 1925 г. – Государственный эмиграционный совет)¹⁸. Совет представлял собой коллегиальный орган, занимающийся контролем за эмиграционными процессами. В состав совета входили депутаты Сейма, решающие проблемы переселения граждан на государственном уровне.

Перспективы и возможности эмиграции во Второй Речи Посполитой различные политические силы оценивали неоднозначно. Представители левых партий были убеждены, что эмиграцию необходимо сдерживать, так как государство теряло наиболее активную, физически выносливую, трудолюбивую молодежь (предлагалось проводить серьезный отбор при рекрутации эмигрантов). Однако большинство политических партий успешно подстраивалось под настроения в обществе, понимая желание потенциальных избирателей хорошо заработать за границей. Именно поэтому на государственном уровне при принятии политических решений очевидных препятствий по развитию эмиграции не создавалось, а выезд белорусов стимулировался программами кредитования.

Одним из основных государственных органов, контролирующих эмиграционные процессы, было Эмиграционное управление, созданное в 1920 г. Управление имело сеть своих филиалов (экспозитур), которые успешно работали в Бресте, Белостоке, Львове, Кракове. Основными функциями экспозитур управления были

¹⁶ *Reczyńska A.* Emigracja z Polski do Kanady w okresie międzywojennym. P. 129.

¹⁷ *Janowska H.* Emigracja z Polski w latach 1918–1939 // *Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych (XVIII–XX w.)*. Warszawa, 1984. P. 346.

¹⁸ *Ibid.* P. 348.

следующие: выдача удостоверяющих документов для получения паспорта; оформление виз в зарубежных паспортах; контроль за деятельностью корабельных компаний и их агентов¹⁹. Ключевой задачей Эмиграционного управления и его филиалов было противодействие подделки документов на выезд. Подобная криминальная схема была распространенным явлением на территории Западной Беларуси и Западной Украины. В случаях угрозы ареста мошенники из числа корабельных агентов стремились выехать за рубеж, как это сделал С. Белозерский, сбежавший от наказания в Бельгию²⁰. Официальные документы филиалов управления в Бресте и Львове сохранили богатую фактуру мошеннических операций и схем с участием корабельных агентов и обманутых эмигрантов.

Мировой экономической кризис продемонстрировал неэффективность мер польских эмиграционных органов, когда граждане в условиях безработицы стремились покинуть государство любой ценой, нарушая предписания и законы, пополняя в результате армию безработных за рубежом. С 1932 г. была проведена серьезная реорганизация государственного эмиграционного аппарата, в результате которой контроль над потоками эмигрантов получило Министерство иностранных дел. В 1932 г. упразднили Эмиграционное управление, Государственный эмиграционный совет, в 1933 г. ликвидировали Государственное бюро по трудоустройству, а их место в 1932 г. в реализации переселенческой политики заняла Межминистерская эмиграционная комиссия (первоначально с 1930 г. называлась Межминистерская комиссия по делам эмиграции)²¹.

Особый интерес при анализе белорусской эмиграции представляет деятельность общества с ограниченной ответственностью, получившее название Эмиграционный синдикат. Организация была создана в январе 1930 г. с уставным капиталом 858 тыс. злотых, из них 600 тыс. злотых были государственными вложениями, а 258 тыс. – вложениями польских и зарубежных корабельных товариществ²². На западнобелорусских территориях активно работали отделы синдиката в Пинске и Бресте (отделы Полесского воеводства), хотя сеть его филиалов была достаточно широкой. Например, в конце 1930 г. Эмиграционный синдикат имел 11 агентур в Волынском воеводстве, 7 – в Полесском, 5 – в Львовском²³. Были ситуации, когда по объективным причинам инспектор синдиката не мог приехать в Пинск, поэтому рекрутация эмигрантов переносилась из Пинска в Брест, о чем население информировалось заранее²⁴. Несмотря на то, что синдикат был обязан оказывать помощь эмигрантам бесплатно, общество с ограниченной ответственностью было заинтересовано в увеличении межконтинентальной эмиграции, так как имело доходы от продажи корабельных карт. Агенты Эмиграционного синдиката активно агитировали белорусских крестьян к эмиграции в страны Северной и Южной Америки.

Корабельные карты в Канаду на западнобелорусских территориях активно продавали такие мореплавательные товарищества и корабельные компании, как «Canadian Pacific», «Cunard Line», «Red Star Line», «Skandynawsko-Amirykańska Linja», «Baltycko-Amerikańska Linja», «White Star Line», «French Line», «Holland America

¹⁹ Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). Ф. 1. Оп. 4. Д. 1336. Л. 154.

²⁰ Центральный государственный исторический архив Украины во Львове (далее – ЦГИАЛ Украины). Ф. 422. Оп. 1. Д. 2947. Л. 25.

²¹ Janowska H. Emigracja z Polski w latach 1918–1939 // Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych (XVIII–XX w.). P. 350.

²² Ibid. P. 353.

²³ Мярчук В. М. Эміграцыйныя працэсы на тэрыторыі заходнебеларускага рэгіёна 1921–1939 гг. // Восень 1939 года ў гістарычным лесе Беларусі. С. 173.

²⁴ ГАБО. Ф. 2082. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

Line»²⁵. На страницах газеты «Эмигрант в Канаду и в Канаде» (приложение к журналу «Польский эмигрант») за январь 1929 г. Ян Вуйцик детально проанализировал работу перечисленных трансатлантических линий. Самой популярной на территории Западной Беларуси была линия «Canadian Pacific». Перевозкой в страны Северной Америки в 1920-е гг. занимались в основном зарубежные компании: голландские, американские, французские и т.д. Все линии имели свои центральные офисы в Варшаве. Создание польской линии «Гдыня – Америка» с тремя трансатлантическими кораблями несколько изменило общий рынок продажи корабельных карт²⁶. Широкая реклама польской линии на страницах белорусскоязычной прессы должна была затрагивать национальные чувства граждан при выборе корабельной компании, однако спрос на корабельные карты среди белорусов не увеличился. В 1930 г. было принято постановление, ограничивающее деятельность зарубежных корабельных компаний на территории Польши, что резко сократило общий эмиграционный поток в Канаду.

Особенностью эмиграции в Канаду была полная оплата корабельных карт, которые стоили достаточно дорого для белорусских эмигрантов. Продажа собственного земельного участка со всем хозяйством зачастую становилась единственным способом для переселения в доминион. Известная на западнобелорусских землях трансконтинентальная линия «Canadian Pacific» информировала потенциальных эмигрантов про возможности рассрочки и кредита: через четыре года после внесения первоначального взноса нужно заплатить 7 % от общей суммы, а полностью рассчитаться за землю можно в течение 35 лет²⁷. В 1920-е гг. рассрочка оплаты за земельный надел стала вынужденной мерой канадских властей. Работодатели Канады данную информацию активно использовали для рекламы, подталкивая людей к эмиграции.

Эмиграционное управление в Варшаве проводило активную работу с корабельными компаниями, которые были обязаны регулярно подавать в центральный офис информацию про точный контингент эмигрантов²⁸. Некоторые компании (например, канадская компания «Canadian Pacific») сведения про количество эмигрантов дополняли аналитическими материалами, позволяющими оценить экономические потребности Канады как принимающего государства. Крупнейшая железнодорожная компания «Canadian National Railways» представляла в Эмиграционное управление общие сведения о контингенте эмигрантов за год достаточно обобщенно.

Особенности законодательной базы страны-реципиента

Канада стала одной из основных стран-реципиентов для межконтинентальной белорусской эмиграции со второй половины 1920-х гг. Одной из причин увеличения количества эмигрантов в Канаду были законодательные акты США, которые резко ограничили переселенческие потоки введением жестких эмиграционных квот. Некоторые эмигранты переселялись в Канаду с планами переезда в Соединенные Штаты Америки, обходя таким образом квоты для Второй Речи Посполитой.

Канадские власти стремились осуществлять отбор иммигрантов, разделяя их на «приоритетных» и «неприоритетных». Правительство Канады с 1922 г. создало льготные условия для переселения граждан Великобритании в доминион, оформив их в законодательный акт. Принимающее государство стремилось также привлечь в

²⁵ ЦГИА Украины во Львове. Ф. 422. Оп. 1. Д. 677. Л. 5.

²⁶ Там же. Ф. 504. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²⁷ Там же. Ф. 422. Оп. 1. Д. 2683. Л. 2 об.

²⁸ Там же. Д. 658. Л. 11.

свою сельскохозяйственную сферу экономики граждан Бельгии, Франции, Голландии. В начале 1920-х гг. жители Восточной Европы не рассматривались как потенциал для переселенческих процессов в Канаду, поэтому для них не создавали специальных кредитных программ и программ-рассрочек. Когда расчеты не оправдались в отношении представителей «привилегированных» наций, министерство (департамент) иммиграции и колонизации Канады было вынуждено обратить внимание на трудовые ресурсы Второй Речи Посполитой.

Массовая эмиграция в Канаду польских граждан (в первую очередь жителей Западной Украины и Западной Беларуси) началась с 1926 г., что объясняется подписанием межправительственных «железнодорожных соглашений» (railway agreement) 16 марта 1926 г. о правилах рекрутации эмигрантов²⁹. К данным соглашениям присоединились две железнодорожные канадские компании «Canadian National Railways» (CNR) «Canadian Pacific Railways» (CPR), которые непосредственно и занимались отбором иммигрантов на местах. Особенностью деятельности канадских государственных структур стало дистанцирование от непосредственной работы по рекрутации работников, чем занимались преимущественно представители железнодорожных компаний. Отсутствие в межвоенной Польше канадского посольства не позволило контролировать вопросы эмиграции на дипломатическом уровне.

Процедура квалификации эмигрантов и оформления выездных документов, проводимая представителями мореплавателей товариществ и железнодорожных компаний, была непростой. Желающий эмигрировать был обязан лично обратиться в соответствующее Государственное управление по трудоустройству, где нужно было написать заявление, предоставить удостоверение личности с фотографией и военный билет (от женщин требовались свидетельство моральности и метрика), после чего потенциальный иммигрант проходил медицинский осмотр и вносил 50 злотых задатка на корабельную карту, и только тогда его уже допускали до квалификации канадскими чиновниками³⁰. При успешном прохождении всей процедуры гражданин Второй Речи Посполитой получал бесплатный зарубежный паспорт, где нужно было еще открыть канадскую визу.

Все иммигранты, которые прибывали в Канаду по «железнодорожным соглашениям», могли стать владельцами сельскохозяйственных угодий площадью до 160 акров земли (1 акр равен 0,4 га) при выплате общей суммы за надел с рассрочкой на 35 лет³¹. Крупнейшие железнодорожные корпорации, привлекавшие иммигрантов на свои объекты, были владельцами значительных земельных участков вдоль железнодорожного полотна, поэтому рекрутация зарубежных работников была для них выгодной экономической инвестицией.

Белорусы массово расселялись в провинциях Манитоба, Альберта, Саскачеван, Онтарио, Квебек, Британской Колумбии. Часть белорусов Канады устраивалась работать на разных предприятиях железнодорожных компаний, женщины работали прислугой в отелях, мужчины строили и ремонтировали железнодорожное полотно. Большинство белорусских эмигрантов были сельскохозяйственными работниками, так как Канада продолжала оставаться аграрно-индустриальной страной. Однако постепенно увеличивалось количество рабочих, занятых в промышленности, население стремилось переселиться в города. Несмотря на ограничения для иммигрантов, проживающих на фермах, занятость населения Канады в 1923–1929 гг. в про-

²⁹ *Reczyńska A.* Emigracja z Polski do Kanady w okresie międzywojennym. P. 115.

³⁰ *Качараба С.* Еміграція з Західної України (1919–1939). С. 180.

³¹ Там же. С. 182–183.

мышленности выросла на 20,4 %, а в сельском хозяйстве – только на 7,7 %³². Контролировали рекрутацию белорусских эмигрантов в Канаду в первую очередь экспозитурой Эмиграционного управления в Бресте и Белостоке.

Требования к кандидатам для эмиграции в Канаду часто менялись, они отличались своей непоследовательностью. Семья могла продать свое имущество для осуществления переезда, когда власти Канады приостанавливали переселение, что фактически приводило к ситуации банкротства. Например, в 1927 г. канадские власти официально приостановили действие «железнодорожных соглашений» по причине сокращения посевных площадей из-за неблагоприятных погодных условий³³. Подобные меры по сдерживанию эмиграционной волны из Второй Речи Посполитой повторялись регулярно, про что свидетельствуют белорусские исторические источники межвоенного периода, часто причиной приостановки «железнодорожных соглашений» была низкая иммиграционная конъюнктура, которая подталкивала канадские власти на ограничительные меры. Виленская газета «Белорусская криница» в 1934 г. разместила следующее объявление:

В первые дни марта правительственные бюро трудового посредничества будут принимать заявления кандидатов на выезд в Канаду. В первую очередь будут иметь возможность выехать те, кто в прошлом году получил разрешение на выезд, однако не выехал по причине ограничения эмиграции. Каждый эмигрант обязан иметь на дорогу 185 долларов³⁴.

В данном объявлении указана сумма 185 канадских долларов, которую необходимо было предъявить по прибытии в Канаду. Данная сумма (так называемые «landing money») была значительной для белорусских эмигрантов, она также часто менялась в разные годы. По причине мирового экономического кризиса необходимая сумма для эмигрантов была увеличена до 1 тыс. канадских долларов, однако ее могли уменьшать до 750 долларов и даже до 500 долларов на семью, при условии, что эмигранты поселятся в сельской местности и будут помогать новоприбывшим семьям³⁵. На практике канадские власти были вынуждены снижать суммы, так как семьи потенциальных иммигрантов при продаже своего имущества не могли получить больших денег в условиях кризиса.

Важным аспектом при социально-психологической адаптации является правовая адаптация. В 1927 г. для доклада на Международной экономической конференции была подготовлена аналитическая записка, где перечислялись условия легитимации польских эмигрантов в Канаде:

Правительство выделило поселенцам 160 акров земли (homesteads) за незначительную оплату на следующих условиях: подписание декларации, что эмигрант желает стать гражданином Канады, проживающим не менее 6 месяцев в год на выделенном участке земли; в период первых 3 лет обработает 30 акров, где построит собственный дом. Переселенцы, которые полностью выполняют все условия, станут собственниками земельного надела³⁶.

Канадское правительство было вынуждено применить подобные меры в отношении иммигрантов в 1920-е гг. по причине острой нехватки сельскохозяйственных рабочих. Данная политика была рассчитана на трудовую иммиграцию из

³² Сич О. Сфери трудової діяльності української еміграції в Канаді в міжвоєнний період // Українська діаспора. 1994. Ч. 5. С. 60.

³³ Brożek A. Polityka imigracyjna w państwach docelowych emigracji polskiej (1850–1939) // Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych (XVIII–XX w.). Warszawa, 1984. P. 120–140.

³⁴ Emigracja Ź Kanadu // Bielaruskaja Krynica. 1934. № 18. P. 3.

³⁵ Matejko J. Kanadyjska polityka imigracyjna w stosunku do Polaków w latach 1896–1939 // Studia Polonijne. Lublin, 1979. T. 3. P. S. 51.

³⁶ AAN. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Sygn, 9889. P. 11.

Великобритании, однако англичан мало устроили условия труда и быта в Канаде. Когда не оправдались расчеты по привлечению английских сельскохозяйственных работников в Канаду, начали активную рекрутацию крестьян Второй Речи Посполитой.

Социально-психологическая адаптация белорусских эмигрантов

Социально-психологическая адаптация белорусов зарубежья – новая для исторической науки тема, которая требует междисциплинарного подхода, использование методов этнической, кросс-культурной и социальной психологии при анализе фактов и тенденций формирования диаспоры. Как правило, эмигранты были психологически уязвимы к воздействию внешней социокультурной среды.

Первоначальная адаптация белорусов в Канаде была связана с эмоциональными переживаниями «культурного шока» (в современных исследованиях чаще используют термин «стресс аккультурации»). Невозможность предвидеть будущее, невостребованность, потеря привычного образа жизни, языковой барьер многих эмигрантов заставляли переживать состояние фрустрации. Вхождение белорусских эмигрантов в новую систему культурно-детерминированных ценностей проходило быстрее и успешнее при наличии постоянных заработков, однако в условиях мирового экономического кризиса далеко не все белорусы Канады могли найти себе работу. Финансовые проблемы вызывали противоречия духовно-психологического характера, приводя эмигрантов к сложному внутриличностному конфликту.

Современные исследования адаптационных процессов проводятся в контексте аккультурации (процесс изменения стандартов поведения эмигрантов под воздействием культуры доминирующего этноса). Стратегию аккультурации каждый эмигрант выбирал индивидуально. При естественном желании интегрироваться в принимающее общество только часть белорусской эмиграции стремилась сохранить свою национальную идентичность, консолидируясь и активно участвуя в политических и общественных объединениях.

Межвоенная белорусскоязычная пресса описывает случаи проблемной социализации в странах Северной Америки, когда личность не справлялась с состоянием аккультуративного стресса:

Белорусы в Америке пьют сильно водку (самогонку) и в карты играют, хотя, правда, есть и аккуратные. Теперь у нас с работой слабовато, многие сидят без работы³⁷.

Отрывок из письма эмигранта в виленскую газету «Белорусская криница» передает проблемное психологическое состояние личности, обусловленное отсутствием социальной поддержки в принимающем обществе и невозможностью самореализации.

Для канадской экономики, которая была ориентирована в основном на экспорт, мировой экономический кризис, повлекший распад структуры устоявшихся цен, имел катастрофические последствия. Проявления экономической стагнации отразилось в первую очередь на трудоустройстве и эмоциональном состоянии эмигрантов, которые оказались одной из самых незащищенных категорий населения. Отрывок письма крестьянина в редакцию газеты демонстрирует суть экономических и социальных проблем:

Зиму кое-как перебеделвал, оставляя надежду, что весной можно будет быстрее найти работу. Упования не оправдались. Часами выстаивал перед государственной кухней и видел, как стояли другие, ободранные и голодные. Здесь давали есть раз в день. Не удивительно, что были случаи голодной смерти³⁸.

³⁷ Awin L. Białarusy ў Amerycy // Bielaruskaja Krynica. 1926. № 5. P. 7.

³⁸ Качараба С. Трудова еміграція із Західної України в Канаду (1919–1939) // Вісник Львівського університету. 2002. Вип. 37. С. 354.

Фактически в подобную финансовую ситуацию попадала основная часть эмигрантов, прибывшая в Канаду в начале 1930-х гг.

Отличительной чертой белорусской диаспоры Канады был слабый организационный опыт ее представителей, что не позволяло эмигрантам успешно создавать и развивать национальные организации. Белорусы вместе с русскими и украинцами объединялись в рабочие и фермерские клубы, как правило, имевшие в названии определение «русские»³⁹. Белорусский историк Л. Н. Семенова пишет про политическую активность белорусов Канады в таких организациях, как Канадская лига защиты рабочих и Русский рабочий клуб имени М. Горького в Торонто (с 1933 г. – Русский рабоче-фермерский клуб имени М. Горького), который издавал популярную газету «Канадский гудок» с отдельной рубрикой на белорусском языке «Белорусский уголок»⁴⁰. Организации эмигрантов формировали у своих членов эмоциональную готовность к взаимодействию в инокультурной среде, удовлетворяли потребность в общении и самоорганизации, поэтому содействовали процессу индивидуальной адаптации белорусов Канады.

Особенностью белорусских экономических эмигрантов была слабая этническая идентичность, что также негативно отразилось на процессе создания национальных политических и общественных организаций. Белорусы Канады активно присоединялись к проектам русской и украинской диаспор. Негативное влияние на национальную идентичность оказывала политика полонизации, проводимая на территории Западной Беларуси, экономическая и политическая дискриминация белорусского населения. Белорусам в Канаде было сложно ориентироваться на свои этнодифференцирующие признаки (родной язык, исторические мифы, народная культура, национальный характер), так как в процессе формирования нации многие признаки были выражены недостаточно четко.

Культурная и общественная активность эмигрантов помогла им справиться с трудностями адаптационного характера и интегрироваться в систему отношений нового социокультурного общества. Белорусы в Канаде часто присоединялись к творческим проектам украинцев, их объединяли общие ценности в соприкасающихся культурах и близость языков. Наиболее активная и насыщенная культурная жизнь украинской диаспоры была в Торонто и Виннипеге. Например, с 1928 г. по 1934 г. многие творческие замыслы были реализованы полупрофессиональным театром в Виннипеге под руководством П. Остапчука⁴¹. Белорусские эмигранты нередко становились зрителями на украинских концертах и спектаклях, принимали участие в хоровых самодеятельных коллективах.

Невысокий уровень консолидации зарубежных белорусов в разных странах мира не позволял им осуществлять эффективную общественную и политическую деятельность на международном уровне. Белорусы Канады были представителями экономической эмиграционной волны, а экономические эмигранты в меньшей степени стремились к общественной деятельности по сравнению с политическими. Белорусы в межвоенный период не смогли создать такого стабильного социокультурного пространства, как русская диаспора за рубежом, представители молодой белорусской нации еще не сформировали свои исторические мифы и ориентиры.

³⁹ Семенова Л. Н. Белорусы и Федерация русских канадцев (40–60-е гг. XX в.) // Иппокрена. 2008. № 3. С. 37.

⁴⁰ Семенова Л. Н. Страницы истории белорусской диаспоры в Канаде в первой половине XX века // Иппокрена. 2007. № 3. С. 55–57.

⁴¹ Ревуцький В. З історії українського театру в Канаді // Заходньоюканадський збірник. 2000. Ч. 4. С. 31.

Описывая русское зарубежье, специалист по диаспоральным процессам в Латинской Америке М.Н. Мосейкина подчеркивает:

Для русской эмиграции культурно-историческая память служила важным элементом национальной идентичности, через которую происходила ретрансляция духовных связей и традиций, что позволяло разным поколениям мигрантов отождествлять себя с конкретной национальной общностью – Русским зарубежным миром⁴².

Подобного стабильного пространства у белорусов Канады не было, что негативно влияло на их индивидуальную социально-психологическую адаптацию.

Попытки установить контакты между белорусами из разных стран предпринимались, но они фактически не давали результатов. Основная часть белорусов во Франции, как и в Канаде, составляла экономическую эмиграционную волну. В 1930 г. в Париже была основана организация «Хаврус белорусских работников во Франции», которая отстаивала интересы и права белорусов, работающих по контракту, занималась просветительской и общественной деятельностью. Однако исторические источники четко фиксируют проблемы данного объединения:

С 1931 г. «Хаврус» фактически бездействовал, так как не смог связаться с белорусскими диаспорами в других странах мира, не смог консолидировать белорусов, организовать издание газет и журналов⁴³.

Данный исторический факт в очередной раз демонстрирует слабость институциональных форм консолидации белорусских экономических эмигрантов, что было характерно как для Франции, так и для Канады.

Выводы

Таким образом, изучение истории белорусской экономической эмиграции в Канаде, сложностей первоначальной адаптации в принимающем обществе, особенностей законодательства государства-реципиента позволит шире представить общую историческую картину формирования белорусской диаспоры в межвоенный период. Основная масса белорусов Канады были уроженцами территорий Западной Беларуси, входившей с 1921 г. в состав Второй Речи Посполитой. Сложностью в заявленной теме является оценка масштабов переселения белорусского населения в Канаду, так как не хватает исторических источников для выявления точного количества эмигрантов.

Анализируя особенности формирования экономической эмиграционной волны в Канаду, отметим важность создания и функционирования польского эмиграционного аппарата. Особенность государственной эмиграционной политики польских властей заключалась в стимулировании межконтинентальной эмиграции жителей так называемых «кресов восточных» с целью ускоренной колонизации данного региона. Основными задачами государственных органов был учет численности эмигрантов, социальная поддержка в период первоначальной адаптации, решение проблем реэмиграции, контроль за деятельностью мореплавательных компаний.

Анализ исторических источников позволяет сделать заключение о сложностях социально-психологической адаптации белорусского населения в Канаде, слабой консолидации диаспоры и невысокой общественной активности эмигрантов. Непоследовательная политика канадских властей в отношении иммигрантов усложняла их правовую адаптацию, создавая дополнительные сложности в период стрес-

⁴² Мосейкина М.Н. Формирование мемориального пространства Русского мира в Латинской Америке в контексте истории двух волн эмиграции // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 84.

⁴³ Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 458. Оп. 1. Д. 182. Л. 4.

са аккультурации и первоначальной индивидуальной адаптации. Масштабы белорусской экономической волны регулировались польскими властями, канадским законодательством, а также агентами корабельных компаний, получавшими прибыль от количества проданных карт. В 1930-е гг. мировой экономической кризис заставил польское правительство ввести дополнительные ограничения для деятельности ряда зарубежных трансатлантических товариществ, он значительно сократил переселенческую волну и усложнил интеграцию белорусов в канадском обществе.

Поступила в редакцию / Submitted: 09.10.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 05.04.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 08.06.2022

References

- Aleshkovski, I.A., Botcharova, Z.S., and Grebenyuk, A.A. “The Evolution of the International Refugee Protection between the World Wars”. *Social Evolution & History*, no. 20 (2021): 109–132.
- Awin, L. “Belarusians in America.” *Belarusian Source*, no. 5 (1929): 7 (in Belarusian).
- Brozek, A. “The immigrational policy in the target countries of Polish emigration (1850–1939).” *The Emigration from Polish Territories during the Modern and Contemporary Times (Since 18th Century until 20th Century)*, 120–140. Warsaw: State Scientific Publ., 1984 (in Polish).
- Chernenko, A.M. *Russian Revolutionary Emigration in America (at the end of XIX–1917)*. Kyiv: High School Publ., 1989 (in Russian).
- Dzyra, O. “Ukrainian Interwar Immigration to Canada in Foreign Historiography.” *Manuscript and Book Heritage of Ukraine*, no. 26 (2020): 185–196 (in Ukrainian).
- Janovska, H. “Emigration from Poland in the Years 1918–1939.” *The Emigration from Polish Territories during the Modern and Contemporary Times (Since 18th Century until 20th Century)*, 326–450. Warsaw: State Scientific Publ., 1984 (in Polish).
- Kacharaba, S. “Labor Emigration from Western Ukrainian to Canada (1919–1939).” *Lviv University Bulletin*, no. 37 (2002): 350–363 (in Ukrainian).
- Kacharaba, S. *Emigration from Western Ukrainian (1919–1939)*. Lviv: Lviv national university of Ivan Franko Publ., 2003: 416 (in Ukrainian).
- Mateiko, J. “Canadian Emigration Policy Towards the Poles from 1896 to 1939.” *Studia Polonijne*, no. 3 (1979): 23–60 (in Polish).
- Miarchuk, V.M. “Emigration Processes at the Western Belarusian Region.” *Autumn 1939 in the historical fate of Belarus*. Minsk: Belarusian science Publ., 2010: 171–177 (in Belarusian).
- Miarchuk, V.M. “Population Emigration from Western Belarus (1921–1939).” Diss. ... Ph.D. in History. BSU named by A.S. Pushkin, 2015 (in Belarusian).
- Moseykina M.N. “Formation of the Russian World’s Memorial Space in Latin America in the Context of the History of the Two Waves of Emigration.” *Dialog so Vremenem*, no. 68 (2019): 83–97 (in Russian).
- Moseykina M.N. “The Russian Emigration in the Latin American Countries in the 1920–1930s.” *Ros-siiskaia Istoria*, no. 3 (2010): 98–115 (in Russian).
- Olbrycht, P. “Labor migration of Poles: past and present.” *Scientific Journals of the Student Movement*, no. 2. (2014): 19–34 (in Polish).
- Pivovar, E.I. *The World of Russian Emigres in the Late XX – Early XXI Centuries*. St. Petersburg: Aletheia St. Petersburg Publ., 2021 (in Russian).
- Poliakov, U.A. “Adaptation and Migration in a Historical Context.” In *Adaptation of the Russian emigrants (the end of XIX century – XX century)*. Moscow: Institution of the Russian History RAC Publ., 2006: 5–20 (in Russian).
- Rechyn’ska, A. *The Emigration from Poland to Canada during the Interwar Period*. Wroclaw [etc.]: Polish Academy of Sciences Publ., 1986: 223 (in Polish).
- Revutsky, V. “From the History of the Ukrainian theater in Canada.” *Western Canadian Bulletin*, no. 4 (2000): 28–45 (in Ukrainian).
- Rudenko, A.V. “Socio-Political and Cultural Activities of the Progressive Belarusian Immigrants in Argentina (1925–1955).” Ph.D. Thesis, Academy of Sciences of the USSR. Institute Latin. America, 1979 (in Russian).
- Sabennikova, I.V. *Russian Emigration (1917–1939): Comparative Typological Analysis*. Tver: Federal Archival Service of Russia Publ., 2002: 431 (in Russian).

- Semyonova, L.N. “Belarusians and Federation of Russian Canadians (40–60-ies of XX century).” *Hippocrene*, no. 3 (2008): 37–50 (in Russian).
- Semyonova, L.N. “Pages of the Belarusian Diaspora History in Canada in the First Half of XX Century.” *Hippocrene*, no. 3 (2007): 51–58 (in Russian).
- Simonova T.M. *Soviet Russian (USSA) and Poland. Russian anti-Soviet formation in Poland (1919–1925)*. Moscow: Quadriga Publ., 2013. 368 (in Russian).
- Strelko, A.A. *Slavic Population in the Countries of Latin America (Historical Review)*. Kyiv: Naukova Dumka Publ., 1980 (in Russian).
- Sych, O. “Sphere of the labor activity of the Ukrainian emigration in Canada during the inter-war period.” *Ukrainian diaspora*, no. 5 (1994): 58–65 (in Ukrainian).
- Tudoryanu, N.L. *Review of the Russian Labor Imigration in the Period of Imperialism (Germany, Scandinavian Countries, USA)*. Kishinev: Shtiintsa Publ., 1986 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Ольга Владимировна Коваль, канд. истор. наук, доцент кафедры истории Беларуси и политологии, Белорусский государственный технологический университет; 220006, Республика Беларусь, Минск, ул. Свердлова, д. 13а; koval@belstu.by; <https://orcid.org/0000-0002-6794-233X>

Volha U. Koval, PhD in History, Associate Professor of the Department of History of Belarus and Political Science, Belarusian State Technological University; 13a, Sverdlov Str., Minsk, 220006, Republic of Belarus; koval@belstu.by; <https://orcid.org/0000-0002-6794-233X>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-432-438>

Научная статья / Research article

Присвоение номера в нацистских концентрационных лагерях как фактор расчеловечивания: по воспоминаниям советских узников

Борис Григорьевич Якеменко

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉ Borislj@mail.ru

Аннотация: Рассматриваются семантическое и семиотическое значения присвоения номера узникам концентрационных лагерей нацистской Германии. Концентрационные лагеря нацистской Германии были формально предназначены для истребления врагов государства, но в действительности, помимо этого, они определяли границы возможностей превращения человека в часть тотального государства. Присвоение номера узнику в лагере было важнейшим фактором аннигиляции человека, трансформации его в знак, лишения человека важнейших антропологических свойств, что в конечном итоге облегчало уничтожение узника. В результате присвоения номера узникам по мере пребывания в заключении было все труднее вспомнить собственное имя, их внутренняя сущность «срасталась» с номером, настоящее имя забывалось. Показано, что сведение человека к номеру закрепляло лишение узника статуса человека, становилось высшей степенью деградации, превращало заключенного из человека в типовой экземпляр со знаком человека, номер которого соотносился и закреплял символическую аутентичность объекта, в который был превращен узник. Делается заключение, что присвоение номера выводило все действия эсэсовцев относительно узников за пределы любых моральных и этических оценок. Человек без имени, человек-номер, лишенный сознания личной уникальности и собственного образа – необходимых условий самовосприятия как мыслящего, живого существа, сливался с массой таких же, как он и обрекался на безмолвие, превращался в объект воздействия со стороны нацистской репрессивной машины.

Ключевые слова: фашизм, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, нацистские преступления, военная антропология

Для цитирования: Якеменко Б.Г. Присвоение номера в нацистских концентрационных лагерях как фактор расчеловечивания: по воспоминаниям советских узников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 432–438. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-432-438>

Assigning Numbers in Nazi Concentration Camps as a Factor of Dehumanization: As Remembered by Soviet Prisoners

Boris G. Iakemenko

People's Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

✉ Borislj@mail.ru

Abstract: The author considers the semantic and semiotic meaning of assigning numbers to prisoners of the concentration camps of Nazi Germany. These concentration camps were formally designed to exterminate the enemies of the state, but in fact, in addition, they defined the limits of the pos-

© Якеменко Б.Г., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

sibilities of turning a person into a part of the total state. Assigning a number to a prisoner in a camp was the key factor in annihilating a person, transforming him into a sign, depriving a person of the most important anthropological properties, which ultimately facilitated the elimination of a prisoner. As a result of assigning a number to a prisoner, while staying in a camp, it became increasingly difficult for a prisoner to remember his own name; his inner essence "merged" with the number; his real name was forgotten. The reduction of a person to a number entrenched the deprivation of a prisoner of human status; it became the highest degree of degradation; it turned a prisoner from a person into a typical specimen with the sign of a person whose number correlated and entrenched the symbolic authenticity of the object into which a prisoner was turned. The assignment of a number took all the actions of the SS men regarding prisoners beyond any moral and ethical assessments. A person without a name, deprived of realizing his personal uniqueness and image – the necessary conditions for self-perception as a thinking, living being, merged with similar people; he was doomed to silence; he was turned into an object of influence.

Keywords: World War II, Great Patriotic War, fascism, Nazi crimes, military anthropology

For citation: Iakemenko, Boris G. "Assigning numbers in Nazi concentration camps as a factor of Dehumanization: As Remembered by Soviet Prisoners." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 3 (August 2022): 432–438. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-432-438>

Введение

Концентрационные лагеря нацистской Германии (в терминологии Д. Руссе «Концентрационный мир») стали структурой, формально предназначенной для истребления инакомыслящих и устрашения остальных, но в реальности выполнявшей более сложные задачи, а именно – определения возможностей расчеловечивания, превращения человека в часть тотального государства. От подъема до отбоя вся структура жизни заключенного отражала в себе символическую систему тоталитарного и тотального государства и указывала узнику место на самых нижних ярусах системы. Концентрационные лагеря были главным условием существования нацистской Германии, теми реперными точками, к которым была привязана «карта» фашизма, и именно поэтому они не могли в будущем исчезнуть по определению. Концентрационный мир парадоксальным образом был гарантией реальности Рейха, необходимым условием этатистского самоощущения нацистской Германии как сильной и несокрушимой державы.

Концентрационный мир был государством в государстве с собственной территорией, городами, инфраструктурой, экономикой, культурой. Его основой была «столица» Освенцим (Аушвиц) площадью в 175 гектаров. Лагеря делились по функционалу – для простых военнопленных (Stammlager), пересыльные (Durchgangslager), для военнопленных командного состава (Officierlager), трудовые (Arbeitslager), лагеря смерти (Vernichtungslager) и т. д. Концентрационный мир обслуживали десятки тысяч людей самых разных специальностей. В 1939 г. количество сотрудников концентрационных лагерей составило 22 033 чел., а в начале 1945 г. – 40 тыс. чел. Это не считая айнзацгрупп, помогавших им полицейских батальонов и других военнизированных соединений, вместе с которыми общая численность «обслуживавших» Концентрационный мир достигала почти 100 тыс. чел.¹

Крупнейшие концентрационные лагеря были созданы еще до начала Второй мировой войны – Дахау (1933 г.), Заксенхаузен (1936 г.), Бухенвальд (1937 г.) Флоссенбург и Маутхаузен (1938 г.), Равенсбрюк (сначала единственный женский лагерь, но позднее еще в 13 лагерях создаются женские зоны) (1939 г.) и, вскоре после начала войны, возникает Освенцим (1940 г.).

Вопрос о численности нацистских концентрационных лагерей в Европе и их жертвах является одним из самых дискуссионных вопросов как в западной, так и отечественной историографии. Советские исследователи Д. Мельников и Л. Черная дают

¹ Гюнтер Леви. Преступники. Мир убийц времен Холокоста. М., 2019. С. 16.

цифру в 1100 лагерей только на территории Германии, через которые прошли 18 млн чел. Из них погибли от 8 до 12 млн чел.² По мнению авторов коллективной работы «Топография террора», Концентрационный мир к январю 1945 г. состоял из 25 больших и 1200 малых лагерей с 7 млн только негерманских заключенных³. Согласно последним изысканиям американских исследователей М. Дина и Д. Мегарджи, на территории Европы с 1933 по 1945 гг. было в совокупности около 42 тыс. мест принудительного содержания (тюрем, гетто и лагерей) военнопленных, политзаключенных, евреев, цыган и «восточных рабочих», через которые прошло от 15 до 20 млн чел.⁴

Одним из условий пребывания узников в нацистских концентрационных лагерях была замена имени собственного на номер. Традиционно считается, что это было прежде всего необходимо для упрощения учета заключенных. В реальности же присвоение номера прежде всего было важнейшим фактором расчеловечивания узника, превращения его в знак, лишения человека важнейших антропологических свойств, что в конечном итоге облегчало уничтожение узника.

Процедура присвоения номера

При приеме в лагерь узнику присваивался номер через татуирование человека на левой руке от запястья к локтю, что означало, по словам А. Кемпински, «трактовку человека, как номера»⁵. В Майданеке и Маутхаузене на запястье вешали на проволоке кусочек жести с номером; во многих других лагерях номер обычно наносился только на одежду. Этот же номер наносился на «винкель» (*Winkel* – угол (нем.)) – кусок ткани определенного цвета (цвет и форма куска ткани обозначали категорию узника – политический, уголовный и т. д. На ткань также наносились буквы, обозначающие в сокращении национальность узника), часто треугольной формы (отсюда название) который нашивался на одежду и штаны. Этот номер лишал человека имени – важнейшего элемента самоидентификации, необходимого для окончательного завершения акта рождения, системы связи с метафизической действительностью⁶, «высшего достояния личности»⁷ – и выстраивал прямую аналогию с рабом или со скотом («Всех обрили наголо и, как скот, заклемили. На руке Марии появился номер 65989»⁸), предназначенным на убой. «Их называли по номеру, вытравленному навсегда»⁹.

Номер в восприятии узников

«Мы раздевались в самом уголке, – вспоминает бывшая узница А. Никифорова. – Немка в черной пелерине протянула нам номерки на тесемках – отныне все наше имущество. Это было так унижительно, что Верка, не сдержавшись, ругнулась и вырвала номерок из рук надзирательницы. Какой злобой вспыхнули глаза фашистки! Угрожающе бормоча что-то, она пыталась добраться до Верки, но мы тес-

² Мельников Д., Черная Л. Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии в 1933–1945 гг. М., 1987. С. 257.

³ Topography of terror. Gestapo, SS and Reich security main office on Wilhelm – and – Prinz-Albertstrasse. A documentation. Catalog of the exhibition. Berlin., 2010. P. 157.

⁴ Вальтер К., Бушуев М. В третьем Рейхе было намного больше лагерей, чем считалось до сих пор // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/v-третьем-рейхе-было-намного-больше-лагерей-чем-считалось-до-сих-пор/a-16659217> (дата обращения: 05.05.2022).

⁵ Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. М. – СПб., 1998. С. 39.

⁶ См.: Флоренский П. Имена. М., 2001.

⁷ Флоренский П. Священное переименование. Изменение имен, как внешний признак перемен в религиозном сознании. М., 2006. С. 235.

⁸ Сафина А. Узница Освенцима // Хронос. URL: http://www.hrono.info/text/2005/safina05_05.html (дата обращения: 05.05.2022).

⁹ Вивьерка Аннет. Как я объяснила моей дочери, что такое Освенцим. СПб., 2001 С. 13.

но окружили нашу подругу, не подпустили фашистку к ней. Веркины глаза наполнились слезами. – Не могу с номерком, как собака»¹⁰. «Теперь, – говорит одна женщина, – я помечена, как мои коровы»¹¹. «После клеймения я превращался в безликое существо, в раба, лишённого родины, свободы, имени – всего того, без чего немислимо человеческое существование» – вспоминал В. Бойко¹². Помимо того, что номер заменял имя, он служил паспортом, по которому можно было узнать о заключённом все, что необходимо: когда, откуда, каким транспортом прибыл узник, новичок он или бывалый заключённый, какова его национальность. Соответственно номеру строились и внутренние отношения.

По воспоминаниям многих узников, с каждой неделей пребывания в лагере им было все труднее вспомнить собственное имя, их внутренняя сущность «срасталась» с номером – не случайно многих заключённых не только эсэсовцы, но даже в своей среде вскоре начинали называть по номеру, как правило, по двум-трем последним цифрам, в то время как настоящее имя забывалось. «Я был во многих лагерях, – вспоминал узник лагеря «Гаттинген» А. Пилипенко, – много товарищей осталось в памяти. Я припоминаю их по лицам, закрыв глаза, знаю их номер, но не помню их имени. Так каждый день вызывали, отмечали, называли лишь номер... Мы знаем друг друга по номерам»¹³.

Символическое значение смены имени на номер

Как отмечал известный философ А. Лосев, человек, лишённый имени, перестаёт быть индивидуальным, он асоциален и может приравниваться к животному¹⁴. Говоря о «человеке без имени», П. Флоренский отмечает, что этот человек «представляется непосредственному сознанию каким-то мистическим уродом или недоноском, обликом человека без подлинной сути, соответствующей своему внешнему виду... имя человека самое внутреннее, самое интимное в нём, чего он не может не знать, до такой степени оно слито с его самосознанием, то есть оно более связано с человеком, чем даже лицо его, его наружный облик»¹⁵.

Сведение узника к номеру закрепляло лишение его статуса человека, становилось высшей степенью имперсонализации, превращало заключённого в типовой экземпляр со знаком человека, в терминологии Лакана «децентрированный субъект», номер которого соотносился и закреплял символическую аутентичность объекта, в который был превращён узник. Данный цифровой код расшифровывался и изменялся насильем, а стирался с лёгкостью смертью. Лёгкость была обусловлена тем, что присвоение номера выводило все действия эсэсовцев относительно узников за пределы любых моральных и этических оценок, так как возможно причинять страдания Николаю, Марии, Петру или Ольге, но невозможно мучить и истязать номер.

Трагедия, мучения всегда субъектны, они возникают, если есть субъект, воплощающий трагедию, испытывающий страдания (трагедия, как и страдания, всегда чьи-то, не существует трагедии «вообще», как и безличных страданий). В этом случае трагедия и муки могут привести к осознанию происходящего, к катарсису, который и есть апофеоз трагедии и кристаллизация мучений, именно в катарсисе происходит осознание трагедии, как таковой, она обретает законченную форму и

¹⁰ Никифорова А. Это не должно повториться. М.-СПб., 2017. С. 13.

¹¹ Гоби В. Детская комната. Харьков-Белгород., 2016.

¹² Бойко В.Я. После казни. <http://litresp.ru/chitat/ru/Б/bojko-vadim-yakovlevich/posle-kazni/5> (дата обращения: 05.05.2022).

¹³ Полян П. «Если только буду жив». 12 дневников военных лет. М., 2021. С. 731.

¹⁴ Лосев А.Ф. Вещь и имя. М., 2008. С.67–75.

¹⁵ Флоренский П. Священное переименование. Изменение имен, как внешний признак перемен в религиозном сознании. М., 2006. С. 66.

превращается в средство преобразования действительности, а катарсис становится семиотической границей между «до» и «после».

Если же субъекта не существует, то ни мучения, ни насилие, ни массовые убийства не являются трагедией, не осознаются как катастрофа, не меняют ни палачей, ни действительность, так как сострадать некому и некого жалеть. Отсутствие границы ведет к гомогенности пространства события, к его тотальной деаксиологизации. Поэтому присвоение номера, приводившее к десубъективации узника, автоматически вело к изощренному насилию и массовым казням, которые не воспринимались как трагедия и масштаб которых не ощущался, так как это не приводило к катарсису и, следовательно, не было в состоянии ничего изменить.

Человек без имени, человек-номер, лишенный сознания личной уникальности и собственного образа – необходимых условий самовосприятия, как мыслящего, живого существа, сливался в массу таких же, как он, лишался возможности вступать в диалог с эсэсовцем, имеющим имя и звание, так как между номером и именем невозможна коммуникация, как она невозможна между человеком и неодушевленным предметом. Таким образом узник обрекался на молчание, превращался из видящего, то есть способного к диалогу, только в видимого, то есть в объект взаимодействия.

Лишение имени как финал предыдущей жизни

Лишение имени означало и лишение человека памяти, служило символическим окончанием прежней жизни, от которой не оставалось даже воспоминаний и переход в состояние «до истории», возвращение к истокам бытия, когда люди не имели имен. Человек, получивший номер, лишался возможности осознания себя, так как для этого того, чтобы осознать себя нужно было себя назвать, а следовательно, и возможности самоосуществления, становления в новых условиях. Получив номер, узник концлагеря обрекался на анонимное существование, бытие без лица, которое вызывало такой же страх, как осознание почти неизбежной собственной гибели. То есть с присвоением номера жизнь становилась равна смерти.

Присвоение номера, с одной стороны, означало, что узнику временно предоставляется жизнь и работа – тех, кто по прибытии после селекции направлялся в газовую камеру, не клеймили. С другой стороны, эта процедура в значительной степени облегчала процесс уничтожения узников, так как после клеймления уничтожался не человек, а выводилась из обихода, перекодировалась цифра, выбрасывалась типовая деталь огромного механизма Концентрационного мира. Нельзя не обратить внимание на то, что серийные детали машин также всегда имеют заводской номер. Многие советские узники вспоминали, что представители администрации лагеря постоянно подчеркивали, что в лагере узники не люди и даже не животные, а только знаки, номера, которые в любой момент можно стереть или изменить.

Не случайно снятие номеров означало лишение последней связи с действительностью и показывало, что узник приговорен. «Я посмотрел на китель полковника, – вспоминал Ю. Цуркан, – не было ни номера, ни винкеля. Человек обречен на уничтожение. Действительно, на следующий день Галинского увели в двадцатый блок»¹⁶. Л. Макарова точно отмечает, что «на этом фоне (на фоне деиндивидуализации. – Б.Я.) физическая смерть, сохраняя биологическое значение, играет второстепенную роль относительно социального небытия»¹⁷.

Клеймление фиксировало окончательное уничтожение рефлексии как формы самопроявления индивидуальности, поскольку цифра, номер не в состоянии ре-

¹⁶ Цуркан Ю. Последний круг ада. М., 2017. С. 319.

¹⁷ Макарова Л. Смерть в мировоззрении национал-социализма. Смерть, как феномен культуры. Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1994. С. 146.

флексировать, а только обозначать место в системе. Кроме того, несмыслаемый номер символически обозначал, что выход из Концентрационного мира отныне невозможен. Хорошо известно, что у выживших узников номер до конца дней оставался важнейшим стимулятором ментального возвращения назад, в пространство лагеря. Не случайно многие узники после освобождения сводили номера.

Смена имени как катастрофа для верующих

Смена имени на номер для людей, имеющих религиозный опыт самоидентификации, имела особое, эсхатологическое значение, так как имя является важнейшим элементом самоатрибуции в рамках той или иной религии, связью с небесными покровителями, историей рода и этноса. После присвоения номера человек терял связь с родом, оказывался выброшен из собственной родовой памяти, своей истории и истории своего народа. С получением номера вместо имени человек в лагере объявлялся несуществующим, то есть возвращался в онтологическое состояние «досуществования» без предоставления в перспективе возможности становления.

Особенно унизительна была татуировка для религиозных евреев, так как являлась прямым нарушением одной из заповедей Торы: «И царапин по умершим не делайте на теле вашем, и наколотой надписи не делайте на себе. Я – Бог» (Левит. (Ваикра) 19.28). Причем запрещались татуировки потому, что ими пользовались варвары и идолопоклонники и делать ее, значит уподобляться им. В связи с этим стоит заметить, что номера не наносились на тело германских подданных и лиц германского происхождения¹⁸. То есть с помощью вытатуированного номера евреи переводились в иное состояние, на более низкую ступень цивилизации, возникала амбивалентность, которая постоянно вступала в конфликт с прежней религиозной сущностью, в значительной степени подавляя ее. Не случайно евреи-узники говорили: «в Освенциме нельзя умереть евреем»¹⁹. В более широком смысле – в концентрационном мире нельзя было умереть человеком, и замена имени на номер подчеркивала это с исчерпывающей очевидностью.

Выводы

Одна из важнейших задач системы концентрационных лагерей нацистской Германии состояла в том, чтобы лишить заключенного собственной идентичности, сделать его чужим самому себе, чтобы перевести его в иное социальное и антропологическое состояние, исключавшее любое сопротивление, блокировавшее любые попытки найти самоидентификацию. Присвоение номера, приводившее к лишению человека имени, превращению его в пронумерованную деталь огромной машины тоталитарного государства, было важнейшим инструментом, позволявшим успешно решать эту задачу.

Поступила в редакцию / Submitted: 10.04.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 15.07.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 18.07.2022

¹⁸ Концентрационный лагерь Освенцим-Бжезинка (Auschvits-Birkenau) / сост. д-р Ян Зен. Варшава, 1957. С. 46.

¹⁹ Агамбен. HomoSacer. Что остается после Освенцима. М., 2012. С. 43. Необходимо помнить, что этот тезис усиливался тем фактом, что тела убитых и погибших в лагерях узников кремировались, что прямо противоречило погребальным правилам и канонам иудаизма. Прежде всего, как и в случае с татуировкой, кремация мертвых практиковалась во многих языческих культурах. Галаха прямо требует ингумации, мало того, кремированные останки не могут быть захоронены на еврейском кладбище и многие традиционные законы траура не соблюдаются после смерти человека, чье тело было кремировано. Однако именно практика концентрационных лагерей в значительной степени внесла свои коррективы в иудейскую религиозную традицию, связанную с погребением. После Холокоста многие евреи собирали пепел из крематориев лагерей смерти и хоронили его на еврейских кладбищах.

References

- Agamben. *Homo Sacer. Chto ostaetsya posle Osventsima*. Moscow: Evropa Publ., 2012 (in Russian).
- Boyko, V. Ya. *Posle kazni*. Tbilisy: Merani Publ., 1986 (in Russian).
- Christie, N. *Okhranniki kontsentratsionnykh lagerei. Norvezhskie okhranniki «Serbskikh lagerei» v Severnoi Norvegii v 1942–1943 gg.* St. Petersburg: Alyreya Publ., 2017 (in Russian).
- Florenskii, P. *Imena*. Moscow: Eksmo-Press Publ.; Khar'kov: Folio Publ., 1998 (in Russian).
- Florenskii, P. *Svyashchennoe pereimenovanie. Izmenenie imen, kak vneshnii priznak peremen v religioznom soznanii*. Moscow: Khram sv. muchenitsy Tatiiany Publ., 2006 (in Russian).
- Gobi, V. *Detskaya komnata*. Kharkov-Belgorod: Klub semeinogo dosuga Publ., 2016 (in Russian).
- Kempinski, A. *Ekzistentsial'naya psikiatriya*. Moscow: Sovershenstvo Publ.; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 1998 (in Russian).
- Losev, A.F. *Veshch' i imya*. Moscow: Izd-vo Olega Abyshko Publ., 2008 (in Russian).
- Makarova, L. *Smert' v mirovozzrenii natsional-sotsializma. Smert', kak fenomen kultury. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Syktyvkar: [S.n.], 1994 (in Russian).
- Nikiforova, A. *Eto ne dolzhno povtorit'sya*. Moscow: [S.n.]; St. Petersburg: Rech Publ., 2017 (in Russian).
- Polyan, P. 'Eсли tol'ko budu zhiv.' 12 dnevnikov voennykh let. Moscow: Nestor-Istoriya Publ., 2021 (in Russian).
- Safina, A. "Uznitsa Osventsima." *Hronos*, http://www.hrono.info/text/2005/safina05_05.html (in Russian).
- Tsurkan, Yu. *Poslednii krug ada*. Moscow: [S.n.], 2017 (in Russian).
- Zen, Yan, ed. *Auschwitz-Brzezinka retrahitur castra. (Auschvits-Birkenau)*. Warsaw: Wyd-wo prawnicze Publ., 1957 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Борис Григорьевич Якеменко, канд. истор. наук, доцент кафедры истории России, Российский университет дружбы народов; 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; borislj@mail.ru

Boris G. Iakemenko, Associate Professor of the Russian History Department, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia; borislj@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-439-443>

Рецензия / Book Review

Рецензия на книгу:
**Черникова Н.В. Государственный совет в системе управления
Российской империи. Вторая половина XIX в.
М.: Научно-политическая книга, 2021. 365 с.**

Андрей Сергеевич Минаков

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

✉ as.minakov@mpgu.su

Для цитирования: Минаков А.С. Рецензия на книгу: Черникова Н.В. Государственный совет в системе управления Российской империи. Вторая половина XIX в. М.: Научно-политическая книга, 2021. 365 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 439–443. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-439-443>

Review of
Gosudarstvennyi sovet v sisteme upravleniya Rossiiskoi imperii.
Vtoraya polovina XIX v. [State Council in the management system
of the Russian Empire. The second half of the 19th century]
by N.V. Chernikova. Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga Publ.,
2021. 365 p.

Andrey Minakov

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

✉ as.minakov@mpgu.su

For citation: Minakov, Andrey. “Review of *Gosudarstvennyi sovet v sisteme upravleniya Rossiiskoi imperii. Vtoraya polovina XIX v. [State Council in the management system of the Russian Empire. The second half of the 19th century]* by N.V. Chernikova. Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga Publ., 2021. 365 p.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 3 (August 2022): 439–443. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-439-443>

Изучение политических институтов российского самодержавия остается одним из перспективных направлений современной историографии. Анализ внутренней организации, состава, деятельности различных административных структур в их динамике и развитии раскрывает природу имперской государственности, объясняет явления и процессы, обусловившие ее длительную жизнеспособность, и, в то же время, ее драматичный финал. В ряду высших государственных учреждений Российской империи особая роль принадлежала Государственному совету, который более столетия выполнял важнейшие функции в правотворческом процессе. Закономерно, что он стал объектом историографического интереса еще в досоветское

© Минаков А.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

время, но сегодня все еще оставляет значительное поле для построения новых исследовательских гипотез. Не случайно идея совещательного органа для решения важнейших вопросов внутренней и внешней политики продолжает свое существование в современных реалиях. Сегодня Государственный совет вновь востребован в действующей управленческой модели как институциональная дефиниция. Именно поэтому новая монография Н.В. Черниковой о механизмах деятельности Государственного совета как одного из важнейших элементов имперской административной модели на протяжении поворотного этапа его истории крайне актуальна с научной и научно-практической точек зрения. Автор данного исследования хорошо известна своими публикациями исторических источников и исследованиями по изучению политической элиты второй половины XIX столетия, а также институциональных и функциональных аспектов деятельности высших и центральных учреждений Российской империи¹.

Представленная книга основана на широкой источниковой базе. Н.В. Черникова выявила и проанализировала делопроизводственное наследие Государственного совета, а также источники личного происхождения из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, а также рукописных собраний Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки. Многие из использованных документов вводятся в научный оборот впервые. Кроме того, автор досконально разобралась в солидном массиве законодательных актов, регламентировавших разнообразные формально-правовые стороны деятельности Государственного совета. Привлечение материалов периодической печати и публицистики позволило Н.В. Черниковой выяснить, каким образом работа Государственного совета отражалась в общественном мнении и какие факторы влияли на его формирование. Наряду с этим монография имеет солидную теоретико-методологическую базу, поскольку опирается на анализ досоветского, советского и современного этапов развития историографии изучения многоплановых аспектов деятельности Государственного совета.

Буквально с первых страниц книга погружает читателя в чрезвычайно интересный период имперской России. Это время запуска Великих реформ и царствования Александра III – эпоха насыщенной внутривластной деятельности, посвященной государственному строительству и модернизации важнейших областей социальной и хозяйственной сфер жизнедеятельности дореволюционного общества. Поэтому Н.В. Черникова рассматривает Государственный совет в контексте его взаимодействия с верховной властью и разными ведомствами империи. Событийный контекст исследования – атмосфера непрерывных административных реформ, которые самодержавие проводило на протяжении всего XIX столетия. Такой подход отразился на всей внутренней композиции монографии. Ее структура воспроизводит оригинальный и новый для исторической науки взгляд на Государственный совет не только как институциональное, но и социокультурное явление. В семи главах книги последовательно разобраны: эволюция структуры и внутренней организации Государственного совета, его сложная система делопроизводства, порядок заседаний и консультаций, роль императора в его работе, а также взаимоотношения с другими ключевыми органами власти и др.

Создание законодательного акта в Российской империи на страницах исследования Н.В. Черниковой раскрывается как неоднозначный, во многом противоречивый, трудно предсказуемый и неопределенный по срокам процесс. Непросто бы-

¹ Черникова Н.В. Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М., 2017; Черникова Н.В. Князь В. П. Мещерский и Александр III (История одной дружбы) // Cahiers du monde russe. 2002. Vol. 43. № 1. P. 103–118.

ло предположить, какие метаморфозы ожидают законопроект от его первоначальной редакции до высочайшего утверждения, а также, какие лица окажутся причастны к его нормотворческой судьбе. В этой связи Н.В. Черникова досконально выяснила всю технологию прохождения законопроекта через Государственный совет в исследуемый период. Опираясь на широкий круг источников, автор свободно ориентируется в сложных хитросплетениях официальных ритуалов, а также нравах бюрократического закулисья. Текст выглядит очень живым и интересным для читателя благодаря большому количеству материала о повседневной деятельности Государственного совета и его членов. Автор приводит интересные портретные зарисовки, не скупится на привлечение разнообразных источников, чтобы объективнее показать читателю ту или иную сторону излагаемых событий.

Н.В. Черникова с полным основанием обращает внимание на проблему гласности функционирования Государственного совета. В условиях непубличности политического курса, цензурных ограничений и, в целом, закрытости всей вертикали власти любые каналы с информацией о деятельности Совета имели большую ценность. Например, при всей своей одиозности князь В.П. Мещерский, об осведомленности которого ходили легенды, был одним из немногих, кому удавалось узнавать «из первых рук» обо всем, что происходило в высших коридорах власти. Своими публикациями он едва ли не единственный, кто приоткрывал завесу таинственности о происходившем в залах и кабинетах Марииинского дворца (С. 236–237). Стоит подчеркнуть, что за его кулисами вездесущий князь Мещерский черпал информацию о будущих решениях, узнавал новости из отдаленных уголков империи, не брезгуя в том числе слухами и сплетнями. Считалось, что, пользуясь своей близостью к императору, он даже протезировал некоторым администраторам в получении заветного кресла члена Совета².

Вместе с тем следует отметить некоторые аспекты исследования, которые, на наш взгляд, нуждаются в дополнительной проработке. Прежде всего речь идет о дискуссионности вопроса о дате возникновения Государственного совета как самостоятельного законосовещательного органа. Поскольку автор аргументировано раздвигает хронологические рамки своей работы, выяснение этого вопроса приобретает органичный интерес. Дискуссия о времени юридического оформления Государственного совета, затронутая автором, раскрывает нам важную составляющую направления государственно-правовой мысли исследуемого периода. Действительно, учреждение Государственного совета, по сути, не изменило подходов к организации управления страной, когда не только последнее, но и решающее слово оставалось за монархом – главой государства. Кроме того, новый законосовещательный орган власти оставался все тем же собранием облеченных доверием лиц. Вплоть до 1906 г. этот принцип его комплектования оставался определяющим.

Однако позиция Н.В. Черниковой по этому вопросу выражена не совсем четко, поскольку ее попытка растянуть формирование Государственного совета на «этапы» – 1801 и 1810 гг. выглядит достаточно уязвимо (С. 16). На наш взгляд, создание в 1801 г. Непременного совета наряду с Негласным комитетом было вызвано поиском компромисса между старой бюрократической элитой, имевшей несомненное влияние на тогда еще малоопытного императора, и его новым окружением. На это указывает законодательное преподнесение Непременного совета как преемника старого Совета при высочайшем дворе. Такая образная игра терминами не позволяет убедительно говорить о безусловной преемственности между Государственным и Непременным советами. При всей кажущейся схожести в принципах

² Минаков А.С. «Вы знаете по почерку, кто Вам пишет...» (Об издании писем В.П. Мещерского Александру III) // Российская история. 2020. № 2. С. 217–220.

и целях деятельности последний имел ряд функциональных особенностей, которые существенно ограничивали его законосовещательные возможности. Прежде всего, ему не была вменена обязательность участия в законотворческой процедуре. На практике он занимался рассмотрением не только законопроектов, но и, например, сенаторских ревизий и даже судебных решений. Имелись и процессуальные особенности. Например, императору передавались на рассмотрение лишь те дела, которые получали одобрение большинства Совета. С 1803 г. Совет мог рассматривать дела по тому или иному ведомству только в присутствии соответствующего министра. Вот почему фактически Непременный совет был, главным образом, консультативной инстанцией по весьма широкому, в том числе и законодательному, комплексу вопросов.

Далее, положение Государственного совета среди других политических институтов самодержавия в значительной степени определялось его составом. В историографии разного времени отмечалось, что именно порядок формирования и состав Государственного совета свидетельствовали о его гомогенности самодержавной политической системе. Неспроста портретная галерея членов Государственного совета включала практически весь цвет бюрократического олимпа исследуемого периода. Поэтому читателю наверняка были бы интересны авторские оценки кадрового корпуса Государственного совета и его влияния на законотворчество. Однако рецензируемому изданию не достает таких высказываний, хотя Н.В. Черникова посвящает отдельные разделы книги участию глав центральных ведомств в этом процессе, что как бы предвосхищает продолжение начатых рассуждений. Кроме того, данный вопрос был животрепещущим не только в бюрократической верхушке, но и интересовал исследователей уже досоветского времени, которые, как отмечает автор, высказывали зачастую немало критики по этому поводу (С. 18–20).

Состав Государственного совета интересен не только своей персональной стороной, но и возможностью охарактеризовать определенные закономерности кадровой политики самодержавия, складывание групп влияния или, наоборот, «кадрового балласта». Например, значительная их часть рекрутировалась из числа бывших губернаторов. Заметим, что подобная практика поощрялась верховной властью³. Видимо, считалось, что экс-губернаторы обладают практическим опытом и хорошо осведомлены о жизни провинции. Стоит признаться, что многие губернаторы считали для себя переход в Государственный совет хорошим продолжением карьеры. Но одновременно это был уже ее закат. Получив кресла в Маринском дворце, они уходили в тень реальной и публичной политики, практически не имея возможности проявлять какую-либо инициативу. Нередко после каких-нибудь скандальных историй на эти места перемещали проштрафившихся администраторов, чтобы убрать их подальше от мест прегрешений. Понимание того, кто составлял высший законосовещательный орган, показывает, кто стоял за принятием решений, уровень их компетентности и реального участия в принятии политических решений⁴. Все это позволило бы полнее и красочнее раскрыть деятельность Государственного совета и его влияние на жизнеспособность самодержавной системы в целом. Между тем все высказанные замечания носят сугубо полемический характер и обусловлены несомненно интересным нарративом исследования.

³ *Lieven D.* The Russian ruling elite under Nicholas II (Career patterns) // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1984. Vol. 25. № 4. P. 429–454.

⁴ *Minakov A.S.* Dismissal as a Factor in Personnel Rotation within the Gubernatorial Corps in Reform-Era Russia // *Russian Studies in History*. 2015. Vol. 53. № 4. P. 53–71.

Таким образом, монография Н.В. Черниковой является важным вкладом в развитие отечественной историографии. Ее отличает новаторский подход, оригинальные выводы и обобщения, которые раскрывают существенную роль Государственного совета в системе государственного управления пореформенной России. Материалы рецензируемого исследования имеют большое значение для подготовки новых обобщающих трудов по истории России, учебных и специальных курсов, а также в рамках изучения новых направлений проблематики государственных учреждений, персоналий высшей бюрократии, взаимоотношений внутри властной вертикали в России имперского периода. Вне всякого сомнения, данная книга поможет глубже понять природу самодержавной управленческой модели, ее сильные и слабые стороны, комплекс которых повлиял на судьбу российской государственности.

Поступила в редакцию / Submitted: 10.05.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 16.07.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 19.07.2022

References

- Chernikova, N.V. *Portret na fone epokhi: kniaz' Vladimir Petrovich Mecherskii*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2017 (in Russian).
- Chernikova, N.V. "Prince V.P. Meshcherskii and Alexander III: A History of their Friendship." *Cahiers du Monde Russe* 43, no. 1 (2002): 103–118 (in Russian).
- Lieven, D. "The Russian ruling elite under Nicholas II (Career patterns)." *Cahiers du monde russe et sovietique* 25, no. 4 (1984): 429–454.
- Minakov, A.S. " 'You know by handwriting who is writing to you' (On the publication of letters of Prince V.P. Meshchersky to Alexander III)." *Rossiiskaia istoria*, no. 2 (2020): 217–220, <https://doi.org/10.31857/S086956870009270-8> (in Russian).
- Minakov, A.S. "Dismissal as a Factor in Personnel Rotation within the Gubernatorial Corps in Reform-Era Russia." *Russian Studies in History* 53, no. 4 (2015): 53–71, <https://doi.org/10.1080/10611983.2014.1046283>

Информация об авторе / Information about the author

Андрей Сергеевич Минаков, д-р истор. наук, профессор кафедры истории России, директор Дирекции изучения истории, Московский педагогический государственный университет; 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1; as.minakov@mpgu.su; <https://orcid.org/0000-0003-0922-9306>

Andrey S. Minakov, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of Russian History, Director of the Department of History Studies, Moscow Pedagogical State University; 1/1, M. Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russia; as.minakov@mpgu.su; <https://orcid.org/0000-0003-0922-9306>

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

SUBMISSION GUIDELINES

Редакционная коллегия принимает к публикации рецензии объемом 10–12 тыс. знаков, статьи и историографические обзоры объемом до 40 тыс. знаков в формате MS Word с учетом пробелов, подстрочных сносок и элементов издательского оформления. Статья должна состоять из трех разделов: «Введение» (обоснование темы, определение цели и задач исследования, обзор источников и литературы (с обязательным анализом новейших зарубежных публикаций), «Исследование проблемы» (делится на смысловые блоки, которым даются подзаголовки), «Выводы» (должны быть развернутыми; объем – не менее 0,5 страницы). Ссылки на источники и литературу даются постранично с помощью продолжающихся номерных сносок на оригинальном языке опубликования.

Элементы издательского оформления включают в себя:

- заголовок статьи на русском и английском языках;
- ФИО автора, название и адрес организации, e-mail на русском и английском языках;
- англоязычную аннотацию (не менее 240 и не более 260 слов);
- русскоязычный исходный текст англоязычной аннотации;
- ключевые слова на русском и английском языках (5–10 слов);
- информацию об авторе на русском и английском языках (ФИО автора, ученая степень, звание, должность, название подразделения, название организации);
- дополнительную информацию на русском и английском языках, если имеется (финансирование, благодарности и пр.);
- библиографический список (приветствуется включение в библиографический список 2–3 англоязычные статьи из журналов, входящих в БД Scopus и WoS);
- references.

Публикации в References выстраиваются в порядке английского алфавита. При транслитерации необходимо использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Библиографическое оформление публикаций в этом списке отличается от оформления в подстрочных сносках и производится в соответствии с правилами «Чикагского стиля цитирования» («Chicago Manual of Style») в 17-й редакции в варианте «Note and Bibliography System». При оформлении публикации необходимо указывать название издательства в транслитерированном варианте с обязательным добавлением слова Publ. (Press, если указывается типография). В случае его отсутствия ставить пометку [S.n.] ([Б.и.] при цитировании в Библиографическом списке).

Рукопись направляется по электронному адресу корпоративной почты журнала (rushistj@rudn.ru) и ответственного секретаря (kornouh@mail.ru).

Более полную информацию о правилах оформления рукописи см. на сайте:
<http://journals.rudn.ru/russian-history>